

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

А.А. МЕДЫНЦЕВА

В книге публикуются 253 надписи, найденные на стенах Софийского собора в Новгороде во время археолого-реставрационных работ. Рассматривая древнерусские граффити как важный исторический источник, сопоставляя текст надписей с берестяными грамотами и надписями Софии Киевской, автор приходит к интересным выводам в области русской истории, культуры, языка и письменности.

Ответственный редактор
академик
Б. А. РЫБАКОВ

На фронтиспise помещена цветная фотография
Софийского собора в Новгороде.
Фото В. Е. Гиппенрейтера

ВВЕДЕНИЕ

Надписи-граффити —

рически, от особенностей почерка до исторических лиц или событий, упоминаемых в исторической записи. Можно предложить такое определение: русская средневековая эпиграфика — раздел исторической науки, занимающийся формой и содержанием надписей, сделанных не на основном письменном материале (пергамен, воск, береста, бумага), а на различных предметах или случайных, не предназначенных для этого поверхностях»¹.

Некоторые исследователи считают, что такое определение задач эпиграфики несколько преувеличено².

Однако не только эпиграфика, но и ряд других вспомогательных исторических дисциплин имеют тенденцию к утрате своей вспомогательной сущности и выработке собственного круга проблем и специфических приемов исследования. Этот процесс становления дисциплин, считавшихся ранее вспомогательными, в самостоятельные исторические дисциплины отмечался на научной конференции, состоявшейся в 1969 г. в Ленинграде, посвященной состоянию и задачам изучения вспомогательных исторических дисциплин. В. Л. Янин отмечал, что этот процесс в значительной степени свойствен нумизматике, сфрагистике, в меньшей мере — эпиграфике³.

Процесс становления эпиграфики в самостоятельную дисциплину менее заметен по сравнению с нумизматикой и сфрагистикой благодаря чрезвычайно широкому объему эпиграфических памятников: эпиграфическому исследованию подлежат и надписи на пряслицах, и на огромных камнях, процарапанные надписи на стенах зданий и художественные надписи на предметах прикладного искусства и т. д. Такое разнообразие материала, на котором самыми различными способами выполнены надписи, порождает и значительное разнообразие в методах фиксации и исследования памятников. Эта специфичность каждой группы эпиграфических памятников вызвала специализацию внутри самой эпиграфики: отдельно изучаются надписи на монетах и надписи на печатях, надписи на произведениях искусства, надписи-граффити на монетных слитках и на стенах древнерусских зданий. И в каждой отрасли эпиграфической дисциплины перед исследователем стоят свои задачи, вырабатываются свои приемы исследования.

Так, исследование надписей на монетах требует владения приемами нумизматического анализа, изучение берестяных грамот ставит задачу овладения стратиграфическим анализом, а исследование граффити невозможно без достаточного знания «стратиграфии архитектурной»⁴ — умения разбираться в сложной архитектурной истории памятника, на стенах которого находятся изучаемые надписи.

Но можно отметить одно общее, что свойственно методам эпиграфического анализа: взаимосвязанное изучение надписи и предмета, на котором она была сделана, будь то крошечное пряслице или стена собора, с привлечением самых широких вспомогательных данных, которые помогли бы уяснить и содержание надписи, и ее значение для тех или иных исторических выводов.

Современная эпиграфика не ограничивается задачами прочтения и датировки надписи. Палеографический анализ — лишь необходимая часть исследования эпиграфического памятника. Дальнейшее источниковедческое его исследование не только помогает уяснить смысл надписи и использовать ее для собственно исторических построений, но в ряде случаев дает какие-то конкретные исторические результаты, помогает иногда датировать надпись с точностью, недоступной для собственно палеографических методов.

Нельзя, конечно, рассчитывать на то, что всякий эпиграфический памятник содержит важные исторические сведения. Особенностью эпиграфического материала является краткость, далеко не всякая надпись по своему своему содержанию имеет историческую ценность. Однако даже самые традиционные надписи помимо явной ценности для истории русского языка при изучении их на фоне общих исторических построений могут дать неожиданные и значительные результаты.

*

Как уже говорилось выше, расширение задач эпиграфики как исторической дисциплины идет параллельно с развитием специализации внутри самой эпиграфики. Эта специализация — результат не только расширения объема самого материала, но и усложнения задач, которые ставятся перед эпиграфикой⁵.

Изучение надписей-граффити на стенах древнерусских зданий является одним из самых обширных и важных разделов русской эпиграфики. Эти надписи, оставленные представителями различных слоев древнерусского общества, являются историческим источником первостепенной важности. Таковы граффити летописного характера, дополняющие и уточняющие сведения летописей; надписи, поясняющие фресковые сюжеты, ценные для изучения истории древнерусской живописи, автографы известных исторических деятелей, записи, удостоверяющие перед лицом послухов юридические сделки.

Обычай писать на церковных стенах настолько широко был распространен в древней Руси, что нашел отражение в юридических документах: в ведении церковного суда наряду с другими преступлениями находились и такие: «крест посскают, или на стенах режут»⁶. Однако осуждение этого обычая официальной церковной властью не мешало прихожанам и самим церковникам постоянно нарушать запрет. Такие надписи процарапаны на стенах многих памятников древнерусской архитектуры.

О надписях на стенах Зверинецких пещер в Киеве писал еще Н. Закревский в 1868 г.⁷ Спустя двадцать лет после сообщения Закревского во время реставрации фресок киевской Кирилловской церкви также были найдены надписи, процарапанные острым предметом по фресковой штукатурке⁸. Позже Н. Е. Бранденбург публикует фототипические таблицы, на которых представлены фрагменты штукатурки с процарапанными надписями, найденные в развалинах Георгиевской церкви в Старой Ладоге⁹.

Большинство граффити было обнаружено во время реставрации фресок. Поэтому первые сообщения о них принадлежат историкам искусства, любителям старины и, конечно, не претендуют на подлинно научное исследование надписей. В большинстве случаев эти отрывочные упоминания сопровождалось очень неточными зарисовками самих надписей. Однако к началу XX в. значительное развитие палеографии рукописей поставило перед исследователями задачу сбора и научного анализа эпиграфических памятников.

Таким первым, подлинно научным исследованием надписей этого рода, во многом определившим современный ему уровень развития эпиграфики, была публикация В. Н. Щепкиным надписей-граффити, обнаруженных во время реставрационных работ в новгородском Софийском соборе¹⁰. В статье В. Н. Щепкина фототипическим способом были воспроизведены все сленки с надписей, поступивших в его распоряжение, каждая надпись была прочтена и снабжена подробным лингвистическим комментарием. Наблюдения над палеографией этих надписей, завершающие исследование, не потеряли значения и для нашего времени. С современной точки зрения В. Н. Щепкину можно сделать упрек лишь в том, что им не было до конца выяснено местонахождение публикуемых граффити и что он исследовал отпечатки надписей, не изучая сами оригиналы. Поэтому в некоторых случаях выбоины и черточки в штукатурке были им приняты за буквенные знаки¹¹.

Между тем эти надписи составляли лишь небольшую часть обширного эпиграфического материала, открытого на стенах новгородского Софийского собора во время ремонтно-реставрационных работ, проводившихся в течение нескольких лет. В процессе работ со стен собора была сбита вся позднейшая штукатурка, в некоторых местах заложены раскопы для осмотра и ремонта фундаментов. Под уровнем пола XIX в. были найдены еще два пола — изразцовый и мозаичный и цементная заливка. Все пространство от цементной заливки до уровня пола XIX в. было засыпано строительным мусором¹².

В результате этих работ были обнаружены остатки древней фресковой живописи, открытие которой сразу привлекло внимание ученых, встречены многочисленные надписи и рисунки-граффити, прочерченные по первоначальной штукатурке собора, ставшей доступной для исследования. Однако эти надписи вызвали гораздо меньший интерес, чем можно было ожидать. В настоящее время трудно восстановить подробную историю открытия и последующей гибели многочисленных граффити, так как полный отчет о реставрации Новгородской Софии так и не был издан, а в кратких отчетах В. В. Суслова, опубликованных в журнале «Зодчий»¹³, и при обсуждении проекта стеной росписи Софии¹⁴ надписям-граффити уделялось очень мало внимания.

Однако уже в первом отчете В. В. Суслова, опубликованном в 1894 г., имелись сведения и об открытии надписей: «Помимо фресковых живописных сюжетов открыто большое количество надписей, крестиков, монограмм, птиц, животных и других изображений. Все они мелкого масштаба

и сделаны углубленным контуром в первоначальной розовой штукатурке (без всяких красок). Они находились главным образом на столбах до высоты роста человека. Множество таких же изображений встретилось на столбе и стенах круглой лестничной башни. При исследовании древнего пола храма также были замечены надписи, крестики и другие фигуры, находящиеся в настоящее время уже около самого пола. Наконец, такие же надписи, кресты и прочие аллегорические изображения изредка встречаются по всем стенам собора. Все они тщательно сняты на кальках и помечены соответственно их местоположению»¹⁵.

На заседании Археологической комиссии при обсуждении проекта стеной росписи Софии, представленного на рассмотрение В. В. Сусловым, было принято решение и относительно открытых надписей: «Обнаруженные на стенах надписи, не представляющие особенного интереса, закрыть штукатуркой, но так, чтобы она, в случае надобности, могла быть вскрываема без вреда для них, а те надписи на стенах, кои будут признаны Комиссией заслуживающими оставаться открытыми, равно как надписи, находящиеся под новым полом, не заштукатуривать (незаштукатуренные предполагали покрыть стеклом — А. М.) и сделать их осмотр возможно доступным для ученых исследователей»¹⁶. Для изучения надписей Археологической комиссией были направлены в Новгород А. И. Соболевский и И. А. Шляпкин.

«Реставрация» Софийского собора шла быстрыми темпами. Ее исполнители не считались даже с весьма скромными требованиями Археологической комиссии, так как новгородским архиепископом, финансировавшим работы, было дано всего два года на исполнение росписи. «Причина короткого срока та, что церковные службы происходят ныне в маленькой церкви, неудобной по тесноте помещения и сильной духоте. В скорейшей отделке храма заинтересован не только архиепископ (страшно утомляющийся при богослужениях), но также остальное духовенство и все жители Новгорода, для коих часто недоступно быть на архиерейском богослужении»¹⁷.

При этих условиях не удивительно, что ни обер-прокурор Синода, ни новгородский архиепископ даже не дали никакого официального ответа на ряд решений Археологической комиссии. Обер-прокурор, не считаясь с этими решениями, передал выполнение новой росписи иконописцу Сафонову, поручив академику М. П. Боткину просматривать эскизы иконографических изображений¹⁸. «Так дело реставрации Софии Новгородской попало, по воле бюрократических органов, в руки проницательного безграмотного подрядчика по выполнению «иконописных работ» и скучнейшего академического живописца, активного насаждателя стиля «прюсс»¹⁹.

Стоит ли после этого удивляться тому, что не только граффити, но и остатки древней фресковой живописи собора сбивались со стен и сводов. Лишь в некоторых случаях В. В. Суслов счел возможным сохранить фрагменты древних фресок под позднейшими записями. Не было осуществлено и его намерение — очистить подполы, устроив современный пол на особых новых столбах, чтобы сделать надписи, находящиеся на нижних частях

стен и столбов собора, доступными для изучения²⁰. О дальнейшей судьбе открытых надписей мы можем судить по дискуссии, развернувшейся на докладе В. В. Суслова о новгородском Софийском соборе, сделанном на одном из заседаний X Археологического съезда в Риге²¹. А. И. Соболевский сообщал, что когда он и И. А. Шляпкин прибыли в Новгород для исследования надписей, то они могли найти лишь часть их, другие нельзя было разыскать под штукатуркой, а места их не было точно отмечено, отбить же цемент отказывались сами рабочие. В свое оправдание В. В. Суслов заявил, что об открытии надписей он своевременно уведомил Археологическую комиссию, но никто не ехал, и он был вынужден сделать то, что мог, не будучи специалистом: «калькировать надписи, отметить места нахождения их и принять по возможности меры к их сохранению»²².

Меры эти были следующие: 1) граффити между полами защищены толстой бумагой или войлоком, 2) граффити на лестнице покрыты слоем легко удалимой штукатурки и места их нахождения отмечены; 3) надписи на хорах залиты цементом, что было вызвано необходимостью сохранности самого здания²³.

Защищая действия Археологической комиссии, А. А. Спицын указывал, что комиссия не была своевременно поставлена в известность об открытии надписей, что большая часть их сохранена, а залитые цементом не представляют значения и будут изданы по снимкам В. В. Суслова²⁴.

Теперь трудно сказать, была ли Археологическая комиссия своевременно извещена об открытии надписей. Ясно только, что в результате несогласованности действий В. В. Суслова и Археологической комиссии при требовании финансирующих органов завершить роспись в очень короткий срок безвозвратно исчезли из поля зрения науки многие ценные надписи. О многих из них мы можем судить лишь по калькам В. В. Суслова, которые, как отмечал и А. И. Соболевский, недостаточно точны²⁵. Это вполне понятно, так как прориси на кальках выполнялись даже не самим В. В. Сусловым, а чертежником-десятиком, который иногда случайные царапины принимал за штрихи букв, а иногда не догадывался очистить надпись от пыли, поэтому некоторые настоящие штрихи не были им замечены²⁶.

Как становится ясным из дискуссии на докладе В. В. Суслова, И. А. Шляпкину были доступны уже не все надписи, обнаруженные в Софийском соборе. Однако из сообщения А. Н. Вершинского следует, что И. А. Шляпкиным все же были обследованы многие надписи, в том числе неизвестные В. В. Суслову²⁷. Новгородские граффити должны были войти в корпус древнерусских надписей XI—XIV вв., над которым И. А. Шляпкин работал до конца своей жизни. В процессе подготовки этого корпуса им была проделана огромная работа по выявлению, фиксации и систематизации надписей самого разного рода, в том числе и надписей-граффити. Но, к сожалению, эта работа не была закончена, отчасти в этом были виноваты большой объем и разнотильность эпиграфического материала, который должен был быть объединен в общий корпус.

О масштабах работы, которая была проделана И. А. Шляпкиным по созданию «вещевой палеографии», сравнению ее с палеографией рукописей, о создании библиографии эпиграфических памятников, выявлении и сборе надписей, разработке методов их фиксации в зависимости от материала мы можем судить лишь по лекциям, записанным его слушателями и изданным с разрешения, но без просмотра автора ²⁸.

После смерти И. А. Шляпкина над завершением его труда работали А. А. Шахматов и А. Н. Вершинский. Но корпус надписей И. А. Шляпкина так и не увидел света как из-за смерти А. А. Шахматова, так и в связи с крайне неблагоприятной обстановкой, которая сложилась для развития вспомогательных исторических дисциплин. В конце 20-х—начале 30-х годов вульгарно-социологическая школа М. Н. Покровского всякое занятие какой бы то ни было отраслью источниковедения осуждала как «голое вещеведение» ²⁹.

В 1940 г. А. Н. Вершинский подготовил к печати рукопись «Исторические надписи как источник по истории СССР», посвященную эпиграфике XI—XVII вв., с учетом материалов И. А. Шляпкина, но и эта работа не была издана ³⁰. В ней только упоминается содержание некоторых граффити из Софийского собора в Новгороде, но тексты их, не говоря уже о фотографиях или прорисях, отсутствуют. Поэтому и эта работа не может восполнить утраченных надписей.

Местонахождение рукописи И. А. Шляпкина не известно. В архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, куда в свое время поступили материалы Археологической комиссии, хранится разрозненный архив И. А. Шляпкина ³¹. В нем сохранилось некоторое количество негативов фотографий самих надписей или эстампажей, изготовленных И. А. Шляпкиным. Большую часть фотоархива составляют также негативы фотографий прорисей надписей на кальках, сделанных во время реставрации собора В. В. Сусловым. Сохранилось также и несколько фотографий того времени, сильно выцветших и уже почти не пригодных для исследования. Всякие пояснения к надписям отсутствуют.

В рукописном архиве ЛОИА хранится также «дело И. А. Шляпкина» — о проекте издания русских вещевых надписей XI—XIV вв., где находится отчет И. А. Шляпкина о поездке в Новгород для осмотра фресок новгородского Софийского собора, совершенной им в 1895 г., и краткий обзор обнаруженных им надписей-граффити ³². Об общем количестве надписей XI—XIV вв. позволяет судить приложенный к докладу перечень гипсовых снимков, снятых И. А. Шляпкиным во время этой поездки, насчитывающий 141 слепок! Самым ценным материалом являются хранящиеся там же отпечатки клише с надписей-граффити, изготовленные для корпуса И. А. Шляпкина ³³.

По большей части клише дублируют материалы из фотоархива, но на некоторых отпечатках представлены надписи, не известные ни по фотографиям, ни по прорисям. Хотя никаких пояснений к этим клише не сохранилось, сопоставление их со списком гипсовых слепков позволяет иногда установить местонахождение надписей, и таким образом

отпечатки клише к неизданной работе И. А. Шляпкина до некоторой степени возмещают утраченные надписи.

Как говорилось выше, В. В. Суслову не удалось сделать надписи Софийского собора доступными для осмотра и изучения; полы были снова настелены на уровне полов XIX в., а надписи, находившиеся на нижних частях стен и столбов, между полами, засыпаны мусором, граффити на хорах залиты цементом. Из всех мер по сохранению граффити только одно требование Археологической комиссии — «сохранить надписи, заслуживающие внимания» — было соблюдено по отношению к некоторым из них, находящимся на стенах лестничной башни. Многие граффити действительно не были здесь заштукатурены и покрыты для сохранности стеклом³⁴ (что является заслугой И. А. Шляпкина, который, прибыв в Новгород, застал штукатурку на лестнице еще свежей и принял меры к сохранению надписей). В остальных местах собора штукатурка уже затвердела так, что отбить ее оказалось невозможным³⁵.

Имеются сведения, что работа по сбору новгородских надписей продолжалась и в 30—40-е годы и позднее³⁶. Долгие годы небольшая часть граффити новгородского Софийского собора, изданная в свое время В. Н. Щепкиным, оставалась единственной печатной работой по этой теме.

В послевоенные годы в соборе Софии были предприняты значительные архитектурно-реставрационные работы, сопровождавшиеся археологическими раскопками³⁷. В результате снова стали доступными для изучения многие надписи, процарапанные по первоначальной штукатурке (обмазке) собора. Однако и вновь открытые надписи, и надписи, сохраненные И. А. Шляпкиным на лестнице собора, долгое время не привлекали внимания специалистов.

В то же самое время значительные успехи были достигнуты в изучении граффити киевского Софийского собора, начало изучения которых было положено статьей Б. А. Рыбакова «Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі»³⁸, в которой были изданы надписи известных исторических лиц — Владимира Мономаха и новгородского архиепископа Мартирия. Уже в этой статье были разработаны основные методы работы с эпиграфическим материалом; сопоставление граффити с рукописным, эпиграфическим, нумизматическим материалом, исторический анализ содержания надписей.

Параллельно с расчисткой и реставрацией фресок в киевском Софийском соборе с 1959 г. началось систематическое изучение граффити С. А. Высоцким, завершившееся публикацией исследования, включающего почти 100 надписей³⁹. В этой монографии не только были изданы, прочитаны, датированы и снабжены историческим комментарием самые разнообразные надписи XI—XIV вв. (историческая ценность некоторых из них равна летописным сообщениям и юридическим актам), но и разработана методика поисков граффити под слоями масляной живописи с помощью зеркальных электроламп. Кроме того, С. А. Высоцким вместо трудоемкого и небезвредного для самих граффити и фресковой живописи приема фиксации с помощью отиска на «мастику» (скульптурную глину)

был разработан простой и надежный способ фотофиксации и изготовления точных прорисей граффити путем карандашной прорисовки фотографий, отбели их и последующей наводки тушью по карандашным контурам.

Таким образом, в результате исследования граффити киевского Софийского собора были достигнуты исключительно интересные с исторической точки зрения результаты, выработана методика поисков и фиксации граффити, разработаны принципы их датировки. Не только историки, но и лингвисты снова осознают большие возможности этого нового исторического источника ⁴⁰.

Возрождение интереса к изучению граффити снова привлекло внимание к надписям новгородских церквей и прежде всего — к граффити Софийского собора. Это вполне естественно, так как София — одно из самых древнейших каменных зданий древней Руси (построена в 1050 г.). Некоторые надписи могут относиться к XI в., т. е. ко времени, очень скупо освещенному другими источниками. Кроме того, храм Софии играл исключительную роль в общественно-политической жизни Новгорода. В древнейший период собор Софии олицетворял силу княжеской власти и служил местом погребения князей. С установлением вечевой республики значение Софии как главного общественного здания и центра самого крупного феодального землевладения, принадлежавшего новгородскому архиепископу, как хранилища государственной казны и символа республики еще более возросло ⁴¹. Ни одно крупное событие в политической жизни Новгорода не проходило мимо Софии, олицетворявшей собой Новгород и вечевую республику. Именно поэтому эпиграфические материалы Софийского собора привлекают к себе особое внимание и нуждаются в первоочередном изучении.

Изучению граффити этого храма способствовало то обстоятельство, что ремонтно-реставрационные работы, сопровождавшиеся архитектурно-археологическими исследованиями, поисками и реставрацией фрагментов фресковой живописи, были продолжены в 1961—1966 гг., когда в связи с устройством отопления в соборе Софии был заложен ряд раскопов до глубины пола XI в. ⁴²

В настоящее время надписи-графффити обнаружены на стенах лестничной башни, на нижней части стен и столбов в центральной части храма (где было заложено несколько раскопов), на стене придела Иоанна Богослова, на первоначальной штукатурке и фресковой живописи Мартирьевской паперти. Эти надписи в своем большинстве не известны ни по калькам В. В. Суслова, ни по фотографиям И. А. Шляпкина ⁴³.

Настоящая работа посвящена исследованию надписей-графффити на стенах новгородского Софийского собора ⁴⁴. Основным материалом для исследования послужили надписи, найденные во время археолого-реставрационных работ, проводившихся в течение последних десятилетий, а также надписи, сохранившиеся на стене лестничной башни со времени реставрационно-ремонтных работ, производившихся под руководством В. В. Суслова. Кроме того, использованы материалы из архива И. А. Шляпкина, хранящиеся в фототеке и рукописном архиве Ленинградского отделения

ИА АН СССР. Как уже отмечалось, этот архив сохранился лишь частично, все пояснительные записи, в том числе о происхождении и местоположении надписей, отсутствуют. Поэтому потребовалась предварительная работа по выяснению происхождения надписей (в архиве имеется некоторое количество фотографий с надписей, происходящих из других новгородских церквей).

Помимо материала И. А. Шляпкина частично привлекался архив В. В. Суслова, относящийся к реставрации собора. Этот материал хранится в архиве музея при Академии художеств (Институт им. И. Е. Репина), где находится часть калек, снятых с надписей-граффити во время реставрации собора⁴⁵. Использован материал, опубликованный ранее В. Н. Щепкиным. В настоящем издании нумерация и количество надписей не совпадают с первой публикацией, так как В. Н. Щепкин давал номера слепкам, на которых иногда зафиксированы несколько надписей. Рисунки-граффити исследовались лишь частично, в том случае, когда они были связаны с надписями. Полная публикация рисунков-граффити не ставилась в задачу исследования, так как изучение их — это особая тема (над которой работает сотрудница Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника Ю. И. Никитина).

При изготовлении прорисей использован метод, предложенный С. А. Высоцким, но в более упрощенном виде: фотографии сразу обводятся тушью, без предварительной прорисовки карандашом, а затем отбеливаются.

Плохая сохранность надписей-граффити, поврежденных трещинами, выбоинами в штукатурке, рисунками, просто стертых с течением времени, настолько затрудняет их чтение, что в некоторых случаях к этому процессу правильнее применять термин «расшифровка». Прочитать и восстановить смысл надписи иногда помогает сопоставление с другими надписями лучшей сохранности, так как большинство записей на стенах собора имеет традиционную форму: это или подпись (писал имярек), или молитвенные формулы. Такие надписи обычны не только для новгородских граффити, но и для надписей такого рода из других городов. Но такой метод расшифровки надписей неприменим, если содержание ее выходит за рамки общераспространенных текстов.

Таким образом, при исследовании надписей основной задачей являлась расшифровка, датировка, а также их всесторонний исторический анализ. Лингвистическое исследование надписей-граффити выходит за пределы этой работы и привлекается лишь в той мере, которая необходима для уточнения датировки или прочтения надписи. Датировка надписей представляет известные трудности, преодолеть которые отчасти помогает изучение архитектуры и живописи собора, претерпевшего на протяжении столетий различные перестройки (расположение надписей на той или иной штукатурке, в определенных местах собора — «архитектурная» стратиграфия).

Еще недавно среди исследователей не было единого мнения о первоначальном облике собора. Прежде всего это касалось времени устройства притворов, возведения папертей и лестничной башни. Высказывалось

предположение, что лестничная башня и паперти были пристроены к первоначальному пятинефному ядру собора лишь в XII в.⁴⁶ Однако многочисленные археологические и архитектурные исследования, сопровождавшие ремонтно-реставрационные работы, позволили вполне достоверно представить первоначальный облик собора. Хотя нельзя утверждать и сегодня, что сложная архитектурная история этого памятника выяснена полностью, уже сейчас стало ясным, что первоначальный план собора соответствует современному и что южный и северный притворы и западная паперть с лестничной башней входили в первоначальный замысел собора⁴⁷.

Раскопками в южной паперти 1955 г. удалось установить, что первоначальная галерея была открытой, но вскоре открытые арки были заложены, в результате чего открытая галерея превратилась в закрытую паперть, приспособленную для захоронения знатных людей. Причем закладка арочных проемов была первоначально сделана так, что изнутри оставались глубокие ниши, заложенные лишь позже, в XII в.⁴⁸

Исследования Софии, проводившиеся в 1962—1964 гг., подтвердили и уточнили эти выводы: оказалось, что асимметричные галереи первоначально были задуманы в один этаж, тем не менее второй этаж галерей был построен сразу, без какого-либо перерыва в строительстве, и с одноэтажными галереями София не существовала⁴⁹. Устройство притворов Рождества Богородицы и Иоанна Богослова также относится к первоначальному замыслу⁵⁰.

Таким образом, надписи, прочерченные по первоначальной штукатурке на лестнице, хорах и в центральной части собора, могли появиться с середины XI в. Это подтверждается и палеографической датировкой части надписей, из которых несколько относятся ко времени построения собора.

Надписи, обнаруженные в Мартирьевской паперти, могут датироваться начиная с середины XI или с XII в., в зависимости от их местоположения. Глубина расположения надписей мало пригодна для их датировки. Еще В. Н. Щепкин предположил, что надписи, находящиеся ниже уровня мозаичного пола, должны быть древнейшими (хотя ему и не удалось выяснить, какие из публикуемых им надписей находились ниже уровня этого пола)⁵¹. Однако исследования последних лет позволяют утверждать, что мозаичные полы были настелены лишь в 1151 г. при архиепископе Нифонте⁵², к тому же древние цементные полы располагались на разных уровнях (что прослежено по всей восточной части собора)⁵³. Это обстоятельство затрудняет наблюдения. Поэтому большие результаты для датировки надписей дадут исследования штукатурки, по которой они были процарапаны.

История росписи Софийского собора складывалась таким образом, что полностью собор был расписан лишь в 1108 г., спустя 58 лет после его сооружения⁵⁴. Причем в этот период были расписаны главное помещение храма и его приделы⁵⁵. Поэтому надписи из раскопов в центральной части здания, процарапанные по первоначальной штукатурке — так называемой цемянке (плотной розовой штукатурке с примесью кирпича), должны

датироваться 1050—1108 гг. (от времени построения собора до его росписи). Можно предположить, что единичные надписи на цементажной штукатурке могли появиться при позднейших ремонтах, но количество таких надписей должно быть очень небольшим. Вследствие значительной хронологической разницы они должны резко отличаться от остальных надписей по палеографическим признакам. Поэтому хотя местонахождение надписей дает четкие хронологические рамки для датировки, необходимо учитывать и палеографические наблюдения.

Для надписей, процарапанных по цементажной штукатурке лестничной башни и папертей, такая уточняющая датировка невозможна, так как стены лестничной башни и помещений второго этажа вообще не расписывались, а Мартирьевская паперть, как показывают последние исследования, была расписана значительно позднее (в самом конце XII в.)⁵⁶. Следовательно, «архитектурно-стратиграфическая» дата надписей из этой паперти, процарапанных по цементажке, — середина XI—конец XII в., а надписи, процарапанные по фресковой штукатурке, могут датироваться не ранее конца XII в.

Таким образом, местоположение надписей помогает определить точные хронологические границы для многих из них. Многие надписи могут датироваться по палеографическим признакам, с уточнениями на основании анализа текста самих надписей.

Во времена В. Н. Щепкина палеографическая датировка надписей строилась на аналогиях с рукописными памятниками. В настоящее время расширение возможностей эпиграфики, становление ее как самостоятельной научной дисциплины ставит новые задачи и перед исследователем, занимающимся изучением граффити. В полной мере эти задачи были сформулированы в своде датированных надписей XI—XIV вв. Б. А. Рыбаковым. В этой работе, прежде всего призванной «дать хронологическое основание для русской эпиграфики, помочь определению многих сотен древнерусских вещей с надписями, являющихся важным историческим источником»⁵⁷, Б. А. Рыбаковым отмечены и систематизированы палеографические особенности датированных надписей на различных предметах, приведены по векам характерные начертания тех или иных букв. Им разработана и принципиально новая и для палеографии, и для эпиграфики методика датировки недатированных надписей по наибольшему числу аналогий. Предлагавшийся некоторыми учеными принцип датировки памятника по самым новейшим признакам⁵⁸ оказался несостоятельным. Этот принцип вообще противоречит палеографическому методу, основанному на том, чтобы строить выводы не по одному, а по сумме признаков⁵⁹. Б. А. Рыбаков провел экспериментальную проверку принципов палеографической датировки на материале одной из самых пространственных датированных надписей — надписи на кресте Евфросинии Полоцкой. Эта проверка показала, что датирующими признаками являются не самые поздние и не самые ранние, а признаки, имеющие наибольшее число аналогий⁶⁰.

При всей привлекательности этого метода датировки нужно иметь в виду, что с его помощью могут быть анализированы не все буквы, а лишь

характерные, как и при любом другом сравнительном методе. Кроме того, наиболее надежную дату дают надписи, достаточно длинные, содержащие характерные буквы. Ценность этого метода уменьшает то обстоятельство, что фонд датированных надписей, на котором построены графики Б. А. Рыбакова, сравнительно невелик — всего 55 надписей XI—XIV вв., причем надписи эти выполнены на разном материале и в разных областях Древней Руси. Для того чтобы создать надежную статистическую основу для этого метода, необходим, по-видимому, более обширный сравнительный материал датированных надписей, сопровождающийся предварительным анализом графики одновременных надписей на разном материале из одних и тех же городов. Только такой анализ может обеспечить надежность этого перспективного метода для датировки эпиграфических памятников.

Значение этой работы Б. А. Рыбакова далеко не исчерпывается тем, что свод датированных надписей является первым по-настоящему научным и практическим пособием по русской вещевой палеографии, подобным тем многочисленным руководствам-справочникам, которыми давно уже располагает русская рукописная палеография⁶¹. Значение ее прежде всего в том, что в ней сформулировано определение предмета эпиграфики, ее отличие от палеографии рукописей, принципы всестороннего исторического анализа эпиграфических рисунков.

Успехи в изучении граффити из других городов Древней Руси — Киева, Смоленска, Владимира⁶², граффити на платежных слитках⁶³ не только имеют самостоятельное значение, но и дают сравнительный материал для датировки.

Особенную ценность для датировки новгородских граффити имеют новгородские берестяные грамоты. Уже при первой публикации новгородских грамот на бересте рядом исследователей была отмечена близость их граффити к начертаниям букв надписей-граффити⁶⁴.

В настоящее время количество берестяных грамот превышает 500. Результаты их палеографического и лингвистического анализа, дополненные стратиграфической датировкой, проверенные методом дендрохронологии, дают надежную основу для сравнительной палеографической датировки эпиграфических памятников.

Конечно, при всей надежности стратиграфических датировок в Новгороде, подкрепленных методом дендрохронологии, определенный коэффициент ошибок имеет место. Известны случаи, когда части одной и той же грамоты попадали в разные строительные ярусы (например, грамоты № 98 и 100) или письмо, упоминающее известное историческое лицо, оказывалось в слоях, не соответствующих времени его жизни (грамота № 385). Наблюдения над другими находками также подтверждают возможность несоответствия действительной хронологии того или иного предмета стратиграфическим датам.

По-видимому, общую стройную картину распределения обнаруженных раскопками вещей по соответствующим горизонтам иногда нарушают незаметные глазу археолога мелкие перекопы, неточности при увязывании культурных напластований в усадьбах с настилами новгородских улиц

и т. п. Кроме того, допуская, что некоторые документы происходят из вотчинных архивов ⁶⁵, приходится учитывать и определенную разницу во времени между моментами их написания и попадания в землю. Однако сама массовость материала, сопоставление с палеографией письменных памятников, возможная иногда проверка стратиграфической и палеографической датировки сопоставлениями с летописями и другими источниками значительно уменьшают этот коэффициент ошибки.

Наблюдения за эволюцией характерных начертаний некоторых букв систематизированы А. В. Арциховским в комментариях к отдельным грамотам, что значительно упрощает сопоставление с материалом берестяных грамот. Поэтому палеография новгородских берестяных грамот может быть надежным критерием для сравнительной палеографической датировки и надписей-граффити, особенно важным, по вполне понятным причинам, для граффити новгородских же церквей.

Всего в Софийском соборе удалось исследовать 253 надписи XI—XIV вв., причем многие из них сохранились лишь в фотографиях или прорисях. Надписи более позднего времени в Софии Новгородской не обнаружены. Объяснить это обстоятельство можно лишь тем, что почти не сохранилась фресковая штукатурка в нижних частях стен, где обычно находится большинство надписей. Обычай писать на стенах сохраняется в Новгороде и в XV—XVI вв., так как в некоторых других постройках Новгорода имеются надписи этого времени (например, в церкви Федора Стратилата) ⁶⁶. С. А. Высоцким и отчасти Б. А. Рыбаковым граффити киевского Софийского собора были разделены на такие тематические группы: 1) надписи, содержащие сведения по военно-политической истории Древней Руси и прочие памятные граффити; 2) поминальные надписи, близкие к летописным; 3) благопожелательные надписи; 4) автографические надписи; 5) надписи, относящиеся к фрескам ⁶⁷.

Надписи первой и второй групп в новгородском Софийском соборе не обнаружены, а к надписям, связанным с фресковыми изображениями, можно отнести лишь одну (№ 218). Большинство надписей-граффити здесь составляют те, которые С. А. Высоцким характеризуются как «благопожелательные» и «автографические», причем под первыми подразумеваются надписи, начинающиеся канонической формулой «господи, помози», «спаси» ⁶⁸, а ко второй — надписи, содержащие имя писавшего ⁶⁹.

Искусственность такого подразделения по чисто формальному признаку осознается самим С. А. Высоцким, так как при последовательном соблюдении этого принципа надписи одновременные и относящиеся к одному и тому же лицу следует помещать в разные группы. Поэтому С. А. Высоцкий вынужден был оговориться, что «в отдельных случаях, если надписи сделаны одним и тем же автором или взаимосвязаны иначе. . . они помещаются только в одной из тематических групп, хотя по содержанию могут относиться к разным группам» ⁷⁰.

Эти две тематические группы едины по содержанию, так как очень часто надписи автографического характера несут и закликательный смысл, что подтверждается рисунками крестов, схематическими изображениями Софии, помещавшимися рядом с автографом. Точно так же закликательные надписи, содержащие имена, можно считать автографами.

Так как большинство надписей из Софийского собора в Новгороде представлено именно этими надписями, в основу классификации положен хронологический принцип, дополненный в некоторых случаях группировкой надписей по местоположению, что иногда помогает проверить и уточнить датировку. В условиях отсутствия абсолютных дат у большинства надписей представляется нецелесообразным строгое разделение их по векам, так как палеографические и фонетические особенности, позволяющие датировать недатированные надписи, нередко свойственны и концу, и началу века. Начертания конца XI и начала XII в. трудно различить палеографически, только во второй половине XII в. накапливаются палеографические и фонетические признаки, позволяющие определенно говорить о XII в., точно так же почерки второй половины XII в. очень похожи на почерки XIII в.⁷¹ Поэтому будет больше отвечать действительной палеографической датировке деление надписей на: надписи второй половины XI—первой половины XII в.; надписи второй половины XII—первой половины XIII в.

Среди сохранившихся до сего дня надписей и особенно прорисей и фотографий имеется некоторое количество надписей, датировать которые такими сравнительно узкими промежутками времени невозможно из-за их отрывочности, плохой сохранности или отсутствия четких датирующих палеографических признаков. Архитектурно-стратиграфическая датировка не всегда помогает датировать такие надписи, и только к концу XIII в. вырабатывается определенный стильный почерк, имеющий отличительной чертой «сжатость» букв, их большую высоту, взамен прежнего «архитектурно-геометрического» стиля⁷², который легко отличить и при небольшом количестве букв. Поэтому часть надписей датируется довольно широким даже для палеографической датировки промежутком времени — XI—первой половиной XIII в.

Представляется целесообразным объединить надписи XI—первой половиной XIII в. в один большой раздел следующими группами:

- 1) надписи второй половины XI—первой половины XII в.;
- 2) надписи второй половины XII—первой половины XIII в.;
- 3) надписи с палеографической датировкой XI—первая половина XIII в.

Во второй раздел выделяются надписи XIII—XIV вв. Их можно было бы также разделить на две группы, соответственно эволюции начертаний букв, но небольшое количество надписей этого времени, известных в Софии Новгородской, отсутствие уточняющих датировку показаний заставляет объединить их в одну группу.

Особенности архитектурной истории и истории росписи Софии позволяют довольно точно датировать некоторые группы надписей по их место-

положению. Поэтому в первой группе выделена специальная подгруппа надписей — надписи, датируемые архитектурно-стратиграфически 1050—1108 (12) гг. Кроме того, удалось выделить надписи глаголические, автографы художников и строителей. Остальную часть надписей этой группы представляют надписи с палеографической датировкой XI—первая половина XII в. Сюда же включены надписи, процарапанные по цемяночной штукатурке Мартирьевской паперти. Они имеют архитектурно-стратиграфическую дату (вторая половина XI—конец XII в.), но эта дата настолько широка, что палеографическая датировка в ряде случаев позволяет дать более точную.

Во второй группе выделены надписи из Мартирьевской паперти, процерченные по фресковой штукатурке, датировку которых можно уточнить на основании их местоположения.

Во втором разделе все надписи датируются только палеографически. Для удобства нахождения надписей на нижних частях стен и столбов указан их уровень по отношению к современному полу, а для надписей на стенах лестничной башни — по отношению к ближайшей лестничной ступени или площадке. При воспроизведении надписей дано разделение на слова. Буквы и слова, дополненные по смыслу, заключены в квадратные скобки, поврежденные — в круглые.

¹ Рыбаков Б. А. Русская эпиграфика X—XIV вв. (состояние, возможности, задачи). — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 35; см. также: *он же*, Русские датированные надписи XI—XIV вв. САИ, Е1—44. М., 1964, с. 5.

² Жуковская Л. П. Работы Б. А. Рыбакова в области вспомогательных исторических дисциплин. (К 60-летию со дня рождения). — В кн.: Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970, с. 297, 300.

³ Янин В. Л. Успехи и проблемы изучения вспомогательных дисциплин русской истории (нумизматика, сфрагистика, эпиграфика, весовая метрология). — В кн.: Состояние и задачи изучения вспомогательных исторических дисциплин. Л., 1969, с. 2 (статья опубликована также в «Археографическом ежегоднике за 1969 г.». М., 1971).

⁴ По определению В. Л. Янина (Янин В. Л. Указ. соч., с. 2).

⁵ Сотникова М. П. Русская эпиграфика в советское время. — В кн.: вспомо-

гательные исторические дисциплины т. III. Л., 1970, с. 105.

⁶ Церковный устав Владимира. Вторая редакция. ПРП, вып. 1. М., 1952, с. 241.

⁷ Закревский Н. Описание Киева, т. I. М., 1868, с. 708—713.

⁸ Празов А. В. Киевские памятники византийско-русского искусства. «Древности. Труды МАО», т. XI, вып. 3. М., 1887, с. 13.

⁹ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896, с. 200, 233, 236, 237, 320—323.

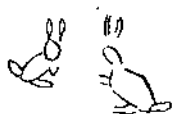
¹⁰ Щепкин В. Н. Новгородские надписи-графити. «Древности. Труды МАО», т. XIX, вып. 3. М., 1902, с. 26—45.

¹¹ Граффити, опубликованные В. Н. Щепкиным, обнаружил В. В. Суслев, возглавлявший ремонтно-реставрационные работы в Софийском соборе в Новгороде в 1894—1895 и 1898—1899 гг. С надписей, найденных во время ремонта 1898—1899 гг., были оттиснуты отпечатки на «мастику» (представляющую собой, скорее всего,

- пластилин или архитектурную глину. См. *Шляпкин И. А.* Палеография (дополнение). Лекции, читанные в имп. Археологическом ин-те в 1905—1906 гг. СПб., 1905—1906, с. 13). 42 таких слепка, составляющих только часть надписей, найденных в 1898—1899 гг., были посланы В. В. Сусловым в Московское археологическое общество. Эти снимки и были исследованы В. Н. Щепкиным в названной статье.
- ¹² *Щепкин В. Н.* Указ. соч., с. 26.
- ¹³ «Зодчий», ноябрь 1894 г., с. 85—89; декабрь, с. 92—98.
- ¹⁴ МАР, № 21, СПб., 1897.
- ¹⁵ «Зодчий», ноябрь 1894 г., с. 88.
- ¹⁶ МАР, № 21, СПб., 1897, с. 6.
- ¹⁷ Обсуждение проекта стеной росписи новгородского Софийского собора. Там же, с. 45.
- ¹⁸ Там же, с. 8.
- ¹⁹ *Лазарев В. Н.* О росписи Софии Новгородской. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 25.
- ²⁰ *Щепкин В. Н.* Указ. соч., с. 27.
- ²¹ *Сулов В. В.* Новгородский Софийский собор. — В кн.: Труды X АС в Риге, т. III. М., 1900, с. 71 (протоколы).
- ²² Там же.
- ²³ Там же, а также: *Щепкин В. Н.* Указ. соч., с. 27.
- ²⁴ Труды X АС в Риге, т. III, с. 71 (протоколы).
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Шляпкин И. А.* Палеография, с. 9.
- ²⁷ *Вершинский В. В.* Исторические надписи как источник по истории СССР. Архив ИА, Р. 2, № 1840.
- ²⁸ *Шляпкин И. А.* Современные задачи изучения вещевой и книжной письменности. — В кн.: Конспекты лекций по истории и древностям Великого Новгорода, читанных в 1909 г. в Новгородском обществе любителей древности гг. лекторами имп. Археологического ин-та. Новгород, 1910.
- ²⁹ *Жуковская Л. П.* Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963, с. 94; *Сотникова М. П.* Русская эпиграфика в советское время, с. 84.
- ³⁰ Рукопись в настоящее время хранится в архиве ИА, Р. 2, № 1840.
- ³¹ Фотоархив ЛОИА, ф. 163 — эпиграфический материал.
- ³² Архив ЛОИА, ф. 1, 1894/237, а также ф. 3, д. 409.
- ³³ Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626. Пользуясь случаем выразить глубокую благодарность А. Н. Кирпичникову, отыскавшему оттиски клише в рукописном архиве ЛОИА.
- ³⁴ Мера, действительно необходимая для сохранности надписей. Те надписи, где стекло не сохранилось, получили значительные повреждения как случайного характера, так и от руки туристов.
- ³⁵ *Шляпкин И. А.* Современные задачи изучения древнерусской вещевой и книжной письменности, с. 14.
- ³⁶ *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. М.—Л., 1947, с. 156—157; *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева, Киев, 1951, с. 226, прим. 2.
- ³⁷ *Давыдов С. Н.* Восстановление Софийского собора в Новгороде в 1945—1948 гг. — В кн.: Практика реставрационных работ. М., 1950, с. 74—84; *Дмитриев Ю.* Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование (работа 1945—1948 гг.). Там же, с. 134—154; *Брунов Н., Травин Н.* Архитектура Софийского собора в Новгороде. «Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР», вып. 7. М., 1947; *Монгайт А. Л.* Раскопки в Мартырьевской паперти Софийского собора в Новгороде. КСИИМК, XXIV, 1949; *Каргер М. К.* Новгород Великий. М.—Л., 1961, с. 114—116.
- ³⁸ «Археология», т. I. Київ, 1947, с. 53—64.
- ³⁹ *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. 1. Киев, 1966.
- Недавно вышел второй том монографии С. А. Высоцкого, в котором автор опубликовал почти 200 надписей. См.: *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.
- ⁴⁰ *Филин Ф. П.* Об одном важном источнике по истории русского языка. — В кн.: Вопросы теории и истории русского языка. Л., 1963, с. 318.
- ⁴¹ *Семенов А. И.* Софийский собор — древнейший исторический памятник Новгорода. Новгород, 1962, с. 5—6.
- ⁴² Результаты этих работ изданы лишь частично. См. *Штендер Г. М.* К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской. — В кн.: Древнерусское искусство. художе-

- ственная культура Новгорода. М., 1968, с. 83—107; *он же*. Новгородское зодчество. Работы Новгородской реставрационной мастерской за 20 лет. Там же, с. 348—349; *он же*. К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 202—212; Брюсова В. Г. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI—начало XII в.). СА, 1968, № 1, с. 103—114; *она же*. К истории стенописи Софийского собора Новгорода. Фрески Мартирьевской паперти. — В кн.: Древнерусское искусство, с. 108—125; *она же*. Фреска Вседержителя и легенда о Спасовом образе. ТОДРЛ, XXII, М.—Л., 1966, с. 58—64; *она же*. О технике стенописи Софии Новгородской. СА, 1974, № 1, с. 191—203; *она же*. О времени освящения Новгородской Софии. — В кн.: Культура средневековой Руси, с. 111—113.
- ⁴³ Исключение составляют граффити на стенах лестничной башни: большинство из них были в свое время скалькированы В. В. Сусловым, фотографии некоторых надписей сохранились в архиве И. А. Шляпкина.
- ⁴⁴ Предварительные результаты изучения граффити были опубликованы автором в следующих статьях: Глаголические надписи из Софии Новгородской (СА, 1969, № 1, с. 199—210); Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской (СА, 1970, № 4, с. 141—152); Новгородские надписи-граффити (в кн.: Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974, с. 3—28); Палеография граффити Новгородского Софийского собора (в кн.: Проблемы палеографии и кодологии в СССР. М., 1974, с. 54—71); Автографы художников из Софийского собора в Новгороде (Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975, с. 69—70); Куза А. В., Мединцева А. А. Запись Николая из Новгородского Софийского собора. СА, 1976, № 1.
- Некоторые надписи из новгородского Софийского собора вместе с надписями других новгородских храмов, киевскими и старолadoжскими граффити были подвергнуты лингвистическому исследованию в работах Т. В. Рождественской. См. *Рождественская Т. В.* Значение граффити XI—XIV вв. для изучения истории русского языка старшего периода. «Вопросы языковедения», 1972, № 3, с. 110—117; *она же*. Новгородские надписи-граффити как материал для истории языка и письменности. — В кн.: Грамматика русского языка, вып. 1, Иркутск, 1972, с. 34—48; *она же*. Об особенностях палеографии новгородских надписей-граффити XI—XIV вв. — В кн.: Лингвистические исследования, 1972, т. I. М., 1973, с. 90—102; *она же*. Древнерусские надписи-граффити XI—XIV вв. как лингвистический источник. Автореферат канд. дисс. Л., 1974.
- ⁴⁵ Архив Института им. И. Е. Репина, материалы В. В. Суслова.
- ⁴⁶ Каргер М. К. Новгород Великий. М., 1946, с. 17 и 23; Брюсов Н., Трапезин Н. Архитектура Софийского собора в Новгороде, с. 118—123.
- ⁴⁷ Давыдов С. Н. Восстановление Софийского собора в Новгороде в 1945—1948 гг., с. 74.
- ⁴⁸ Каргер М. К. Новгород Великий. М.—Л., 1961, с. 114.
- ⁴⁹ Штендер Г. М. Новгородское зодчество, с. 348.
- ⁵⁰ Там же, см. реконструкцию плана собора Г. М. Штендера, рис. 9, с. 349.
- ⁵¹ Щепкин В. Н. Новгородские надписи-граффити, прим. 2 на с. 27.
- ⁵² Штендер Г. М. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской, с. 100.
- ⁵³ Там же, с. 99, прим. 77.
- ⁵⁴ Нил. М.—Л., 1950, с. 19.
- ⁵⁵ Брюсова В. Г. О датировке фресок Софийского собора в Новгороде, с. 106—107; *она же*. О технике стенописи Софии Новгородской, с. 195.
- ⁵⁶ Брюсова В. Г. К истории стенописи Софийского собора Новгорода, с. 118—125.
- ⁵⁷ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 5.
- ⁵⁸ Литачев Д. С. [Рец.] А. В. Ардиховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.) — СА, т. XIX, 1954, с. 325.

- ⁵⁸ Щепкин В. Н. Русская палеография. СПб., 1913, с. 113; Шляпкин И. А. Русская палеография. СПб., 1913, с. 102; Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии, с. 117.
- ⁵⁹ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 48.
- ⁶⁰ Сотникова М. П. Русская эпиграфика в советское время, с. 103.
- ⁶¹ Воронин Н. Н. Смоленские граффити. СА, 1964, № 2; он же. Граффити 2 февраля 1238 г. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 401—405.
- ⁶² Сотникова М. П. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. «Труды ГЭ», IV, 1961, с. 44—91.
- ⁶³ НГБ (1951), с. 13—14; Щепкина М. В. [Рец.] — «Вопросы истории», 1954, № 4, с. 160; Жуковская Л. П. Палеография. — В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 78.
- ⁶⁴ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 28—32.
- ⁶⁵ Мединцева А. А. Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 440—450.
- ⁶⁶ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской, с. 12; Рыбаков Б. А. Русская эпиграфика X—XIV вв., с. 61—71.
- ⁶⁷ Высоцкий С. А. Указ. соч., с. 49.
- ⁶⁸ Там же, с. 55.
- ⁶⁹ Там же, с. 12.
- ⁷⁰ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 114.
- ⁷¹ Там же, с. 116.

ΣΤΕ
ΦΑΝΔ

** Раздел первый **

НАДПИСИ
XI—первой половины XIII в.

Глава первая

ГРАФФИТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI—
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII в.

Глава вторая

НАДПИСИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII—
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

Глава третья

НАДПИСИ
С ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДАТОЙ
XI—XIII вв.

** Глава первая **

ГРАФФИТИ

Под записью № 4 находится надпись № 5 (рис. 3):

†ШД (ПБД)

По-видимому, надпись № 5 представляет собой начало глаголического алфавита, в котором Д (Д) вместо В (В) написано по ошибке в результате сходства обеих букв. † (П) имеет форму креста, клинообразные кончики очертаний отсутствуют. Древнейшим типом этой буквы считается такой, у которого «поперечная линия помещалась довольно высоко по отношению к пункту, в котором она пересекала отвесную черту, клинообразные же кончики перекладины были сначала столь слабо развиты, что общий вид буквы напоминал обыкновенный крест»⁹. Следовательно, крестообразное начертание этой буквы в надписи № 5, возможно, является архаичным признаком, но не исключено, что отсутствие клинообразных кончиков у поперечной черты вызвано небрежностью почерка.

Следует отметить, что начертание глаголицы на Руси мало изменялось и более поздние тексты часто напоминают древнейшие, хотя и отличаются от последних общей невыдержанностью стиля и многочисленными искажениями начертаний букв¹⁰. Дополнительным доказательством древности перечисленных выше надписей является их местоположение. Все они прочерчены по древней цеманочной штукатурке, которая предшествовала росписи собора 1108 г. Таким образом, эти надписи датируются временем от окончания строительства собора (1050 г.) до 1108 г., т. е. второй половиной XI—рубежом XI—XII вв.

Надпись № 6 (рис. 4) находится на западной стене Мартирьевской паперти на уровне современного пола. Две строки надписи прочерчены по цеманочной штукатурке, часть которой обрушилась, поэтому конец надписи отсутствует. Кроме того, она повреждена изображением креста, трещинами и выбоинами в штукатурке. В предварительной публикации надпись читалась так¹¹:

†ШД(ДД)[ШШ]ЗБ..

ВЗДЗ(В)Д(З)...

В кирилловской графике:

ПОМН(ЛОС)[Н М]А. . .

БЕЛІ(Ц)Б(Ц) . . .

При дополнительном исследовании в конце надписи удастся разобрать остатки еще трех букв под титлом: Ш(Ш)Э(БЖБ) — «Помилуй мя, боже».

Пятая Д (Д) и шестая буквы Ж (Ж) в первой строке хорошо восстанавливаются по сохранившимся частям, ШШ восстановлены по смыслу. Если эти буквы реконструированы верно, то ЗБ должно означать не БД, а Д. Пятая буква во второй строке, судя по сохранившейся части, может быть

только **Ч** (**Ц**); таким образом, все слово читается **БЕАНЦЪН**. Теперь стало вполне ясным, что перед нами глаголическая запись первых строк 50-го псалма царя Давида, который начинался словами: «Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей».

Очевидно, **Э** не с двумя поперечными чертами, а уже с одной (см. слово **БЖЕ**). Буквы **Ж**, **Ж**, **Ж**, **Ч** сходного начертания встречаются в памятниках X—XI вв. — Зографском евангелии, Клоцовом сборнике и в более древнем памятнике — Киевских глаголических отрывках (X в.)¹², но **Э** со сходящимися петлями указывает на XI—XII вв.¹³ Таким образом, надпись № 6 можно датировать XI—началом XII в.¹⁴

С глаголического **ЖЕ**, написанного так же, как и в предыдущей надписи, с одной поперечной чертой, которое должно здесь означать **ИИ**, переданное через **Ї**, начинается имя **ЇБЕДЇТИ** в надписи № 16. Микула Явдята был, по всей вероятности, художником, принимавшим участие в росписи Софии в 1108—1112 гг. (см. надпись № 16).

Как уже говорилось выше, В. Н. Щепкиным в свое время вместе с кирилловскими граффити Софийского собора были опубликованы два, написанные вперемежку глаголическими и кирилловскими буквами.

Надпись № 7 (№ XLII по В. Н. Щепкину) вполне ясна (рис. 5). Ее текст:

[Е](Т)РЯНЬНЫН

ЪЪЭШЕ

РХЖ

НАНЪ ВОНН(Е)

В кирилловской графике: [Е](Т)РЯНЬНЫН ГРЕШЕНЫІ НАНЪ ВОНН(Е). СТЯНЬНЫН — странник, НАНЪ ошибочно написано вместо НАНЪ — Ян (или окончание какого-либо другого имени). Оставлена, как это следует из текста, «воином», по всей вероятности княжеским дружинником. По начертаниям букв имеет аналогии с памятниками «круглой» болгарской глаголицы — Мариинским и Ассемановым евангелиями и датируется XI—XII вв.¹⁵

Надпись № 8 (XLI) (рис. 6) В. Н. Щепкин читал следующим образом:

ЉЉЉЉ~+

ЉЭШЪХЪЪЭ

АТХЪХ

В кирилловской графике: **ДМДЯТИ ДО(Щ)РЬ КРО... ТЪКЪ(?)**

В таком прочтении смысл надписи оставался неясным. Еще И. Я. Ягич предложил третий знак во второй строке читать не как **Щ** (**Щ**), а как **Ш** (**Б**)¹⁶.

Действительно, иногда **Ш** писалось таким образом, что нижняя часть буквы не являлась непосредственным продолжением верхней, а примыкала к ней то ближе к крайней левой палочке, то между первой и средней палочками¹⁷. Особенностью начертания этой буквы в софийской надписи является то, что нижняя часть примыкает к третьей верхней палочке. Установить смысл надписи И. В. Ягичу мешало то, что он вслед за В. Н. Щепкиным принял случайные повреждения штукатурки в начале третьей строки за какие-то глаголические буквы. Надпись восстанавливается следующим образом:

Ⲓⲁⲓⲁⲧⲧ

Ⲓⲓⲱⲃⲫⲓⲃⲓ

ⲧⲫⲓⲫ

В кирилловской графике: **ДѢДѢТИ ДОБРѢ КРОТѢКѢ**. Чтение было предложено Иозефом Вайсом еще в 1938 г.¹⁸. В пользу такого прочтения свидетельствует не только восстанавливаемый смысл, но правильное, в соответствии с этимологией, употребление **О** и **Ѣ**, нарушавшееся в первоначальном варианте прочтения надписи. Во всех трех случаях **Ж** передает **Ѣ**, а не различные знаки **Ж**(**Ѣ**) и **Ж**(**Ѣ**). **ДОБРѢ** в данном случае означает «добродетелен»¹⁹. Эта надпись также написана русским, на что указывает изменение окончания имени **ДѢТИ** в **ДѢТИ**²⁰.

Среди обнаруженных В. В. Сусловым надписей две глаголические, опубликованные В. Н. Щепкиным, не были единственными. В архиве ЛОИА на фотографиях калек, снятых В. В. Суловым, среди кирилловских надписей можно различить две несомненно глаголические (№ 9, 10). Хотя о чтении и датировке нельзя говорить с уверенностью, сам факт их существования заслуживает внимания. Первая из них (рис. 7), как свидетельствует надпись на кальке, «находилась на восточной стене». В этом случае имелись в виду помещения второго этажа, так как на некоторых калках с такой отметкой указана высота надписей от пола хоров.

Надпись № 9 (рис. 7) состоит из двух строк, среди глаголических букв можно различить кирилловские (несомненно кирилловское **К** во второй строке). Первый знак не вызывает сомнения — это глаголическое **Г**(**П**), второй, очевидно, **Ж**(**Ѣ**), третий знак несомненен — это глаголическое **З**(**С**). Таким образом, начало надписи приобретает вид **ПѢС**, т. е. это начало обычной для надписей-граффити формулы **ПѢСА**... такой-то. Два последующих знака, очевидно, **Ⲓⲫ**(**ЛѢ**). Титло на прориси отсутствует. Затем следует глаголическое **ⲓ**(**Т**), ясен предпоследний знак — **Ⲓ**(**С**), остальные неясны, и в конце строки попеременно глаголическими и кирилловскими буквами **КОⲒⲓ** **+** (**КОСТА**, т. е. Константин) — очевидно, имя писавшего. В таком варианте имя «Константин» имеется в подписи мастера на одном из новгородских кратиров (вторая четверть XII в.)²¹. Насколько мы можем

судить по прориси, вся надпись представляет собой обычную формулу с указанием имени: ПѢДѢ... КОСТА.

Надпись № 10. Вторая глаголическая надпись из архива Шляпкина состоит из двух строк (рис. 8). Среди глаголических букв встречаются кирилловские. Первая строка читается совершенно отчетливо: ѠѠДТ+ (КОИТА). Во второй строке несколько изолированно от остальных находится буква Ѡ (Т), входящая в какую-то монограмму, затем видны буквы ...ѠѠѠ... (...ѠѠѠ...)? Первая строка представляет собой распространенное в древней Руси имя Воята. В Новгороде в середине XII в. известен поп Герман Воята, составитель летописного свода церкви Якова²². Дашная надпись также начерчена русским, на что указывает изменение окончания ѠТА на ИТА. Вторая строка надписи по сохранившимся буквам прочтению не поддается, возможно, это было отчество Вояты.

Датировка этих двух надписей еще более предположительна, чем их чтение. Однако округлость петель у букв Ѡ, Ѡ, Ѡ, крестообразное + позволяют предположить, что надписи из архива В. В. Суслова относятся к тому же времени, что и остальные глаголические надписи Софии Новгородской, т. е. ко второй половине XI—началу XII в. Дополнительным доказательством такой ранней датировки глаголических надписей может служить тот факт, что они отсутствуют в других новгородских храмах, построенных в более позднее время, в том числе и в начале XII в. (Георгиевском соборе в Юрьевском монастыре, соборе Рождества Богородицы в Антониевском).

Глаголические граффити из Софийского новгородского собора представляют собой уже значительный материал. Все они датируются довольно узким промежутком времени — второй половиной XI—началом XII в. и, конечно, свидетельствуют о том, что знакомство с глаголицей в этот период не было случайным. Нельзя приписать все глаголические надписи паломникам из южнославянских стран. Авторы четырех из них были русскими, на что указывают особенности употребления авторами Д(И).

Только об одной из этих надписей мы вполне определенно можем сказать, что она оставлена человеком пришлым, — это надпись Яна-воина, однако мы не можем быть уверены, что он прибыл из южнославянских стран. Он мог быть и киевлянином, и жителем любого другого древнерусского города.

Присутствие глаголической буквы в имени художника Микулы Явдаты вполне объяснимо. Как показывают исследования Е. Ф. Карского, в написании книг принимали участие и художники, которым принадлежат миниатюры, заставки, заглавные буквы. Сохранились прямые свидетельства участия художников в украшении рукописей. В приписке к Мстиславову евангелию (около 1117 г.) упоминаются два писца, один из них, Алекса, сделал приписку со своим именем чернилами, другой, Жаден, — золотом. В самом евангелии золотом сделаны прописные буквы и заглавия. В приписке к болгарскому евангелию 1356 г. указывается, что «животными

образами» украсили это евангелие «живописцы художне»²³. И Микула Явдята, очевидно, не только писал иконы и фрески, но и заставки в рукописях, среди которых были, по всей вероятности, и глаголические оригиналы.

Глаголические граффити по содержанию ничем не отличаются от кирилловских надписей на стенах храма. Почти все они являются молитвенными формулами²⁴. Поэтому трудно согласиться с мнением В. Н. Щепкина, определившего обнаруженные В. В. Сусловым глаголические надписи из Софийского собора как тайнописи²⁵. Е. Ф. Карский также считал эти надписи тайнописными, а глаголицу — самым древним способом тайнописания²⁶ (хотя употребление глаголицы в некоторых древнейших русских летописях при написании имени писца скорее можно объяснить желанием обратить внимание читателя, чем из «скромности скрыть свое имя»). Очевидно, был прав М. Н. Сперанский, считавший, что о применении глаголицы в качестве тайнописи на Руси можно говорить не ранее чем с конца XII—XIII в. и чем древнее эпоха, тем меньше шансов видеть в «русской» глаголице тайнопись²⁷.

Употребление в некоторых надписях и кирилловских, и глаголических букв указывает на то, что их авторам были известны оба алфавита. Естественно предположить, что большинство глаголических надписей сделано именно писцами, которым приходилось переписывать кириллицей с глаголических оригиналов. О случаях переписки с одного алфавита на другой свидетельствует и широко известная приписка попа Упыря Лихого (1047 г.) к рукописи Пророков с толкованиями, написанная глаголицей: «Слава тебе, господи, царю небесный, яко сподоби мя написати книги сия ис куриловице». Оставляя в стороне вопрос о том, какой из алфавитов Упырь Лихой называл «куриловицей», можно отметить, что оба алфавита были известны в Новгороде XI в. и, очевидно, писцам часто приходилось выполнять подобную переписку. На широкое распространение переписывания книг в XI в. указывает то обстоятельство, что уже в конце столетия переписка книг перестает быть делом только церковников и в древнем Новгороде возникает ремесло «книжных списателей»²⁸. В этих условиях в Новгороде XI—XII вв. глаголический алфавит получил некоторое распространение, о чем и говорят обнаруженные в Софии Новгородской глаголические надписи.

Но эти глаголические надписи представляют лишь очень незначительную часть новгородских граффити. Еще меньше их число в киевском Софийском соборе, где на сто опубликованных кирилловских надписей приходится лишь несколько глаголических букв.

Исследования М. П. Сотниковой не подтверждают широко распространенного мнения о том, что на некоторых древнейших русских монетах имеются отдельные глаголические буквы. «Письмо легенд на всех монетах первоначального русского чекана безусловно кирилловское. В нем нет ни одного глаголического знака»²⁹.

В Новгороде из 500 грамот также нет ни одной, в которой имелись бы какие-либо глаголические буквы. Из всего опубликованного эпиграфиче-

ского новгородского материала лишь один знак из надписи на деревянной крышке от кадушки можно связывать, и то предположительно, с глаголическим письмом³⁰.

Сравнительная немногочисленность глаголических надписей среди эпиграфического материала свидетельствует о том, что глаголица не нашла широкого распространения среди городского населения древней Руси. И лишь писцы, странники, художники, знакомые с обеими азбуками, употребляли иногда глаголицу для благочестивых надписей на стенах храма.

2

АВТОГРАФЫ ХУДОЖНИКОВ И СТРОИТЕЛЕЙ

В древнерусских летописях содержится немало сведений о постройках церквей, их перестройках и пожарах. Иногда упоминаются в них имена зодчих и художников. Однако большинство этих сведений относится к сравнительно позднему времени. От XI—XII вв. до нас дошло лишь несколько летописных свидетельств и данных некоторых других литературных источников, называющих немногочисленные имена художников. Полностью анонимными оставались для нас сохранившиеся произведения монументальной живописи XI—XII вв.

Современный уровень развития историко-искусствоведческой науки позволяет выяснить роль византийских художников в сложении местных мастерских, приблизительно определить число художников, принимавших участие в росписи, установить принадлежность мастеров к определенным живописным школам. Но имена этих художников остаются для нас неизвестными.

Новгородские летописи хотя неоднократно сообщают о работах по росписи Софии, имен художников не называют. Первое летописное известие относится к 1108 г. «В лето 6616. Преставися архиепископъ Новгородскый Никита, месяца генваря в 30; а на весну почяша писать святую Софию, стяжаньем святого владыкы»³¹. Это известие помещено в летописи под 6616 г. Ему предшествует запись о смерти епископа Никиты (30 января). Судя по порядку сообщений, начало росписи Софии следует отнести к весне 6617 (1109/1110 г.) мартовского года³². Таким образом, правильное датировать начало росписи Софии не 1108, а 1109 г. Второе летописное сообщение относится к середине XII в. Под 1144 г. сообщается о росписи притворов. «В то же лето испъсаша честно притворы вся въ святей Софии Новегороде, архиепископъ Нифонтъ»³³.

Как уже говорилось, фрагменты древней росписи Софии впервые были обнаружены еще в конце прошлого столетия во время ремонтно-реставрационных работ под руководством В. В. Суслова.

Роспись центральной главы Суслов связал с летописным сообщением о начале росписи в 1108 г., а фреску Мартирьевской паперти датировал XI в.³⁴ В. К. Мясоедов при публикации фресок Софийского собора для купольной росписи оставил дату 1108 г., а изображение Константина и Елены отнес к 1144 г., согласно летописным данным о росписи притворов, предпринятой по инициативе архиепископа Нифонта³⁵ (только после исследований Ю. Н. Дмитриева эта фреска вновь была с достаточными основаниями датирована XI в.³⁶). Новые наблюдения не только подтвердили эту дату, но и выявили еще часть фрагментов стенописи XI в., выполненной на розовой цемянке, очевидно, при построении собора³⁷. Это позволило исследователям предположить, что еще до росписи 1108 г. новгородский собор Софии был украшен отдельными фресками иконного типа.

Относительно датировки фресковой живописи центральной главы нет единого мнения. Почти одновременно опубликованные работы по-разному определяют время этой росписи. В. Н. Лазарев подтверждает прежнюю датировку росписи купола — 1108 г., а разницу между живописными грунтами центральной главы и грунтами фрагментов фресок из раскопов он склонен объяснять работой разных артелей художников, имевших свою рецептуру грунтов³⁸. Этому же мнению придерживается Г. М. Штендер³⁹. В. Г. Брюсова предложила новую датировку фресок центральной главы — середина XI в. — и подкрепила свою гипотезу достаточно убедительными доводами. В частности, В. Г. Брюсова отмечает стилистическую близость изображения Константина и Елены с изображениями архангела и царя Соломона в барабане главного купола Софии Новгородской, общее сходство пигментов и техники наложения красочного слоя в росписях фрагментов живописи на цемянке и росписи центрального барабана купола⁴⁰. Технические и стилистические особенности росписи купола, находящие аналогии среди росписей раннего времени (до середины XI в.), их отличие от фрагментов стенописи 1108 г. на нижних частях стен заставляют вслед за В. Г. Брюсовой считать достоверным сообщение Новгородской третьей летописи о начале росписи Софии в середине XI в.

От живописи, выполненной в 1108 г., вернее в 1109 г. (см. выше), сохранились изображения святителей в проемах алтарных арок, соединяющих алтарь с жертвенником и диаконником, и многочисленные фрагменты, обнаруженные *in situ* в раскопах главного помещения храма и его приделах⁴¹.

Композиция Деисус из Мартирьевской паперти датирована В. Г. Брюсовой эпохой архиепископа Мартирия — концом XII в.⁴²

Таким образом, к настоящему времени известно несколько периодов росписи Софии древнейшего времени (XI—XII вв.), из которых в летописи упомянуты только два (роспись 1108 г. и роспись приделов по инициативе архиепископа Нифонта в 1144 г.).

Первый период относится к середине XI в. От этого времени сохранились изображение Константина и Елены в Мартирьевской паперти, фрагменты стенописи на цемяночном грунте из раскопов и фрески центральной главы,

как показывают исследования В. Г. Брюсовой. Второй период — 1108 (т. е. 1109 г.), тогда были расписаны центральное помещение Софии и приделы. Из сохранившихся фрагментов живописи к этому периоду относятся изображения четырех святителей в алтарных арках и ряд фрагментов живописи из раскопок в главном помещении храма и его приделах. Третий период — 1144 г. От нифонтовской росписи сохранились фрагменты фресок в раскопах Корсунской паперти⁴³. Четвертый период — конец XII в. В это время была выполнена композиция Деисус в Мартирьевской паперти.

Таким образом, сложная история росписи собора в результате длительной и кропотливой работы многих исследователей постепенно выясняется. Имена же некоторых художников, исполнявших эти росписи, становятся известными благодаря их автографам. Среди граффити на стенах Софийского собора удалось обнаружить несколько таких автографов⁴⁴.

В архиве И. А. Шляпкина находится негатив фотографии участка стены с надписями, прочерченными, вероятно, по древнейшей цементной штукатурке⁴⁵ (местонахождение надписей не указано). Сохранился отпечаток с этого негатива, на обороте которого есть подпись: «Надписи св. Софии Новгородской, амбразура окна на лестнице»⁴⁶. В левом верхнем углу видна следующая надпись из двух строк (надпись № II, рис. 10):

[Е]ТЕФИНЪ ПЛЪ ЕГД(Ъ)
[П]ЕИХЖ ЕТЮ СОФИЮ

Хотя начало надписи повреждено, восстановить ее не представляет труда, так как, по всей вероятности, отсутствуют лишь 'по одной первой букве в каждой строке надписи. В первом слове утрачена буква Е — все слово представляет собой имя ЕТЕФИНЪ; ... ЕИХЖ может быть восстановлено как ПЕИХЖ — «имперфект 3 лица мн. числа глагола «ПЪЕИТИ», который употреблялся как в смысле «писать», так и в смысле «расписывать»⁴⁷. ЕГДЪ = ЕГДЯ — т. е. когда⁴⁸. И. И. Срезневский не указывает написание ЕГДЪ с Ъ на конце. В начертании буквы Ъ (ЕГДЪ) можно было бы усомниться, так как сохранилась лишь левая часть этой буквы (Ъ). К тому же негатив фотографии ретуширован. Но само начертание, аналогичное начертаниям Ъ в этой надписи, и написание этого же слова в другом автографе Стефана, о котором будет идти речь ниже, подтверждают такое прочтение. Перевод надписи: «Стефан писал, когда расписывали святыю Софию».

Таким образом, надпись, очевидно, является автографом художника, принимавшего участие в росписи Софии (о том, что сам Стефан был художником, а не просто присутствовал при росписи, имеются дополнительные данные, которые также будут рассмотрены ниже).

Автор надписи употребил имперфект от глагола «пъсати» (расписывать). Имперфект обозначал длительное, неоднократно повторяющееся прошедшее действие и был обязательной принадлежностью русского литературного языка «старшей поры»⁴⁹. Следует также отметить только одно «а» вместо старославянского суффиксального элемента -aa-, что является русской осо-

бенностью⁵⁰. В надписи дважды употреблен Ж, который датирует надпись не позже первой половины XII в.⁵¹ Причем, если в слове ПЄЯХЖ буква Ж употреблена правильно, в соответствии со старославянским произношением, в слове ЄТОЖЮ вместо старославянского окончания ЖЖ написано ЄТЖЮ, что так же, как и написание Ю в слове ЄОФНЮ, отражает русские фонетические особенности речи Стефана. Н с горизонтальной перекладной датирует надпись XI—XII вв.⁵², Я с наклонной правой чертой и остроугольной головкой встречается в некоторых граффити конца XI — начала XII в. киевского Софийского собора (запись о княжении Святослава, запись о мире на Желяни)⁵³.

Характерно Ъ с закругленной петлей, аналогичные начертания имеются в Новгородской минее за 1096 г.⁵⁴ и в вышеупомянутой записи о мире на Желяни. Написание ПЛЪ через П, предполагающее утрату слабого Л, датирует надпись эпохой падения редуцированных. Однако уже в памятниках XI в. встречается написание этого глагола через П и через ПЄ, что объясняется, по-видимому, определенными причинами (см. комментарий к надписям № 145 и 146). Поэтому такое написание не всегда может быть показательным. Но по совокупности палеографических и фонетических признаков надпись можно отнести ко времени росписи собора, начатой, по летописным известиям, в 1108 г. (1109 мартовском году)⁵⁵.

Эта надпись — не единственный сохранившийся автограф Стефана. В архиве ЛОИА находится еще один негатив с надписи, прочерченной, как можно судить по фотографии, по цемяночной штукатурке одного из крестатых столбов в Софии (местонахождение также не указано)⁵⁶. На этой фотографии среди надписей и изображений крестов имеется следующая (надпись № 12), заключенная в рамку, написанная мелким, четким почерком (см. рис. 9 и 11).

ГН ПОМОЗН РИ
БОЖ ЄВОЄМОЖ
ЄТЕФАНЪ П[ЛЪ]
НГАЪ ЖЄ ПЄ[ЯХЖ]
ЄТОЖЮ ЄОФНЮ
ГН НЗБЯВН М(А)
(Ѧ).....ЄТН ЄЄА

В этой надписи также имеются поврежденные буквы, но наличие предыдущего автографа позволяет прочесть ее полностью. Отсутствуют буквы ЛЪ в слове ПЛЪ; кроме того, поврежден конец четвертой строки — сохранились лишь начальные буквы ПЄ от слова ПЄЯХЖ, рядом с буквой Є находится царалина, которая делает ее похожей на Є. Таким образом, чтение этого слова было бы предположительным, если бы не была известна первая надпись Стефана, в которой по счастливой случайности как раз сохранились последние четыре буквы этого слова. Подтверждается и чтение имени художника ЄТЕФАНЪ, первая буква которого не сохранилась в пре-

дыдущей надписи. Во второй надписи повреждено последнее слово, остались лишь буквы **ЕН**. Это слово можно прочесть как **ПРѢЛѢСТИ** (заблуждения, обольщения)⁵⁷.

В слове **БГДЫ** на конце отчетливо читается **Ы**. Вместо **Е** в начале слова написано **Н**, что ставит под сомнение чтение **БГДЫ ЖЕ**. Скорее можно было бы предположить **НГДЪЖЕ** (где же). Однако в таком случае появляется лишняя буква **Д** между **Ъ** и **Ж**. Нельзя также предположить, что она представляет собой случайную царапину, так как тогда образуется слишком большое расстояние между вышеупомянутыми буквами. Написание **БГДЫ** в первой надписи и контекст свидетельствуют о том, что Стефаном допущена ошибка. Возможно, он хотел написать **ЮГДЫ ЖЕ**.

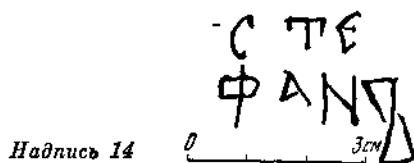
Перевод надписи: «Господи, помози рабу своему. Стефан писал, когда расписывали святыю Софию. Господи, избави мя от прельщения (обольщения) этого». Второй автограф представляет собой расширенный вариант первого. Из палеографических признаков нужно отметить симметричное **Ж**, написанное в три приема, характерное для XI—XII вв.⁵⁸ **Щ** аналогично начертанию этой буквы в первой надписи, **Н** с горизонтальной перекладной. В слове **ПСИХЖ** отсутствует слабый **И**, что датирует надпись эпохой падения редуцированных. По фотографии можно заключить, что надпись прочерчена по дьяволичной штукатурке на одном из крестчатых столбов, что ограничивает ее дату временем до росписи 1109 г., так как в это время центральное помещение Софии и ее приделы были покрыты росписью. Следовательно, и содержание надписи, и ее датировка позволяют отнести эту надпись тому же лицу, что и первую.

Вместе с тем во второй надписи имеются некоторые отличительные черты, которые, на первый взгляд, могут вызвать сомнение в принадлежности ее тому же Стефану, хотя существование двух Стефанов, расписывавших Софию в 1109 г., кажется маловероятным. Во второй надписи вместо **Ж** употребляется **Ю** в соответствии с русским произношением, вместо **БГДЫ** написано **НГДЫ ЖЕ**, буква **Ф** округла, мачта ее выступает на нижний уровень строки, буква **И** пишется с более округлой петлей. Однако, несмотря на эти отличия, в почерке и орфографии имеется и несомненное сходство, указывающее на то, что обе надписи выполнены одним и тем же человеком. Схожи буквы **Д**, **Е**, **Ю**, почти идентичны **Ы** в первой и второй надписях. Характерной особенностью почерка обеих надписей является округлость нижних петель у **Ъ** и **Ы**. Во второй надписи к ним прибавляются буквы **Б** и **В**. В обеих надписях употреблено титло в слове **ЩА** и **ПЕ** в слове **ПСИХЖ**. Таким образом, как одинаковое содержание надписей, датировка, так и некоторые особенности почерка заставляют считать Стефана, оставившего первую и вторую надпись, одним и тем же лицом, а именно художником, принимавшим участие в росписи Софии, начатой в 1109 г.

То, что Стефан был художником, подтверждается рисунком и надписью № 13, до сих пор сохранившимися на стене лестничной башни Софии Новгородской. Рисунок (см. рис. 12) находится на высоте около 120 см

от уровня четвертой (если считать снизу) лестничной площадки, с правой стороны. Рисунок, прочерченный писалом по деляночной штукатурке, изображает льва с длинной гривой в профиль, с мордой, повернутой к зрителю. Левая передняя лапа поднята, хвост заканчивается декоративными завитками. Рисунок несомненно принадлежит профессиональному художнику. Надпись, сильно поврежденная выбоинами в штукатурке, расположена непосредственно над рисунком. Первая строка нечитаема, во второй строке можно различить **Е**, хорошо видна следующая за ней буква **Ф** и остаток буквы **И**, третья строка читается полностью **НЪ ШАЪ**. Таким образом, нетрудно восстановить **ЕТЕФИНЪ ШАЪ**. Среди фотографий в архиве И. А. Шляпкина имеется одна (№ 0, 69634), на которой видна эта надпись, снятая еще до повреждения выбоинами. Несмотря на то, что фотография сильно выцвела, можно разобрать имя **ЕТЕФИНЪ**. Кроме того, предположительно читаются первая и вторая строки надписи: **ЕЪ ПОМ(Е)НОВЕННЕ**. Следовательно, вся надпись читается так: **ЕЪ ПОМЕНОВЕННЕ ЕТЕФИНЪ ШАЪ**. Буквы **Н**, **Ъ**, **Ш** полностью сходны с теми же буквами второго автографа Стефана, остроугольная петля буквы **И** и начертание **Ф** близки к аналогичным буквам первой надписи. Таким образом, эта надпись и рисунок выполнены тем же Стефаном и являются дополнительным свидетельством того, что Стефан, оставивший все эти надписи, был художником.

Несколько ниже рисунка льва находится схематичное изображение человека в высокой остроугольной шапке с тщательно нарисованным большим крестом на шее, висящим на веревочке. Рисунок изображает, очевидно, монаха в клобуке с энколпионом на груди. Возле правой руки видны остатки букв короткой надписи, в настоящее время не читаемой. Несмотря на всю условность и схематичность изображения, рисунок, выполненный двойным контуром по сухой штукатурке, несомненно прочерчен рукой человека, привыкшего к рисованию. Возможно, этот рисунок является изображением Стефана, о чем свидетельствует хорошо сохранившаяся надпись № 14, расположенная несколько ниже и правее (см. рис. на стр. 22).

Конечно, этот рисунок мог быть сделан не самим Стефаном, а кем-нибудь другим, но характерное остроугольное **И**, **Ф**, очень близкие по начертанию к этим буквам первой надписи, говорят о том, что изображение монаха может быть автопортретом.

Автографы Стефана, автографы-рисунки заставляют вспомнить известный голосник с крестобразным орнаментом и подписью **ЕТЕФИНЪ ШАЪ**, найденный в сводах Новгородской Софии (хранится в Эрмитаже⁶⁹, над-

пись № 15, см. рис. 14). И рисунок, представляющий собой крест в сложном орнаментальном плетении, и надпись прочерчены по сырой глине и поэтому вошли в научную литературу как подпись ремесленника-гончара. Автографы художника Стефана дают право вернуться к предположению, высказанному М. И. Михайловым (очевидно, со слов И. А. Шляпкина), что имя Стефана, начерченное на голоснике, «есть не что иное, как имя мастера, который участвовал в росписи собора»⁶⁰. И. А. Шляпкин при публикации креста, изображенного на голоснике, датировал этот крест и надпись XII в., сославшись на неизданную надпись (с годом) и палеографические признаки⁶¹. Обнаружить эту датированную надпись в архиве И. А. Шляпкина не удалось. Сложный рисунок, свободно и уверенно прочерченный по сырой глине, а также надпись, выполненная похожим почерком, по всей вероятности, являются автографами художника Стефана, оставившего и другие надписи на стенах Софийского собора. Объяснить наличие голосника в сводах собора с автографом художника можно тем, что одновременно с росписью были предприняты и некоторые ремонтные работы, которые потребовались после более чем полувекового существования собора.

Вероятно, мастерские по производству и обжигу голосников были расположены поблизости от Софии, и Стефан, имевший пристрастие к оставлению автографов, начертил на голоснике до обжига крестообразный орнамент и надпись со своим именем. Этот голосник заложили в своды Софийского собора, где он и был обнаружен почти восемьсот лет спустя⁶².

Все автографы Стефана выполнены твердым красивым почерком привычной к письму рукой. Некоторые фонетические особенности его речи (употребление ОѢ вместо Ж и Ю вместо ЪЖ, стяженная форма имперфекта) говорят о его русском происхождении. Имя «Стефан» и рисунок человека в клобуке с крестом на шее позволяют предположить, что он был монахом, как и его современник — киевский художник Алимпий, жизнеописание которого находится в Патерике Киевско-Печерского монастыря⁶³. Палеография позволяет отнести эти надписи ко времени росписи собора, начатой, по летописным сведениям, в 1109 г.

Совершенно очевидно, что роспись такого большого здания, как София, не могла быть выполнена одним человеком, на что указывает и множественная форма «расписывали» в первом автографе Стефана. Рядом с этой надписью Стефана имеются еще две надписи-автографа. Местоположение, палеография и дата, указанная в одной из них, заставляют считать их подписями мастеров, вместе со Стефаном расписывавших Софию.

Первая из них (надпись № 16) расположена ниже автографа Стефана, выполнена похожим почерком и является продолжением его надписи (см. рис. 10).

МНКСѢЛЛ

ЗѢ(Е)ДѢТЛ ЧЪ

В начале второй строки читается глаголическая буква ЗѢ(А или ЪА), которая, по всей вероятности, относится к этой надписи; следующая за ней

СОФЪЕ возможно только на почве утраты слабого редуцированного *ѣ*, который сохранялся до конца XII в.⁷⁰; кроме того, написание ТО вместо ТѢ свидетельствует также об утрате редуцированного *ь*⁷¹) надпись можно отнести приблизительно к началу XIII в.

Следовательно, первые три автографа представляют единый комплекс надписей, связанных местоположением, манерой исполнения, временем. Это автографы мастеров-художников Стефана, Микулы и Радко. За подписью Стефана должны были последовать подписи Микулы и Радко, так как он написал ПСАХЪ (расписывали) в своей первой надписи. Такие коллективные записи передки среди граффити Новгородской Софии (см. № 145, 197).

При всей своей краткости эти надписи дают некоторый материал для характеристики оставивших их художников. Стефан, насколько можно судить по его портрету и имени, был монахом, знакомым с письменными старославянскими памятниками (об этом свидетельствует правильное употребление *ѣ* в слове «псаху»). Однако некоторые фонетические особенности его речи (стяженная форма имперфекта, написание *ѣ* вместо старославянского *ѣх*) позволяют считать его русским художником. Меньше данных для определения национальности Микулы и Радко, но если судить по именам и русским надписям, они также были русскими художниками. В надписях Стефана и Микулы немало архаических черт, свойственных XI в., а в XII в. сохраняющихся как пережиток. Эти художники принадлежали, очевидно, к старшему поколению. Почерк Радко, так же как и само уменьшительное имя, заставляет видеть в нем более молодого художника. Стефан, Микула и Радко составляли, вероятно, одну артель живописцев. Но может быть, что Стефан был мастером, а Микула и Радко — его помощниками. В росписи храма должны были принимать участие и другие мастера, хотя вряд ли их было много в то время. По наблюдениям Ю. Н. Дмитриева, в XI—XII вв. росписи, как правило, выполнялись небольшим числом мастеров, часто одним-двумя с соответствующими помощниками⁷².

Первенствующее положение надписи Стефана среди других надписей, большое число его автографов, оставленных в разных местах собора, даже на голоснике, который был заложен в своды собора, дают основание предположить, что Стефан и был главным мастером. Уменьшительное имя Радко, а также то, что он поставил свою подпись последним, говорят о том, что он мог быть подмастерьем.

Конечно, не исключено участие и других мастеров в росписи Софии 1108 (9)—1112 (?) гг. Было бы затруднительно приписывать какие-нибудь определенные композиции Стефану и его помощникам. Сравнительный анализ надписей при изображениях святых и автографов вряд ли в настоящее время может помочь, так как надписи при фресковых изображениях выполнялись красками в особой манере, имеющей мало общего с обычным деловым почерком, которым прочерчены автографы художников.

Возможно, дальнейшие исследования по изучению фресковой живописи Софийского собора и фресковой живописи начала XII в. некоторых новго-

родских церквей дадут дополнительные данные, которые позволят отнести определенные росписи художникам, имена которых стали известными благодаря надписям-граффити.

Как уже отмечалось, росписи Софии 1108—1112 гг. предшествовали работы по росписи середины XI в. От этого времени сохранилась фреска Константина и Елены в Мартирьевской палатке. Еще В. В. Суслов помимо этой фрески обнаружил несколько фресок, выполненных на розовой цемянке. В кратком изложении исследования Софийского собора он писал: «Кроме упомянутой фрески св. Константина и Елены на самой древней штукатурке (розовой) найдено: а) в трех парусах северо-западного барабана надписи и б) на запяточниках северного столба, рядом с северо-западным пилоном храма, два изображения святых (около самого пола); эти изображения исполнены в мелком масштабе и весьма плохо сохранились»⁷³.

При последующих реставрационных работах и археологических раскопках в Софии были найдены фрагменты этого вида стенописи⁷⁴. Среди них вновь были открыты обнаруженные В. В. Сусловым изображения святых на запяточнике северного столба. Что касается надписей, о которых писал В. В. Суслов, то они, вероятно, не были прочитаны и об их содержании нигде не упоминалось. В кратком описании надписей Софийского собора, составленном И. А. Шляпкиным, очевидно об этих надписях сказано: «Существуют еще в одном из куполов какие-то надписи (речь идет о фресковых надписях. — А. М.), но я их не видел. Они тоже должны быть сняты Сусловым»⁷⁵. Очевидно, на основании сведений В. В. Суслова и сохранившихся фрагментов стенописи по розовой цемянке Ю. Н. Дмитриевым позднее был сделан вывод, что отдельные места собора были украшены орнаментальной росписью в ходе его постройки, причем орнамент заменялся иногда каким-либо несложным изображением или надписью⁷⁶.

В архиве В. В. Суслова среди материалов, относящихся к реставрации Софии Новгородской, сохранился лист бумаги, на котором карандашом исполнены изображение креста и несколько коротких надписей⁷⁷. На лицевой стороне этого листа — схематическое изображение паруса, в котором находится крест и надпись № 18 (рис. 15); под этим рисунком подпись: «северо-зап. купол, северо-восточный парус». На этой же стороне листа — еще одно изображение паруса и надписи в нем (надпись № 20, рис. 16); никаких пояснений под этим рисунком нет. На обороте листа — надпись № 19, ниже указано: «юго-западный парус». В перечне фресок из Софийского собора, составленном В. В. Сусловым, под номерами 49, 50, 55 указано их местонахождение — в северо-западном куполе — и сделано примечание: «сняты монограммы контуром без красок, находившиеся в трех парусах»⁷⁸.

Таким образом, нет никаких сомнений, что перед нами копии, снятые с фресок на розовой цемянке, найденных в трех парусах северо-западного барабана. Что же собой представляют эти надписи? Фреска в северо-восточном парусе изображает процветший крест, по сторонам которого находятся монограммы: IG XG. Над крестом — надпись № 18 в три строки

(скорее остатки надписи). В первой строке легко читается $\overline{\Gamma\Theta\Omega\Gamma}\Psi$, т. е. Георгий писал; вторая и третья строки представляют лишь отрывки надписи, буквы ее сохранились хорошо, но смысл самой надписи пока восстановить затруднительно:

ННΩΜΗΝΗ . . .

ΚΗΜΕΤ . . .

(или ΚΗΜΕΤ). Фреска в юго-западном парусе является надписью № 19 (рис. 16), выполненной очень своеобразно. В центре:

ΣΕΖΗ

ΡΗ

что означает имя Сежир. В новгородских берестяных грамотах известны имена Нажир (№ 233, 235), Доброжир, Домажир (№ 231)⁷⁹, имя Нажир известно и по летописям, и по «Русской Правде»⁸⁰. В первой строке — несколько букв: $\overline{\Lambda}\eta(\Pi)$, т. е. «писал», написанное под титулом и слева направо, титул отнесено левее; внизу, между буквами Ρ и η , находятся еще две буквы под титулом — $\overline{\text{IC}}$, т. е. «Иоанн», очевидно христианское имя Сежира. Вся надпись читается так: «Сежир (Иоанн) писал», исполнена она таким образом, чтобы при чтении взгляд чертил крест. С аналогичным расположением букв мы встречаемся в титуле архангела Гавриила в греческой надписи на мозаике Софии Киевской⁸¹.

В третьем парусе сохранились только три буквы: $\overline{\Gamma\eta\text{I}}$ (надпись № 20), начало обычной молитвенной формулы «господи, помози». По размеру и толщине букв можно предположить, что она также была выполнена Сежиром (но могла быть выполнена и каким-то третьим человеком).

Таким образом, две надписи в парусах северо-западного купола представляют собой автографы Георгия и Сежира. Уже одно их местоположение на большой высоте, доступной только со специально построенных лесов, заставляет видеть в их авторах художников или строителей, а фресковая техника исполнения, художественно выполненный рисунок креста не оставляют никаких сомнений в том, что их авторами были художники-фресчисты.

Так как эти надписи дошли до нас в копии, датировка их по палеографическим признакам менее надежна, чем датировка по техническим особенностям исполнения. Как уже говорилось выше, В. В. Суслов отмечал, что фрески из северо-западной главы (надписи и кресты) выполнены по самой древней цемяночной штукатурке. К настоящему времени известно несколько фрагментов стенописи этого вида, исполненной непосредственно по цемянке (обмазке стен). Среди этих фрагментов особняком стоит изображение Константина и Елены, написанное по просохшей штукатурке по тонкому слою известковой подгрунтовки⁸². Остальные фрагменты фресковой росписи по цемяночному грунту выполнены по сырой цемянке или в процессе строительства, как предполагал Ю. Н. Дмитриев, или некоторое

время спустя, так как пористость грунта обеспечивает хорошее проникновение пигмента и в просохшую цемянку⁸³. К сожалению, В. В. Суслов не проводил различия между фресками, выполненными по сырой цемянке, и живописью типа изображения Константина и Елены, выполненных уже по просохшей штукатурке. Поэтому мы не знаем, к какому виду стенописи относятся интересующие нас подписи в парусах северо-западного купола.

Однако в любом случае эти надписи связываются с комплексом фресок, выполненных по сырой цемянке или в процессе строительства, или некоторое время спустя, как изображение Константина и Елены, и, таким образом, с достаточным основанием датируются серединой XI в. К какому виду стенописи принадлежали надписи северо-западного купола, можно будет окончательно выяснить, сделав лишь пробные зондажи. При обсуждении проекта стенописи Софии В. В. Суслову было предложено: «Древние изображения крестов и надписей в двух парусах северо-западного барабана сохранить без реставрации в прежнем виде на прежнем фоне»⁸⁴, что позволяет надеяться на их обнаружение под масляной живописью.

Палеографические особенности надписей, насколько можно судить по снятой с них копии, не противоречат датировке их XI в. Прежде всего нужно отметить в надписи Сежира симметричное Ж, типичное для XI в.⁸⁵ С с высокой серединой также характерна для этого времени⁸⁶. Д с высокой правой чертой характерна для некоторых письменных памятников XI в.⁸⁷ П с горизонтальной чертой и Ъ с геометрически правильной треугольной петлей типичны для устава XI—XII вв.⁸⁸ Неизвестно, обозначает ли Ъ в слове «писал» слабый редуцированный знак после П или эта буква написана здесь по ошибке вместо конечного Ъ, так как Сежир писал это слово слева направо. Скорее всего эта буква обозначает слабый Ъ между П и С, в таком случае это написание свидетельствует о сохранении слабого ъ, что датирует эту надпись временем до падения редуцированных, в то время как исчезновение слабых глухих Ъ и ъ началось уже в XI в.⁸⁹

Датировать надпись Георгия сложнее, так как она выполнена в особой манере, начертания букв которой восходят к орнаментальным надписям при изображениях святых в фресковой живописи и мозаиках. Эти начертания мало изменялись с течением времени. Очень характерно в надписи Георгия М особое рисунка. Близкое этому начертание М встречается в некоторых греческих надписях Софии Киевской⁹⁰ и в древнерусской евхаристической надписи на мозаиках церкви архангела Михаила в Киеве (1111—1112 гг.)⁹¹. В XII в. такая форма проникла в некоторые орнаментальные надписи на различных предметах и в XIII в. распространилась довольно широко⁹². Ψ близко к форме, типичной для XII в., но отличается от нее тем, что средняя линия не возвышается над чашечкой⁹³. Необычно для середины XI в. написание «писал» через Ψ, предполагающее утрату слабого редуцированного ъ. Возможно, такое написание в данном случае может быть объяснено нерусскими фонетическими особенностями речи Георгия.

Хотя надпись Георгия дает мало материала для палеографической датировки, она обнаруживает близкое знакомство ее автора с тем особым стилем письма, которым выполнялись надписи при изображениях святых на мозаиках и фресках. Выше говорилось о характерной форме М, которая дважды употреблена в надписи Георгия. Точно такая же форма встречается в надписях на фресках купола Софии Новгородской⁹⁴. Эти надписи, многие из которых сохранились до наших дней лишь в копиях, безусловно восходят к древним оригиналам, хотя не исключено, что начертания некоторых букв искажены последующими поновлениями. Лигатура в начале второго слова Н аналогична лигатуре возле изображения пророка Даниила⁹⁵. Такие же лигатуры встречаются в надписях на мозаиках Михайловского монастыря и Софии Киевской⁹⁶. Разноформатные буквы Ге в имени Георгия также находят аналогии в надписи на книге возле изображения евангелиста Марка из храма Софии в Киеве⁹⁷. В подписи Георгия эти буквы соединены чертой, возможно это ошибка, допущенная при копировке надписи.

По начертаниям букв автограф Георгия очень близок как надписям на фресках купола Софии Новгородской, так и надписям на мозаиках Софии Киевской и Михайловского монастыря. Однако утверждать на этом основании, что рукой Георгия выполнены тексты при изображениях пророков на куполе Софии в Новгороде, было бы слишком опрометчиво. Выше отмечалось, что такого рода надписи вообще мало изменялись со временем и сильно отличались от современного им «делового» устава. Кроме того, нужно учесть, что и надпись Георгия, и большинство надписей на фресках купола дошли до нас в копиях, а сохранившиеся могли утратить некоторые свои характерные черты при неоднократных поновлениях. Сравнительный анализ автографа Георгия позволяет лишь утверждать, что он хорошо был знаком с той особой манерой письма, которой выполнялись надписи на фресках и мозаиках. Георгий и Сежир могли принимать участие в создании комплекса фресок на розовой цемьянке и фресок купола. Этот вопрос нуждается в специальном исследовании. Можно предположить, что Сежир (Иоанн) был автором изображений на заплечнике северного столба, о которых писал В. В. Суслов. В его архиве В. Г. Брюсовой найдены неопубликованные цветные копии с этих изображений. По ее мнению, эти святые изображают Иоанна Богослова и Иоанна Предтечу. Возле одного из святых находится и надпись: ΙΩ ΒΟ (Иоанн Богослов)⁹⁸.

Как можно заключить из автографа Сежира, Иоанн Богослов, или Иоанн Предтеча был его патрональным святым. Возможно, и одноименное изображение (или оба) было написано им к обряду освящения собора в глубине храма под барабаном северо-западного купола, в парусах которого были оставлены художником надписи.

Местоположение подписей художников выбрано не случайно, они плохо просматривались с первого этажа собора, но отчетливо читались на хорах. Не случайно также, что молитвенные записи художников располагались в парусах малого барабана. Согласно канонической византийской традиции, рядом, в парусах главного купола, изображались еванге-

листы. Широко известны предания, согласно которым евангелист Лука почитался наставником иконной живописи, так как сам Лука был первым иконописцем, написавшим образ Богоматери ⁹⁹. По свидетельству Четьи Миней, таким же наставником считался и евангелист Иоанн Богослов (так как из пастуха гусей он чудесным образом сделал искусного живописца) ¹⁰⁰. Очевидно, эти представления об евангелистах Луке и Иоанне были распространены и в середине XI в. Если предположить к тому же, что именно Иоанн Богослов был христианским патроном Сежира (Иоанна), то размещение записей-автографов в парусах малого купола, в непосредственной близости от изображений евангелистов, скорее всего уже написанных к тому времени, становится вполне понятным.

Известна еще одна надпись Сежира, в настоящее время не сохранившаяся. В одной из своих лекций И. А. Шляпкин упоминает, что «в трибуне в косяке окна была обнаружена надпись», прочитанная им как «се Жирь псалъ» ¹⁰¹. Очевидно, в этой надписи следует читать имя «Сежир», а местонахождение ее «в трибуне» — в косяке окна, — позволяет предположить, что не дошедшая до нас надпись также принадлежала художнику Сежиру.

В архиве И. А. Шляпкина в кратком отчете о произведенных в июне—июле 1895 г. розысках и копировании русских вещевых надписей XI—XIV вв. в Новгороде и его окрестностях также упоминается, что в куполе имеются надписи и указывается, что с одной из них, обозначенной № 1, выпарапанной на камне (?) на левом откосе окна между пророками Аввакумом и Малахией, снят гипсовый оттиск ¹⁰². О содержании этой надписи здесь ничего не говорится. Но в перечне гипсовых снимков с новгородских надписей, составленном И. А. Шляпкиным, под № 1 добавлено: «Сежира» и указано местонахождение — «купол». Таким образом, становится ясным, что в барабане центрального купола, на откосе окна, между пророками Аввакумом и Малахией, находилась надпись, напарапанная Сежиром. Имя, упомянутое в надписи, и ее местонахождение заставляют предположить, что ее автором был тот же самый художник, оставивший свой автограф в фресковой технике в одном из парусов северо-западного купола. Указание И. А. Шляпкина, что с нее был снят гипсовый оттиск, позволяет рассчитывать на то, что надпись не исчезла безвозвратно.

Среди оттисков клише в архиве И. А. Шляпкина имеется следующее, на котором представлена *надпись № 21* такого содержания ¹⁰³ (рис. 17):

ІОАННЪ
ІАМННЪ
СЕЖИРЪ ЧЪІ

Хотя никаких указаний на местонахождение этой надписи нет, отсутствие других надписей с именем Сежира, содержание ее, где называется не только языческое имя, но и христианское — Иоанн, позволяет утверждать, что перед нами фото клише автографа Сежира, находившегося на откосе одного из окон центрального барабана купола. Отчетливо читаемая надпись является лишним доказательством существования художника Сежира.

Христианское имя Иоанн выполнено двойным контуром крупными красивыми буквами. Как и в фресковом автографе, оно написано через *І* («и» десятиричное), а *Ї* имеет высокую середину, что типично для XI в.¹⁰⁴ Начертания других букв надписи-граффити значительно отличаются от автографа, написанного красками, что объясняется, очевидно, не только неточностью копии, но и значительной разницей в начертании между обычным деловым письмом и декоративным письмом. Даже в самом автографе-граффити Сежира можно различить две манеры: более крупными, красивыми буквами, двойным контуром начертано христианское имя Иоанн, ниже простым мелким почерком добавлено «аминь» и еще ниже в той же деловой манере:

СЕЖИРА *Ψ* *Ѳ*.

Каждое из двух последних слов обведено рамкой.

Начертания букв христианского имени находят близкие аналогии в надписях при изображении святых на некоторых предметах прикладного искусства, например в надписях на новгородских кратирах¹⁰⁵ (начало и первая половина XII в. — буквы *Ѳ*, *Н*), что объясняется, очевидно, не столько хронологической близостью, сколько способом выполнения и назначением надписей. Начертание *Ѳ* в надписи «Иоанъ» отличается от формы этой буквы в вышеуказанных надписях тем, что мачта буквы почти перпендикулярна уровню строки. Слово «аминь» написано обычным деловым почерком, в котором можно отметить *Н* с горизонтальной перекладиной и *И* с перекладиной, доходящей до низа правой мачты. Эти формы типичны для устава XI—XII вв.¹⁰⁶ Мачта *Ѳ* имеет несколько больший наклон к концу строки, чем в предыдущем слове, и округлую петлю. Среди букв языческого имени нужно отметить *Ж*, написанное, насколько можно судить по оттиску клише, не в три приема, как в фресковой надписи Сежира, а в пять, что становится типичным уже в XIII в. Но по наблюдениям В. Н. Щепкина такое начертание встречается уже в «простых и более поздних почерках XI в.»¹⁰⁷. Перекладина *Н* горизонтальна, *Р* имеет маленькую округлую головку, подобно начертаниям этой буквы в древнейшем уставе, но вертикальная линия ее далеко выходит в нижнее межстрочное пространство. «Писал» написано через *Ψ* в отличие от фресковой надписи. Но употребление этой буквы в слове «писал» не всегда можно связывать с утратой слабого *Ѳ* (см. комментарий к надписям № 145 и 146). От обычной для граффити формы *Ψ* в надписи № 21 отличается отсутствием симметрии. Характерна *Ѳ* в слове «писал» — она имеет длинную, выходящую в верхнее и нижнее межстрочное пространство спинку, вверху она заканчивается крючком, внизу перечеркнута. Близкое к этой форме декоративное *Ѳ* встречается иногда и в рукописях: XIII словах Григория Богослова (XI в.)¹⁰⁸. Е. Ф. Карский приводит примеры такого начертания из Мстиславова евангелия¹⁰⁹, некоторую аналогию представляет также *Ѳ* из записи о смерти Луки Белгородского (граффити из Софии Киевской) (до 1091 г.)¹¹⁰.

Таким образом, автограф-граффити Сежира-Иоанна палеографически датируется XI—XII вв., но по совокупности с автографом-фреской его можно отнести ко времени первой росписи собора — середине XI в.

Нужно отметить, что в отличие от фресковой надписи Сежира в граффити употреблена звательная форма (Сежире) вместо именительного падежа. Исследователями такая замена отмечается уже в памятниках XI в., причем только в северо-западной и северодвинской письменности ¹¹¹. «Это окончание по крайней мере с XII в. было одной из особенностей северо-западного диалектного ареала» ¹¹². Надпись № 21 не только дает древнейший (середина XI в.) пример употребления этой формы, но и является подтверждением новгородского происхождения Сежира. Сежира-Иоанна следует считать русским художником, возможно даже новгородцем.

Национальность Георгия определить гораздо сложнее. Сама его подпись «Георгий писал», сделанная по-русски, позволяет предположить, что он был русским. Однако обращает внимание отсутствие *ѣ* и *ѣ̑* в его подписи, хотя эта особенность может объясняться и знанием греческого языка, а не только нерусским происхождением Георгия. Возможно, что некоторый материал для определения национальности Георгия могли бы дать нерасшифрованные отрывки второй и третьей строки его подписи. Как уже отмечалось выше, эти отрывки, если исходить из русского языка, расшифровке не поддаются. Если предположить, что они являются остатками греческой надписи в зафиксированном копией виде, то они не находят аналогий и в греческом языке ¹¹³.

Будет уместным напомнить, что в киевском Софийском соборе, в апсидной части Михайловского придела, С. А. Высоцким была обнаружена греческая надпись, которая в переводе звучит так: «господи, помози твоему рабу Георгию» ¹¹⁴. Техника выполнения надписи, прочерченной по сырой фресковой штукатурке в процессе выполнения росписи, позволила С. А. Высоцкому считать автора надписи художником, который расписывал Михайловский придел в первой половине XI в. Так как надпись греческая, С. А. Высоцкий предположил, что и художник Георгий был греком.

Возможно, что оба автографа, киевский и новгородский, оставлены одним и тем же художником. Необычный для русских надписей облик новгородского автографа, одна и та же ошибка в написании имени (О вместо Г) дают некоторые основания для такого предположения ¹¹⁵. Вместе с тем нужно отметить, что новгородская надпись частично выполнена уже по-русски. Кроме того, сама форма имени представляет уже переходную форму к «Гюрги» ¹¹⁶. Но решение вопроса об идентификации и национальности оставивших автографы художников на том фрагментарном материале, который находится в нашем распоряжении, возможно, преждевременно. Только новые материалы и специальные исследования могут подтвердить или опровергнуть это предположение.

Пока остается неясным, участвовали ли эти художники или один из них в написании известной фрески, изображающей Константина и Елену. У сторонников русского происхождения автора этой фрески веским дока-

зательством является некогда существовавшая при изображении Елены надпись, где имя Елена передано в русифицированной форме «Олена»¹¹⁷. Поскольку сама надпись утрачена, то некоторыми исследователями ее существование признавалось весьма проблематичным.

В архиве В. В. Сулова находится карандашный рисунок фрески Константина и Елены, сделанный еще до утраты надписи¹¹⁸. На нем над головой Елены отчетливо видна надпись ОЛЕНА, а над головой Константина — К...НН. Таким образом, существование надписи, ярко отразившей русские фонетические особенности речи художника¹¹⁹, подтверждается документальными материалами. Следовательно, можно говорить по крайней мере об участии русского художника в создании этой фрески, так как употребление русской диалектной формы в имени святой маловероятно для грека.

Может быть, художникам Георгию и Сежиру принадлежит еще одна надпись, прочерченная на лестнице собора в амбразуре окна, несколько правее группы надписей Стефана, Микулы и Радко (надпись № 22; рис. 10):

ГІГІ ЄЪ
ЄЄЖНРЪМ(Ъ)
ЕЪ ЕЪ
ДЪ

(Гага с Сежиром в беде). Имя Сежир не вызывает сомнений, Гага — возможно, неудобопроизносимое для русских имя Георгий. Это имя в форме «Гюрга» встречается в неопубликованном граффити собора Рождества Богородицы из Антониевского монастыря в Новгороде. В превращении «Георгия» в «Гагу» могли сказаться и какие-нибудь иные фонетические традиции. Но имя Гага могло быть и вторым, языческим именем Георгия (по источникам XVI в. известна фамилия Гагин¹²⁰).

Надпись архаична, обращает внимание симметричное Ж, написанное в три приема, характерное для XI в.¹²¹ Линия строки в надписи не выдержана, очевидно поэтому в одном случае коромысло Ъ лежит ниже строки, а в другом — на уровне строки. Ъ в предлоге ЕЪ превращено в пятиконечную звезду. Этот символический знак типичен для древнеболгарских граффити IX—X вв., был он известен в Херсонесе и Мангуле¹²². Окончание ЪМЪ свидетельствует о сохранении слабого редуцированного Ъ в окончании вторичного падежа, что датирует надпись XI—первой половиной XII в. и указывает на русское, в отличие от старославянского, произношение автора надписи¹²³. Датировка, сочетание имен Гага и Сежир дают некоторые основания предполагать, что автором этой надписи был один из художников.

Но почерк граффити, процарапанного в барабане центрального купола, резко отличается от почерка, которым выполнена надпись Гаги и Сежира. Если последняя все же оставлена художниками, то ее автором мог быть только Гага (Георгий?). Этот характерный почерк с квадратными буквами, близко примыкающими друг к другу (иногда они даже сливаются), можно

узнать в надписи № 23, сохранившейся, к сожалению, лишь в прориси ¹²⁴ (рис. 18).

ПО Р(Ж)САЛНАХ(Ъ) БЪ(Т)ОРЖ
Ю НБДЪЛЮ РН---Ъ Д(Ъ)А
Д(Н) НЯ БТЯГО -- (Д)ОУТЯ

Начало надписи читается полностью: «По русалиях вторую неделю»; в последнем слове первой строки искажена буква Т (на прориси она напоминает Ё) и в букве Ж отсутствует верхняя соединительная черта. Но в целом чтение первой строки сомнения не вызывает. Во второй строке читается Ю (окончание слова «вторую») и НБДЪЛЮ, затем следующее слово или слова неясны: РН---Ъ Д—А; в начале третьей строки изображены буквы АЦ, которые, по всей вероятности, следует читать АН, далее читается НЯ БТЯГО. Имя святого неясно, в начале его отсутствуют две-три буквы, далее читается -- Д(О)УТЯ.

Таким образом, в надписи идет речь о каком-то событии, состоявшемся «по русалиях, во вторую неделю, на святого -- Д(О)УТЯ». Несмотря на то что прорись искажает многие буквы, все же с первого взгляда обнаруживается сходство с почерком надписи Гаги и Сежира. Перед нами тот же характерный почерк, буквы которого, по пропорциям приближаясь к квадрату, почти примыкают друг к другу, совпадают также начертания букв Л, Ъ, Ы. Нацарапанные под надписью орнаментальные буквы ДЪ выполнены в той же манере, что буквы ДЪ в слове БЪДЪ в надписи № 22, Ж также из трех пересекающихся линий. По прориси нельзя восстановить смысл этой надписи, но в буквах ее отчетливо проявляется ярко выраженная индивидуальная манера, свойственная и надписи № 22. Несколько правее этих букв прочерчено бородастое человеческое лицо. Очевидно, ниже также были начерчены какие-то орнаментальные буквы или рисунки, но на прориси изображены лишь отдельные линии. Архаический стиль почерка, дважды встретившийся Ж, Ъ, целиком уместающееся в строке, сохранение слабого в слове «въторую» позволяют датировать надпись XI в., так же как и надпись № 22.

Очевидно, перед нами две надписи, выполненные одной и той же рукой. Был ли автор надписи (Гага?) и художник Георгий одним и тем же лицом, пока остается неясным. Вероятно, содержание надписи позволило бы более определенно ответить на этот вопрос. В настоящее время, располагая только прорисью надписи, прочесть поврежденные слова во второй строке невозможно. Легко прочесть Д(Ъ)А/Д(Н), но это могло быть и Д(Я)АН. Смысл предыдущего слова РН---Ъ определить еще труднее.

Вполне возможно уточнить время, когда происходили события, упоминаемые в надписи. В надписи ясно читается «по русалиях» — т. е. «после русалий». Русалии — языческие празднества, настолько прочно вошедшие в быт древней Руси, что нередко даже сами церковники ссылались на них для указания календарной даты события ¹²⁵. Русалии праздновались несколько раз в году: зимой (ночь под рождество — 25 декабря, ночь под кре-

щение — 6 января) и летом — ночь под Ивана Купала (24 июня) и в «семицкую неделю»¹²⁶. Последние русалии имели подвижные календарные сроки, в зависимости от дня празднования пасхи (семицкая неделя — седьмая после пасхи). Следовательно, из четырех календарных сроков русалий три были приурочены к определенным календарным датам (25 декабря, 6 января, 24 июня), четвертый (семик) в христианское время имел подвижную календарную дату.

В надписи упоминается вторая неделя после русалий, следовательно, события, о которых говорится в надписи, могли произойти со 2 по 8 января, с 14 по 20 января, со 2 по 8 июля или с 18 мая по 27 июня. Упомянут и день события: на святого. . . — Δ(Ο)ΤΗ. В первых трех предполагаемых сроках русалий нет праздника в честь святого, имя которого подошло бы к имени, упомянутому в надписи. Но в четвертый календарный срок, находящийся в зависимости от семицкой недели, на 18 мая приходится празднование Феодота Анкирского и святых мучениц семи дев, а на 7 июня — празднование святого Феодота Анкирского. Очевидно, имя в надписи следует читать как ΘΕΟΔΟΤΗ. Следовательно, в надписи упомянута вторая неделя после «преходящих» русалий, имевших подвижную календарную дату в зависимости от дня празднования пасхи от 18 мая до 27 июня.

Не только имя святого указывает на эти сроки. Уже с XII в. киевская летопись называет «русальской неделей» именно седьмую неделю после пасхи, завершавшуюся праздником троицы — «пятидесятницы»¹²⁷. После троицы церковный календарь наряду со счетом пасхальных недель начинает счет неделям «по пятидесятнице» — после троицы. Таким образом, по церковному календарю упомянутая в надписи неделя будет девятой после пасхи или второй после пятидесятницы¹²⁸. В том году, когда была оставлена надпись, на эту неделю приходился и день Феодота Анкирского — 7 июня (упоминание одного святого без упоминания мучениц указывает именно на это число). Такое совпадение происходило не каждый год. За десять лет с 6558 (1050 г.) по 6568 (1060 г.) только в 1053 и 1056 гг. день святого Феодота Анкирского приходился на русальную неделю (в 1053 г. русальная неделя 7—13 июня, в 1056 г. — 3—9 июня).

В настоящее время надписи № 22 и № 23 можно только предположительно приписывать художникам. Поэтому и уточнение датировки первой росписи Софии на основании сведений этих надписей можно пока делать лишь предположительно. Если эти надписи выполнены художниками, то и работы по росписи происходили; очевидно, не ранее 1053 г. Возможно, в будущем будет обнаружен оригинал надписи № 22, что позволит проверить предварительные наблюдения.

Некоторые надписи-граффити называют имя еще одного художника, который работал в середине XI в. в Софийском соборе. Одна из этих надписей находится на хорах, на плинфе, декоративно оформляющей арку (надпись № 24, рис. 19). Она состоит из двух слов: ΟΛ(Η)Ε(Υ)Ν ΠΥΘΑΓ[Υ] — «Олисей писал». Имя Олисей встречено в берестяной грамоте № 228 второй половины или рубежа XII—XIII вв.¹²⁹ В граффити XI из Софийского собора в Киеве упоминается княгиня Олисава (Елизавета)¹³⁰. Олисей —

русское произношение имени Елисей¹³¹. Буквы Ц и Ъ в имени сохранились плохо, по всей вероятности они были слегка затерты пальцем таким образом, что на месте их образовались небольшие углубления. Но слабые штрихи этих букв все же хорошо видны при боковом освещении. Буквы могли быть затерты только тогда, когда цемянка еще не совсем просохла. Поэтому эту надпись нужно отнести ко времени строительства собора. Не противоречит этому и палеография. КоромыслоѢ лежит несколько ниже уровня строки. Особо следует отметить сохранение слабого Ѣ в слове «псалъ». В надписях Стефана самого начала XII в. слабый Ѣ в этом слове отсутствует.

Несколько выше и левее автографа Олисея находится процарапанное изображение четырехконечного креста, украшенного по концам поперечной перекладины орнаментальной плетенкой. Как местоположение надписи и рисунка креста (на большой высоте, доступной только со специально построенных лесов), так и особенности выполнения надписи (процарапывание по еще не совсем просохшей штукатурке) заставляют предполагать в Олисея строителя или художника.

В материалах по реставрации Софийского собора в архиве В. В. Сушлова имеется копия, снятая с надписей и рисунков-граффити, находившихся, как следует из подписи, на северной стене хор, на высоте чуть ниже человеческого роста (см. рис. 5)¹³². На кальке изображены два почти идентичных креста, несомненно начерченных одним и тем же человеком. Возле верхнего из них находится надпись № 25, сохранившаяся в отрывках (рис. 20):

ОЛНѢѢ Р(ѦБ)Ѣ Х[РНѢТ]ОѢѢ
ПѢ(Ѧ)Ѧ(Ѣ)
КН . . .

Надпись сохранилась только в копии, поэтому трудно сравнивать ее с надписью в арке. В отличие от последней в имени Олисей на конце употреблено Ѣ, в слове «псалъ» отсутствует Ѣ, но, возможно, тут было титло, не попавшее на прорись. Замечателен рисунок креста. Четкий, почти геометрически правильный рисунок представляет собой четырехконечный крест в круте, из средокрестия креста исходит сияние. Нижний конец креста несколько длиннее и заканчивается двумя орнаментальными отростками. Крест стоит на ступеньках, заключенных в полукруг, обозначающий, очевидно, Голгофу с каменной отделкой¹³³. Под ступеньками схематическое изображение головы Адама.

Второй рисунок креста отличается от вышеописанного только отсутствием отростков, которыми заканчивается нижний конец первого креста. Известно еще два таких же изображения креста, сохранившиеся в копиях. Один из них находился на северной стене хор в средней арке на притолоке (рис. 22)¹³⁴, другой, как следует из подписи, — в окне барабана купола (рис. 21)¹³⁵. К сожалению, более подробных указаний на местонахождение этого второго креста не сохранилось, но так как в тех случаях, когда имелись в виду барабаны малых глав, это обстоятельство непременно отмеча-

лось, можно предположить, что данный рисунок, подобно автографу-граффити Сежира, находился в окне барабана главного купола. Эти рисунки лишь в незначительных деталях отличаются от крестов, о которых говорилось выше, и настолько близко их повторяют, что на первый взгляд их трудно отличить друг от друга. Эти профессиональные рисунки, выполненные Олисеем, оставившим и сохранившемуся до сих пор надпись в арке, склоняют к мысли, что Олисей был не строителем, а художником. Этим же Олисеем, надо полагать, процарапана надпись № 26 на стене лестничной башни (между третьей и четвертой лестничной площадкой), сохранившаяся до сего времени (см. рис. 23):

ОЛНЄ(Ъ)І МОЛНТЬ
ЄА СѢТН СОФН

(Олисей молится святой Софии). И в этом автографе, как и в двух предыдущих, имя написано через Ъ, а на конце его употреблено І, как в надписи Олисея, сохранившейся в копии на кальке, что позволяет предположить, что и эта надпись оставлена художником Олисеем. Из палеографических признаков ее характерно Ъ, целиком уместающееся в строке, что является типичным для XI в., а в XII в. встречается уже редко ¹³⁶.

Таким образом, несколько надписей Олисея, а также прекрасные рисунки крестов, отработанные до малейших деталей, начерченные уверенной рукой профессионала, расположенные иногда на огромной высоте, поблизости от автографов других художников ¹³⁷, дают основание видеть в Олисее художника. Так как одна из подписей Олисея сделана по еще не вполне просохшей штукатурке, то можно предположить, что он присутствовал при строительстве собора.

Новые исследования показывают, что полихромная декоративная раскраска, производившаяся, по мнению М. Г. Штендера, в процессе строительства по-сырому, применялась при оформлении внешнего облика храма Софии ¹³⁸. Может быть, автором этой орнаментальной росписи или части ее и был Олисей. Палеографические и фонетические особенности надписей Олисея не противоречат датировке их серединой XI в. Русские надписи, оставленные Олисеем, так же как и само имя, отразившее русские фонетические особенности, позволяют считать его русским художником.

Художников, расписавших Софийский собор, можно считать авторами не только надписей и изображений крестов, но и некоторых рисунков, процарапанных по штукатурке. О рисунке льва и «портрете» Стефана уже упоминалось выше. В архиве ЛОИА сохранилась также фотография слепка на мастике, снятого с рисунка-граффити ¹³⁹ (надпись № 27, см. рис. 24). В левой части рисунка изображен Христос с поднятой правой благословляющей рукой, справа видна закутанная фигура (сохранилась до пояса). Вверху надпись: АЙЗОРЪ. Таким образом, рисунок представляет собой набросок композиции «Воскрешение Лазаря». В Софии Новгородской на западном своде подпружной арки находился фрагмент фресковой живописи, известный нам по зарисовке В. В. Суслова, который расшифровы-

вается В. Н. Лазаревым как «Воскрешение Лазаря»¹⁴⁰. Насколько рисунок-граффити восходит к фресковой живописи, сказать трудно, так как от последней сохранилась только верхняя часть фигуры Лазаря, за которой виден вход в пещеру. На рисунке-граффити под фигурой Христа, частично закрывая ее, начерчена монограмма:

Ъ
СѢЩ,

которая может быть расшифрована как «СѢФАНЪ ѠАЪ». Таким образом, если такая расшифровка правомерна, то этот набросок композиции «Воскрешение Лазаря» также выполнен художником Стефаном. Начертания букв надписи «Лазорь» не противоречат такому предположению: буквы Л, З близки почерку Стефана. Начертания букв в монограмме не находят близких аналогий в почерке Стефана, что вполне допустимо, так как буквы монограммы могли отличаться от «делового» устава.

Кроме того, в архиве В. В. Суслова сохранилась еще одна фотография с двух отпечатков на мастике, заслуживающих пристального внимания¹⁴¹. На одном из них (рис. 25) уверенными и скупыми линиями изображен Христос в крещатом нимбе. Несмотря на трудность процарапывания по сухой штукатурке и поврежденность выбоинами, этот рисунок обладает большой выразительностью. Торжественный и строгий лик Христа ближайшей аналогией имеет изображение Вседержителя в куполе Софии Новгородской. Естественно было бы предположить, что перед нами набросок этого изображения. Фреска Вседержитель погибла в 1941 г., поэтому мы можем судить о ней только по фотографиям.

Исследования В. Г. Брюсовой позволили выяснить, что древнее изображение Пантократора было уничтожено, а одно из известных по фотографиям изображений принадлежит бригаде Сафонова¹⁴². Рисунок-граффити обнаруживает большее сходство именно с сафоновской росписью¹⁴³. Очевидно, при исполнении новой росписи в качестве иконографического прототипа был использован рисунок-граффити. Использование древних мотивов при исполнении новой росписи не ограничивается этим случаем: в росписи были введены как орнаментальный мотив, разделяющий отдельные композиции, крест, изображенный на голоснике Стефаном, а во всех четырех парусах северо-западного купола помещены орнаментальные кресты, подобные кресту Георгия. На рисунке-граффити не сохранилась благословляющая рука Христа, особое перстосложение которой, так называемая «сжатая десница», является характерной чертой иконографии Спасова образа Софии Новгородской. Однако общий тип лица Христа, изображение нимба и складок на одежде позволяют предположить, что этот рисунок восходит к образу Вседержителя из купола Новгородского собора Софии.

К сожалению, не сохранилось сведений, в какой части собора и на какой штукатурке было выполнено это изображение, что могло бы облегчить датировку. Однако характер рисунка, который мог быть выполнен только

профессиональным и притом первоклассным художником, сумевшим несколькими уверенными линиями создать впечатляющий образ, позволяет предположить, что автором этого рисунка был художник. Возможно, перед нами древнейший известный нам набросок утраченного изображения, составлявшего одну из характерных особенностей Новгородской Софии.

На втором слепке (см. рис. 25) представлен неизвестный святитель, но в крестчатом нимбе, что свойственно лишь изображениям Христа. Слева буквы **ИН** (или **ІН**) — остатки надписи, возможно и не имеющей отношения к изображению. Лицо святителя на рисунке-граффити — высокий лоб с поперечными морщинами, висячие усы, небольшая круглая борода — напоминает традиционные изображения Иоанна Златоуста. В пользу такого предположения свидетельствуют и остатки надписи, но крестчатый нимб, отчетливо видный на слепке, не находит аналогий в традиционной иконографии этого святого. Нет также никаких данных для сравнения этого рисунка с каким-либо сохранившимся фресковым изображением Софии Новгородской.

Таким образом, изучение надписей и рисунков-граффити позволяет выяснить неизвестные нам имена художников и обнаружить рисунки, являвшиеся, очевидно, схематическими набросками фресковых изображений. В росписи Софии могли принимать участие и другие мастера, не оставившие своих подписей на стенах храма (или подписи которых просто не сохранились). Однако, как мы можем судить на основании исследований Ю. Н. Дмитриева, в XI—XII вв. число художников, расписывавших храмы, было невелико.

Фрагментарность материала не позволяет безоговорочно судить о взаимоотношениях этих художников внутри артели, о роли каждого художника в росписи Софии Новгородской. По-видимому, подписи оставили две артели художников, в разное время расписывавшие храм. Одна из них, в которую, очевидно, входили Георгий, Сежир и Олисей, должна была принимать участие в создании комплекса фресковых изображений на розовой цеманке и росписи фресок центральной главы, которая была произведена, как показывает исследование В. Г. Брюсовой, в середине XI в. Причины прекращения росписи В. Г. Брюсова видит в обстоятельствах политической жизни Новгорода начала 50-х годов XI в., и прежде всего в том, что 4 октября 1052 г. умер один из заказчиков собора, князь Владимир Ярославич, а сменивший его Изяслав в ожидании перехода на великокняжеский киевский стол не был заинтересован в проведении крупных работ по благоустройству Софии¹⁴⁴.

Есть основания считать причинами прекращения росписи Софии не только политические неурядицы, вызванные смертью Владимира, но и дальнейшие события, в результате которых второй заказчик — архиепископ Лука был вызван митрополитом Ефремом в Киев. Грек Ефрем, сменивший на митрополичьей кафедре «русина» Иллариона, осудил новгородского епископа и продержал его в заточении в течение трех лет, затем Лука был освобожден, но по дороге в Новгород умер 16 октября 1059 г.¹⁴⁵

В. Г. Брюсова датирует роспись главы Софии 1051—1052 гг. в соответствии со сведениями, приведенными в «Сказании о св. Софии Новгородской»¹⁴⁶. Некоторые данные говорят о том, что роспись была начата на несколько лет позже. Прежде всего, должно было пройти один-два года в ожидании усадки кладки¹⁴⁷. Об этом же говорит и наличие изображений Константина и Елены и некоторых других фресок на цемьянке. Как известно, фресковая роспись — сложный процесс, требующий долгой предварительной подготовки. По данным «Типика» о церковном и настенном письме епископа Нектария — источнике XVI в., ссылающегося и на рецепты старых мастеров, подготовка грунта (левкаса) для фресковой живописи занимала около двух лет. «Начинается левкас стенного письма составлятися после великие недели вскоре. . . лето целое наливать и покрывать да ожеживать дни и нощи, да к зиме огрести левкас в кучу, да покрыть его рогожами. . . А на новую весну, с великого дня вскоре, наливати его водою. . . недель шесть. . .» и т. д. Такая длительная подготовка нужна была, чтобы «вечно было письмо». Если «вскоре писать стенное письмо того же лета, тот левкас не вечен бывает. Лет в десять или много в двадцать учнет изнутри левкасу выступать емчуга поверх письма, что морок поедать будет письмо, а пособить будет нечем»¹⁴⁸.

В. Г. Брюсова убедительно доказала связь фрески Константина и Елены с обрядом освящения собора, состоявшегося, по сведениям «Сказания о св. Софии Новгородской», 14 сентября 1052 г.¹⁴⁹ Между тем, сама необычная техника выполнения этой живописи, очень недолговечная, могла быть применима, как отмечает Ю. Н. Дмитриев, в том случае, «когда было невозможно или нецелесообразно применить фресковую технику в силу ли сроков исполнения или из-за ее сложности»¹⁵⁰. Очевидно, осенью 1052 г. процесс подготовки грунта для живописи не был завершен, и поэтому мастера или один из мастеров были вынуждены к обряду освящения собора написать Константина и Елену в непрочной и легко стирающейся технике. В нижних частях собора (возможно, для изображения патрональных святых) в качестве грунта была использована строительная цемьянка. Приступить к росписи купола живописцы могли только не ранее весны 1053 или даже 1054 г. По сведениям «Сказания о св. Софии Новгородской», Спасов образ в куполе (очевидно, не только фреску Вседержителя, но и другие изображения центральной главы) писали «годишное время и более»¹⁵¹. А в 1055 г., по летописным данным, последовала «клевета» на епископа.

Очевидно, работы по росписи Софии, прерванные осенью 1054 г., уже не возобновлялись, так как епископ Лука был в заточении, а посадник, заменивший Владимира на новгородском столе (см. комментарий к надписи № 182), не имел возможности продолжить дорогостоящие работы по росписи Софии.

Неизвестно, в чем обвиняется епископ Лука Жидята. В Никоновской летописи имеются сведения, что он был обвинен в «неподобных речах»¹⁵². Однако такое небывалое событие, как арест епископа по доносу его собственного холопа, было исключительным событием и должно было затро-

нута и окружение Луки. Возможно, при этом пострадали и иконописцы, вызванные Лукой. Косвенно на это указывает надпись Гаги (Георгия?) и Сежира, в которой говорится: «Гага с Сежиром в беде» (если считать, что она оставлена художниками). Относительно характера этой «беды» мы можем лишь строить догадки, но вряд ли было особой бедой для художников, мастерство которых в древней Руси почиталось и хорошо оплачивалось¹⁵³, простое прекращение финансирования росписи. Возможно, эта беда была прямым следствием ареста Луки. Во всяком случае, роспись была прекращена и возобновлена только весной 1109 (мартовского года) уже другими художниками, среди которых нам известны Стефан, Микула и Радко.

Кроме фресковой росписи новгородский Софийский собор был украшен и мозаикой. Последние архитектурно-археологические исследования позволяют связывать появление мозаичных полов и мозаик алтаря с работами по украшению интерьера, предпринятыми по инициативе архиепископа Нифонта в 1151 г.¹⁵⁴ Пока не найдено надписей, которые называли бы имена мастеров мозаики. Но на одной из плит со смальтовой мозаикой, найденной во время раскопок в Мартирьевской капеллы, была обнаружена надпись № 28, процарапанная по верхнему краю плиты: БЪРХ(Ъ?)¹⁵⁵. Это рабочая пометка мастера, выкладывавшего узор из мозаичных плит. Можно отнести эту запись к 1151 г. Для палеографических наблюдений данных мало. Можно отметить сохранение сильного Ъ. «Прояснение» слабых Ъ, Ь, превращение их в гласные полного образования отмечается исследователями в памятниках второй половины XII—XIII в.¹⁵⁶

Исполнение мозаик Новгородского собора исследователи предположительно приписывают русским мастерам, приглашенным Нифонтом из Киева¹⁵⁷. Данная краткая запись на русском языке является дополнительным доказательством участия русских мастеров в исполнении мозаик Софии Новгородской.

Помимо автографов художников на стенах Софийского собора в Новгороде сохранилось несколько надписей, которые сделаны его строителями. К таким надписям относится прочерченное по цементной штукатурке лестничной башни крупными буквами (5—6 см высотой) граффити (надпись № 29), почти на самом верху, на высоте 175 см от уровня лестничной ступени (рис. 26):

ПОУААН ДЪАИ
ТН НА СЪТЯГО КО
СЪТИННИ И СЛЪНЫ

(Почали делати на святого Константина и Елены). Граффити опубликовано В. Г. Брюсовой, которая справедливо считает, что в этой надписи сообщается о закладке Софии, которую начали строить, по данным «Сказания о св. Софии», 21 мая 1045 г.¹⁵⁸ Нужно отметить, что день Константина и Елены (21 мая по старому стилю) часто выбирался для начала

строительных работ как из-за подходящего срока, так и в связи с символическим смыслом, который придавался закладке церкви в этот день: закладка церкви увязывалась со строительством Константином и Еленой храма над гробом господним. Например, 21 мая были заложены церковь Благовещения в Новгороде (1179 г.) и церковь Преображения в Русе (1198 г.)¹⁵⁹.

Граффити на стене лестничной башни, конечно, имеет в виду закладку Софии, но оно не могло быть выполнено в 1045 г. Скорее всего, эта надпись появилась уже в конце строительства (1050 г.).

Из палеографических особенностей надписи нужно отметить У «бокальчиком», Н с горизонтальной перекладиной, характерные для устава XI—XII вв., Н с перекладиной, не доходящей до конца правой мачты, что нетипично для этого времени, но может встречаться и в XI в.¹⁶⁰ Обычное для XI в. Ъ — целиком уместающееся в строке, с коромыслом, лежащим ниже ее уровня¹⁶¹.

Таким образом, палеографические особенности не противоречат датировке надписи серединой XI в., и само содержание этой крупной и заметной надписи связывает ее с периодом строительства Софии. Эта надпись анонимна, в ней не указаны ни автор надписи, ни те, кто строил Софию. Может быть, ответ на этот вопрос содержит надпись, выполненная такими же крупными буквами под надписью о начале строительства, только значительно ниже ее (почти у самой ступеньки лестницы). Эта надпись № 30 состоит из одного слова: КРОЛЪ. (рис. 27). Ее особенностью является то, что она прочерчена по сырой штукатурке (цемянке) во время строительства собора¹⁶². Так как лестничная башня входила в первоначальный замысел собора, то и ее строительство должно относиться к 1045—1050 гг. Кроль — очевидно, имя, которое, учитывая древнерусское полногласие, должно было звучать как «Король». В письменных источниках известны прозвища «Король», «Королько», принадлежащие крестьянам¹⁶³; в источниках XVI в. известно также прозвище «Кролик» — очевидно, восходящее к этому же имени¹⁶⁴.

Из палеографических особенностей можно отметить Л с короткой левой и высокой правой частью. Л такого начертания, по наблюдениям Е. Ф. Карского, встречается в некоторых древних памятниках южнославянского происхождения, вместе с аналогичными начертаниями И¹⁶⁵. Эта форма подтверждает датировку надписи серединой XI в.

Очевидно, Кроль был одним из тех, кто «почал делати» Софию. Лакоичность надписи, содержащей одно имя, не позволяет определить роль, какую играл Кроль в строительстве Софии. Он мог быть и архитектором, и одним из многочисленных каменщиков. По-видимому, имена еще двух строителей записаны там же, ступенькой выше предыдущих. Надписи выполнены такими же крупными буквами и представляют собой имена: ЯКІМЪ (надпись № 31, рис. 28) и НѢЖЪКО (№ 32, рис. 27). ЯКІМЪ — производное от имени Аким (Иоаким), НѢЖЪКО — уменьшительно от имени Нежило или Нежата, известного по летописным сведениям¹⁶⁶; все эти три имени пишутся через Ъ.

В надписи № 31 нет характерных начертаний, позволяющих ее датировать, в имени НѢЖЬКО характерно Ъ, целиком уступающее в строке, причем коромысло его расположено ниже уровня строки. Эта форма свидетельствует в пользу датировки надписи XI в. Слабый Ъ после Ж, очевидно, написан вместо Ь. Петля имеет характерный росчерк, подобно Ъ из надписи о приходе князя Святополка (1093 г.) из Киевской Софии¹⁸⁷. На первый взгляд о более позднем времени говорит написание Ж в пять приемов. Но в данном случае такой способ написания вызван тем, что буквы надписи прочерчены двойным контуром и при обычном для XI—XII вв. способе написания этой буквы в три приема пришлось бы перечеркнуть среднюю черту. Несмотря на эту особенность, буква Ж вполне симметрична и находит близкие аналогии в начертаниях Остромирова евангелия¹⁸⁸.

Все четыре надписи выполнены одинаковыми крупными буквами, неподдалеку одна от другой, почти на самом верху лестничной башни, где другие надписи уже отсутствуют. Очевидно, они представляют собой единый комплекс надписей, хотя выполнены и не совсем одновременно (автограф Крола — в процессе строительства, а три остальные — уже после того, как затвердела штукатурка). Надпись Крола дает точную дату этому комплексу, а анонимная запись о начале строительства дополняется тремя именами, начертанными поблизости.

Краткость надписей не позволяет строить достоверных предположений о роли, которую их авторы играли в строительстве собора. Они могли быть как простыми каменщиками или кровельщиками, так и архитекторами. Но эти заметные надписи, оставленные для обозрения на стенах лестничной башни собора, склоняют к мысли, что их авторы играли не последнюю роль в его строительстве.

На стенах собора имеются и сделанные строителями в процессе строительства рабочие пометки. Одна из них (*надпись № 33*) прочерчена по сырому цемяночному раствору на стене алтарной абсиды. Это крупная буква Я, начерченная над горизонтальной чертой. Г. М. Штендер, обнаруживший эту букву, высказал предположение, что она должна означать цифру 1, хотя титло над ней отсутствует. Эта рабочая пометка скорее всего означает отсчет по вертикали первой сажени при возведении стен¹⁸⁹, подобно этой же букве на нижнем венце сруба из археологических раскопок в Новгороде¹⁹⁰.

На притолоке лестницы, при выходе в барабан лестничной башни, находится еще одна надпись, начерченная в процессе строительства по сырой цемяночной затирке (*надпись № 34*, рис. 29). Рядом с неясным крестообразным рисунком, также нанесенным на сырую цемянку, начерчены две буквы: ЯП. Самой техникой выполнения буквы датируются эпохой строительства собора — 1045—1050 гг. Неясно, что они обозначают. Возможно, как и предыдущая надпись, буквы являются строительной пометкой, обозначающей «высотные размеры при строительстве»¹⁹¹. Буквы ЯП действительно имеют числовое значение и в таком случае должны обозначать 81. Такому предположению противоречит не только отсутствие титла, но и порядок букв (единицы, десятки), в то время как в памятниках русского письма

обычный порядок (десятки+единицы) нарушался только для единиц второго десятка, соответственно русскому произношению¹⁷². Но Е. Ф. Карский называет некоторые памятники (Евангелие 1401 г., полууставный сборник XV в.), где в обозначениях дат единицы нередко предшествуют и другим десяткам. «Особенно обычно подобное употребление в западнорусских договорах, где, вероятно, единицы (как и в польском) ставились перед 20, 30 и т. д.»¹⁷³ Поэтому не исключено, что и в надписи № 34 мы имеем дело с особым порядком букв-цифр. Титло в рабочей пометке могло быть и опущено.

Хотя назначение этих пометок для нас сейчас не вполне ясно, их наличие — свидетельство грамотности строителей собора.

Но если авторами их могли быть как архитекторы, так и каменщики, то рисунок с надписью № 35, сохранившийся на стене придела Иоанна Богослова¹⁷⁴, позволяет предполагать в его авторе архитектора (рис. 30).

Рисунок процарапан по розовой цемяночной штукатурке и представляет собой изображение храма (трехглавого или пятиглавого), увенчанного крестами на каждой главе. Над рисунком храма — надпись, разделенная крестом центральной главы: ПЄ|ТРЪ; она составляет с рисунком единое композиционное целое. Рисунок, очевидно изображающий храм Софии, резко отличается от обычных примитивных рисунков, довольно часто встречающихся среди граффити этого собора. Он напоминает современный чертеж Софийского собора в разрезе. По всей вероятности, София изображена с западного фасада, со стороны которого пятиглавый храм вместе с шестой главой, венчающей лестничную башню, в проекции кажется трехглавым. Можно различить западный портал и мощные лопатки, разделяющие фасад, центральное членение завершается сводом-закомарой. Г. М. Штендер считает горизонтальные линии на барабанах глав изображением декоративной отделки красными полосами, следы которой были им обнаружены в натуре¹⁷⁵.

Профессиональность этого рисунка говорит в пользу предположения, что его автор Петр был зодчим, архитектором.

Для палеографической датировки надписи данных недостаточно. Но так как граффити № 35 процарапано по первоначальной цемяночной штукатурке, которая в 1109—1112 гг. была закрыта фресковой росписью, его можно датировать 1050—1109 (12) гг. Исследования М. К. Каргера показали, что не позже конца XI в. были заложены проемы в южной галерее, в результате чего открытая галерея превратилась в закрытую паперть¹⁷⁶. Косвенным доказательством того, что перед росписью собора в начале XII в. были предприняты некоторые ремонтно-строительные работы, является наличие голосника с подписью художника Стефана, заложенного в своды собора. Логично было бы и работы по закладке проемов в Мартирьевской паперти отнести к этому же времени, предшествующему росписи собора.

В таком случае автограф-рисунок Петра мог быть оставлен прославленным новгородским зодчим Петром, построившим в 1118 г. Георгиевский собор в Юрьевском монастыре близ Новгорода¹⁷⁷.

В результате архитектурно-исторических исследований постепенно выясняется творческий путь этого мастера. Раскопки храма на Городище, проводившиеся под руководством М. К. Каргера, выяснили, что этот храм, построенный в 1103 г., можно достоверно связывать с творчеством Петра, точно так же как и храм Николы на Ярославовом дворище, построенный в 1113 г.¹⁷⁸

Таким образом, некоторые перестройки, предпринятые в Софии перед началом росписи в 1108—1112 гг., происходили в то время, когда в Новгороде работал этот зодчий, и можно предположить, что они были поручены этому мастеру. Это предположение можно было бы подкрепить более точной датировкой надписи № 35, что в настоящее время, к сожалению, невозможно.

В свое время было высказано предположение, что собор Рождества Богородицы в Антониевом монастыре Новгорода был тоже построен Петром, предполагалось также, что фресковое изображение с подписью-граффити «Петр» на стене лестничной башни этого собора является портретом этого мастера¹⁷⁹. Для решения этого вопроса требуются дополнительные архитектурно-археологические исследования¹⁸⁰. Во всяком случае, почерк подписи при рисунке храма из Софийского собора не обнаруживает сходства с надписью при фресковом изображении Петра из собора Рождества Богородицы. Но это обстоятельство еще не говорит о том, что в этих двух надписях упоминаются разные лица. На примере надписей Стефана можно видеть, как значительно могут отличаться начертания букв надписей, оставленных одним человеком. Кроме того, граффити из собора Рождества Богородицы могло быть сделано и не самим Петром. Поэтому окончательное решение вопроса, какому архитектору Петру — уже известному нам зодчему начала XII в., или еще одному Петру, строившему или достраивавшему Софийский собор в период от 1050 до 1108 г., принадлежит надпись № 35, могут дать только дальнейшие архитектурно-археологические работы и новый эпиграфический материал.

Таким образом, изучение надписей на стенах Софийского собора дает чрезвычайно ценный материал о художниках и зодчих, работавших в разное время над его постройкой и росписью. Особенности эпиграфического материала, краткость, плохая сохранность некоторых надписей делают многие выводы пока лишь предположительными. Например, чтобы решить вопросы о национальности художников, об авторстве отдельных фресковых росписей, необходимы дальнейшие комплексные исследования историков искусства, реставраторов, специалистов по эпиграфике.

Как и большинство известных нам древнейших надписей мастеров-ювелиров на предметах искусства, надписи на стенах представляли обычную для того времени молитвенную формулу: «господи, помоги рабу своему» или просто «писал имярек». Такие молитвенные формулы часто заменяли авторские подписи мастерам-ювелирам и довольно широко известны по эпиграфическим памятникам: таковы подписи новгородских мастеров-ювелиров Братилы и Косты на серебряных крестиках (начало XII в.), надпись мастера Константина на бронзовых арках из Вщижа, подпись

ювелира Лазаря Богши на кресте Евфросинии Полоцкой и т. д.¹⁸¹ Такую же форму часто имеют и записи переписчиков книг об окончании работы над рукописью¹⁸².

Подписи художников и строителей из Софийского собора в Новгороде в большинстве своем ничем от них не отличаются: это те же молитвенные формулы с указанием имени, а иногда короткое «писал имярек» или просто изображение креста, как кресты Олисея. Поскольку одна и та же формула имела значение и молитвенной записи, и подписи, трудно сказать, были ли подписями в современном смысле слова хотя бы некоторые из автографов художников. Очевидно, более подробные ктиторские надписи с упоминанием имени художника или зодчего, известные нам в основном по более позднему времени, восходят к таким кратким надписям на стенах церквей или произведениях искусства. Иногда такие ктиторские надписи существовали довольно долго и в некоторых случаях, как надпись мастера Петра, строившего Георгиевский собор, или надпись с упоминанием Феофана Грека, расписывавшего церковь Спаса на Ильинке в Новгороде, послужили источником для летописных записей более позднего времени¹⁸³. Среди бесчисленных надписей-граффити на стенах церквей, очевидно, немало подписей оставлено художниками и строителями, имена которых хорошо были известны современникам, но только внимательный анализ этих надписей, определенные дополнительные данные позволяют нам иногда выделить из этой массы безвестных имен имена строителей и художников, строивших и украшавших живописью эти храмы.

3

НАДПИСИ
С АРХИТЕКТУРНО-СТРАТИГРАФИЧЕСКОЙ ДАТОЙ
1050—1108 (12) гг.

В этом разделе рассматриваются надписи, обнаруженные на первоначальной штукатурке столбов и стен в центральном помещении храма Софии и его приделах. Так как эти помещения были расписаны в 1109—1112 гг., все надписи, процарапанные по цемяночной штукатурке, должны датироваться до этого времени. Для удобства изложения надписи сгруппированы по их местонахождению.

ПРИДЕЛ ИОАННА БОГОСЛОВА. Выше уже говорилось о снятом со стены этого придела фрагменте штукатурки, который находится сейчас в экспозиции Новгородского историко-художественного музея. Помимо рисунка храма с подписью Петра на этом фрагменте имеются еще несколько надписей.

Надпись № 36 (рис. 31) расположена несколько левее рисунка храма и представляет собой глубоко врезаемое изображение креста с надпи-

сю ПЕТР[Ъ]. Рядом сохранились два рисунка, изображающие бегущего оленя и терзающего его зверя (барса?).

Несколько ниже надписи № 36 процарапаны еще два слова (*надпись* № 37, рис. 31).

ТЕОРИТЯ
СВОИТИ

Возможно, эта надпись представляет собой имя с прозвищем. Имя Своята неизвестно, но в источниках XVI—XVII вв. неоднократно встречено имя Своитин¹⁸⁴. «Творята» могло означать и имя собственное (с XI в. известно имя Творимир)¹⁸⁵, и прозвище от глагола «творить», значение которого было очень широко: «делать, строить, создавать» и т. д.¹⁸⁶

Надпись № 38 прочерчена еле видимыми буквами под рисунком бегущего оленя и состоит из одного слова: СВОИТИ, что, очевидно, должно означать то же имя, что и в предыдущей надписи. Если эта надпись имеет отношение к рисунку, то, очевидно, и рисунок должен быть начерчен Своятой (рис. 32).

Правее рисунка храма процарапаны два четырехконечных креста, между ними короткая *надпись* № 39 (рис. 33):

ПЕТРЪ
ПЪСИ
ЛЪ

ниже одно слово ЛЖИ (*надпись* № 40) и далее снова ТЕОРИТ(Я) (*надпись* № 41). Над этой группой надписей еще одно слово: ТРОУДЖ

Троудж

Надпись 42

(*надпись* № 42). Не совсем ясно, что оно должно означать. Слово «труд» в древнерусских источниках употреблялось не только в современном смысле, но и в значении: «страдание, болезнь, грех»¹⁸⁷.

Еще раз слово СВОИТИ — несколько правее (*надпись* № 43, рис. 34), рядом имеется еще одна надпись: (ПЕ)ТРЪ ТЕОРИЯ (*надпись* № 44, рис. 35). Хотя начало надписи повреждено, ее можно понять как «Петре творил» или «Петре Творята». ТЕОРИЯ(ТЯ)? — или недописанное ТЕОРИТИ, или причастие настоящего времени от глагола «творить». Эта форма первоначально не имела значения дееспричастия¹⁸⁸ и поэтому должна переводиться «творящий», т. е. по смыслу означать то же, что и прозвище «Творята». Но может быть, что буквы ПЕ более мелкого масштаба не относятся к данной надписи. Кроме того, Т вместо Е (ПЕТРЪ) маловероятно для этого времени. Возможно и чтение «ПРЪТЕОРИЯ» — от слова ПРЪТЕО-

РЕННЕ — «чародейство, колдовство»¹⁸⁹. Плохая сохранность надписи не позволяет настаивать ни на первом, ни на втором варианте чтения надписи № 44.

Эти надписи слишком кратки для палеографических наблюдений, но можно в некоторых из них отметить следующие особенности, подтверждающие датировку этих надписей не позже 1109—1112 гг. Это Ж в надписях № 40 и № 42, Т (?) , целиком уместающееся в строке в надписи № 44, сохранение слабого редуцированного в слове ПЪСАМЪ в надписи № 39.

Нет данных считать, что все эти короткие надписи с именем Петра сделаны тем же зодчим Петром, каким выполнен и рисунок храма, так как начертания букв этих надписей и рисунки крестов достаточно разнообразны и обнаруживают мало сходства с автографом при изображении храма. Но можно отметить одну закономерность: слова ТВОРА, ТВОРАТИ, ТВОРИТА повторяются неоднократно на этом небольшом фрагменте штукатурки в сочетании с именем Своята и, возможно, Петр. Так как имена Творята и Своята языческие, можно предположить, что ТКОРАТИ имеет здесь значение не имени собственного, а прозвища по профессии, т. е. должно означать каменщика, строителя. Если такое предположение правомерно, то, возможно, и надпись¹⁹⁰, оттиснутую на еще сырых кирпичах из Старой Рязани: ЯКОВЪ ТК, которую обычно переводят как «Яков-творил», тоже можно перевести и как «Яков Творята», т. е. Яков-каменщик, строитель.

В таком случае присутствие надписей строителей рядом с автографом зодчего-архитектора вполне понятно. Однако фрагментарность надписей и отсутствие дополнительных данных пока не позволяют даже предположительно включить эти надписи в раздел, посвященный надписям строителей.

На этом же фрагменте штукатурки находятся еще две надписи (надпись № 45, рис. 36): ТН ПОМОЗН РЯБЖ СВОЕ... (господи, помози рабу своему). Конец надписи с именем не сохранился. Из палеографических особенностей надписи можно отметить Н с горизонтальной перекладиной, Б с равновеликими верхней и нижней частями, что является принадлежностью древнейших памятников¹⁹¹. Не позже первой половины XII в. датирует надпись наличие Ж, заменяющего собой ОЖ. Интересно Р с головкой в виде прямоугольного треугольника, примыкающего прямым углом к верхней части мачты. Аналогичное начертание Р встречено в надписях Сежира и Гаги, Сежира (№ 19, 22) середины XI в. В данной надписи оно отличается тем, что вертикальная линия этой буквы уже выходит за нижний уровень строки, в то время как в перечисленных надписях середины XI в. она целиком уместается в строке. По-видимому, и эта форма указывает на древность надписи.

Надпись № 46, рис. 37:

ПОМОЗН РЯБЖ СВОЕ...

(СВ)ОДОРЪ ПЪСАМЪ

(Помози рабу своему. Феодор писал). Конец последнего слова первой строки не дописан, но восстановить его не представляет никакого труда.

В имени Феодор восстановлены по смыслу первые две буквы, плохо читаемые в натуре ¹⁹². И в этой надписи вместо ОѢ написан Ж, что, так же как геометрические петли Ъ, сохранение слабого редуцированного в слове «писал», датирует надпись XI — началом XII в. и подтверждает архитектурно-стратиграфическую дату.

Надпись № 47 (рис. 38). Находится несколькими сантиметрами ниже и левее предыдущего автографа. Сохранилась плохо, но имеется фото клише, где эта надпись читается отчетливо ¹⁹³.

СМОЛКО НННЪ

КНННУЪ

Это имя и отчество — Смолко Нинкиничъ. Имя Смолко известно по русским источникам с XV—XVI вв. ¹⁹⁴ В. Ташицкий приводит имена Nines, Ninogniew, Ninomysle, Ninot ¹⁹⁵. Очевидно, отчество Смолки образовано от имени Нинъко, сходного с ними.

Перекладина Н горизонтальна, Н в одном случае имеет древнюю форму (XI—XII вв.) — перекладина доходит до конца правой мачты, в двух других имеет форму, ставшую типичной позднее: перекладина доходит до середины правой мачты. Ъ с округлой петлей, Ъ в первой строке имеет треугольную петлю, во второй — округлую и мачту, перпендикулярную уровню строки. На фотографии надписи У имеет вместо округлой чашечки, типичной для устава XI—XII вв., круг ¹⁹⁶. Такая форма в других письменных источниках исследователями не отмечается. Скорее всего это ошибка, допущенная при ретушировании фотографии.

Надпись № 48 (рис. 39). К настоящему времени не сохранилась. Среди фото клише к рукописи И. А. Шляпкина находится и фотография этой надписи ¹⁹⁷. На кальке из архива В. В. Суслова эта надпись изображена несколько левее и выше граффити № 36 ¹⁹⁸. Это лишь начало надписи: ГН ПОМО (господи, помози) и три буквы Г в орнаментальном решении (буквицы), начерченные ниже.

На этом же участке стены находился еще один фрагмент надписи № 49 ¹⁹⁹, в настоящее время утраченный (рис. 40):

В ВѢРѢ БѢ

НГО

НГО — «верно» ²⁰⁰: «В вере бог поистине».

В предлоге пропущен Ъ, перекладина Ъ оба раза лежит на уровне строки, Н с горизонтальной перекладиной, расположенной несколько выше середины буквы.

ГРАФФИТИ НА ОДНОМ ИЗ КРЕСЧАТЫХ СТОЛБОВ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПОМЕЩЕНИИ ХРАМА. В архиве И. А. Шляпкина сохранился негатив фотографии ²⁰¹, по всей видимости, одной из граней крестчатого столба, по цемяночной штукатурке которого процарапано несколько надписей. Об одной из них — автографе художника Стефана уже говорилось (надпись № 11). Заслуживают внимания и другие граффити. Все они появи-

лись, если судить по их местоположению, до росписи собора в 1109—1112 гг.

Надпись № 50 (см. рис. 9) находится рядом с автографом Стефана и представляет собой профессионально выполненный рисунок креста и начало надписи:

ДЯ(Н)ННО(М)
МН

Отрывочность надписи затрудняет ее объяснение, но легко заметить, что этот фрагмент сопоставляется с нерасшифрованной частью надписи Георгия: НННОМНГН. Очевидно, расшифровку этой надписи надо искать в расшифровке автографа Георгия, хотя нужно отметить, что и рисунок креста, и начертания букв отличаются от этого автографа, что может быть объяснено и разной техникой выполнения надписей.

Несколько выше и правее, у самого края грани столба, находится *надпись № 51* (рис. 10). От нее сохранилось лишь начало трех строк. Не исключено, что надпись продолжалась на смежной грани крестчатого столба, которая не видна на фотографии.

ІЗЪ НАУА[ХЪ]
ДЪ—СА...
ГО...

Из всей надписи можно восстановить лишь начало: ІЗЪ НАУА[ХЪ] (Я начал. . .). Сопоставляя эту надпись с предыдущими, можно предположить, что речь идет о начале росписи Софии. По размерам букв, расстоянию между ними и их форме эта надпись не может принадлежать Стефану и больше напоминает граффити № 50. Из датирующих признаков нужно отметить Ъ, целиком уменьшающееся в строке. Характерно З с коротким хвостом, начинающимся в нижней трети буквы. Некоторые аналогии этому начертанию имеются в надписях на свитках при изображениях пророков в куполе Софии Новгородской (но начертания остальных букв граффити № 50 сильно отличаются от букв надписей на свитках).

Надпись № 52 (рис. 9) процарапана рядом с рисунком шестиконечного креста, нижняя часть которого заканчивается сложным растительным орнаментом. По сторонам креста — монограммы ІГ̃ ХГ̃. Ъ в них отсутствует. Надпись расположена правее и несколько выше рисунка:

НІАНЪ ПЪСАЛЪ
ГР(Ъ)ШЪ[Н]ЪІ(Н)
ЖБОГЪІН

(Иван писал, грешный, убогий).

Геометрические петли Ъ, ЪІ, сохранение слабого редуцированного в словах «псал» и «грешный», Ж вместо ОЖ подтверждают датировку надписи, которая следует из ее местоположения. Обращает внимание рисунок креста. Если надпись и рисунок выполнены одним человеком, то

можно предположить, что он также был художником. Но Иван, оставивший надпись № 52, не мог быть Сежиром (Иоанном). Почерк Ивана отличен и от почерка автографов Сежира, и от почерка, которым прочерчена надпись Гаги и Сежира (№ 19, 21, 22). Для положительного ответа на вопрос о профессии людей, оставивших этот комплекс надписей, данных недостаточно. Из всех четырех надписей только одна — автограф Стефана — безусловно принадлежит художнику.

СЕВЕРНЫЙ АЛТАРНЫЙ СТОЛБ. *Надпись № 53* находится на южной лопатке этого столба, на 60 см ниже уровня современного пола (рис. 41):

НН
НЪ ПЪ
ЛЪ ГЯ

(Иван писал). Она коротка, но можно отметить следующие палеографические особенности. Перекладина Н несколько наклонна, очевидно из-за небрежности почерка. По этой же причине, надо полагать, перекладина Н не доходит до нижнего края правой черты, так как вертикальные штрихи этой буквы прочерчены на разном уровне. Я с остроугольной головкой, равновеликой наклонной правой чертой, что находит аналогии в некоторых граффити киевского Софийского собора второй половины XI в.²⁰² Архаично Б с равновеликой верхней и нижней половиной, которые представляют два треугольника. В начертаниях Ъ допущено разнообразие. В одном случае эта буква имеет четкую треугольную петлю, доходящую до середины мачты, в двух других нижняя часть ее изображена ломаной линией из-за трудности письма по сухой штукатурке. Но во всех трех случаях мачта сильно наклонена вправо и верхняя линия петли начинается от середины мачты, что заставляет видеть в начертаниях этой буквы признаки устава древнейшего времени²⁰³. Слабый Ъ в слове «писал» передан через Ъ. Таким образом, надпись № 53 может датироваться второй половиной XI в.

Ранее надписи № 53 мелкими буквами была прочерчена следующая (*надпись № 54*, рис. 41):

ВЪЦЬСАЯ
ВЪ ПЬСАЯ(Ъ)

(Вячеслав писал). В слове «писал» сохранился слабый редуцированный Ъ, вместо У в соответствии с новгородским произношением написано Ц, что является одним из самых ранних примеров новгородского «цокания».

Надпись № 55 (рис. 42) написана под двумя предыдущими и обведена рамкой:

МНКОХЛ
НЪСАЯЪ

(Микула писал). Микула — производная форма от имени Николай, особенно характерная для новгородской земли²⁰⁴. Слабый Ъ передан через Ъ. Петли Ъ геометричны. Архаично начертание Я: в первом случае с маленькой остроугольной головкой, примыкающей к вершине длинной наклон-

ной правой черты; во втором начертании остроугольная головка примыкает к середине наклонной правой палочки. Первая форма известна по древнейшим южнославянским памятникам, в русских датированных рукописях второй половины XI в. она уже не встречается²⁰⁵. Вторая находит аналогии в начертаниях этой буквы на древнейших монетах²⁰⁶ и в подписи Анны Ярославны²⁰⁷. Это обстоятельство позволяет датировать надпись приблизительно серединой XI в.

На западной грани западной лопатки северного алтарного столба пропарапана еще одна надпись № 56 (рис. 43), содержащая одно слово: ЛЖКЛ. Ж датирует это граффити не позже первой половины XII в.

На восточной грани восточной лопатки этого же столба также находится несколько надписей, процарапанных по первоначальной штукатурке. Надпись № 57 расположена на 30 см ниже уровня современного пола: ЄЛЄНН. Несколько ниже — ПЄТРЪ или ПЄТРЪ (надпись № 58). Очевидно, эти две надписи должны означать сокращенный вариант молитвы о Елене и Петре. Для палеографических наблюдений материала этих надписей недостаточно. Но останавливает внимание Л с высокой правой частью, характерное для некоторых памятников XI в.²⁰⁸

На 65 см ниже современного пола прочерчена надпись № 59 (рис. 44):

ГН ПОМОЗИ РАБОУ Є
БОЄМОУ НЕЖАТЪ НЕЛ
ННУОУ

«Господи, помози рабу своему Нежате Иваничу). Имя Нежата известно в древнерусских источниках (см. комментарий к надписи № 31). И в этом граффити оно написано через Ё. Нежата правильно употребляет У. Оба раза Ё умещается в строке, а коромысло этой буквы лежит несколько ниже уровня строки. Ж симметричное, так называемого «звездообразного типа» — из трех перекрещивающихся палочек, что тоже характерно для XI в.²⁰⁹ Нежата указал свое отчество, что заставляет думать о нем как о знатном человеке. Но ни по летописям, ни по другим письменным источникам Нежата Иванич, живший во второй половине XI в., неизвестен.

Надпись № 60 известна только по фотографии клише²¹⁰. В перечне надписей И. А. Шляпкина обозначена № 79, указано и ее местонахождение: в раскопе у 11-го столба, что на плане И. А. Шляпкина соответствует северо-восточному алтарному столбу²¹¹. Состоит из двух строк (рис. 45):

БЪГЪ(Ш)Л
ГРЪШЪН(Ъ)Н

Имя читается отчетливо — Богша. В начале второй строки неясные знаки, в слове ГРЪШЪНЪН от Ё сохранилась лишь левая часть с соединительной перекладиной, конечная буква отсутствует. На клише в этом слове читается Ш с хвостом, являющимся продолжением левой черты. Трудно определить, случайна эта черта или нет. Так как эта буква находится выше линии строки, не исключено, что и в оригинале надписи было изо-

бражено **Щ** (Щ). Имя **БОГШИ** известно и по другим источникам. В Новгородской Первой летописи под 6732 (1224 г.) упоминается рупанин (житель Старой Руся) Богъша, убитый в сражении с литовцами²¹². Богшей звали мастера-ювелира, создавшего крест Евфросинии Полоцкой (1161 г.)²¹³. В граффити, очевидно, сохранена более архаичная форма со слабым **Ъ**. Почерк надписи архаичен, петли **Ъ** и **Ш** строго геометричны, **Ъ** целиком умещается в строке, **Р** имеет прямоугольную головку, но мачта его несколько выходит в нижнее межстрочное пространство.

На том же клише несколько ниже предыдущей надписи читается еще одна, прочерченная другим почерком (надпись № 61, рис. 45): **ДЪМНТРЪ** (Дмитр — от Дмитрий). Вторая строка надписи нечитаема. И это граффити отличается «геометрическим» стилем письма.

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАРНЫЙ СТОЛБ. Вся поверхность этого столба покрыта многочисленными надписями, нередко перекрывающими одна другую, отдельными буквами, рисунками крестов. Цемяночная штукатурка в очень плохом состоянии: покрыта выбоинами, трещинами, местами совсем утрачена. Поверх нее сохранился фрагмент живописи 1109—1112 гг. О глаголических надписях, найденных на этом столбе, уже говорилось выше. Кроме того, удалось прочесть следующие надписи.

Надпись № 62 (рис. 46) прочерчена очень тонкими, едва заметными линиями на восточной грани южной лопатки столба, на 15 см ниже уровня современного пола:

**Г̃(Н) ПОМОЗИ РАБѢ СВОЕМ(Ж)
ФЕОДОРѢ ГРѢШНѢ
МЖ АМННЪ**

(Господи, помози рабу своему Феодору грешному. Аминь). В надписи пять раз употреблен **Ж** вместо **ОЖ**. Петли **Ъ** и **Ѣ** геометричны, но коромысло **Ѣ** уже лежит на уровне строки, что возможно и в XI в., но типично для XII в. Буква **Н** имеет несколько укороченную перекладину, не достигающую до нижнего уровня правой черты. Это начертание также может встречаться и в XI в., но преобладает в более позднее время²¹⁴.

Надпись № 63 (рис. 47) находится на той же грани юго-восточного столба (на 60 см ниже современного пола):

**Г̃Н ПОМ(О)ЗИ
РАБОУ СВОЕМОУ
ЛАЗОРЕН**

(Господи, помози рабу своему Лазореви). **П** остроугольной головкой и наклонной правой чертой, перекладина **Н** горизонтальна и расположена посередине буквы. Обращает внимание **М** с прямыми мачтами, широкими плечами и закруглением посередине. По наблюдениям А. В. Арциховского, такое **М** характерно для берестяных грамот и рукописей второй по-

ловины XIII—первой половины XIV в.²¹⁶ Присутствие этой формы в надписи № 63 говорит о том, что она может встречаться и в более раннее время.

Еще ниже (приблизительно на уровне 95 см от современного пола) видны остатки следующей надписи № 64 (рис. 48):

О ГН ВЪ
ЗЪРН М(М)

Надпись, очевидно, означает: «О господи, возри на меня». Нужно отметить сохранение сильного Ъ и слабого Ь, обозначенного через Ъ, в слове «воззри». Петли Ъ геометричны, Р с маленькой круглой головкой, примыкающей к прямой палочке, что является признаком XI в.²¹⁶

Надпись № 65 (рис. 49) прочерчена на глубине 40 см от современного пола на южной грани восточной лопатки. Надпись повреждена выбоиной и царапинами штукатурки.

[П](Л)Ъ КОШЖ
ВНА(НЦ)
УСТЕРЬ
ТЖ* НЕДЪЛЮ
[ПО В]ЪЗДЕНЖ
Н(Н)

Хотя надпись сильно повреждена, смысл ее в общих чертах все же можно восстановить по аналогии с надписями такого же содержания: «Писал (?) Кошувилец (?) на четвертую неделю по Воздвижении». Имена Кош, Кошута известны по более поздним источникам (с XVI в.)²¹⁷.

Буква Ж в начале третьей строки, очевидно, отношения к надписи не имеет. В надписи этимологически правильно дважды употреблен Ж, но в слове «четвертую» автор надписи ошибся, пропустил ІЖ и дописал вместо него Ж сверху. Болгаризмом является и написание РЪ в этом же слове. Очевидно, писец был знаком со старославянскими письменными памятниками. Ж имеет симметричную форму и начерчено в три приема, что является признаком XI—XII вв.; буква Ъ уже несколько возвышается над уровнем строки, а ее коромысло находится приблизительно на этом уровне. Плохое состояние надписи не дает возможности различать Ь и Ъ, но, очевидно, эти глухие еще не исчезли из речи ее автора.

Надпись № 66 (рис. 50). На уровне 48 см ниже современного пола прочерчен примитивный рисунок трехкупольной или пятикупольной церкви (изображение Софии?), внутри которого имеется подпись:

КО(У)
ЛОТЪ
КЛ ПЪ
САЛЪ

(Кулотка писал). Имя Кулотка известно по берестяным грамотам. Грамота № 105, дендрохронологически датированная серединой XII в., адресована

Кудотке²¹⁸. И в грамоте, и в граффити после Т в имени написан Ъ, в слове «писал» в граффити сохранен Ъ.

Надпись № 67 (рис. 51) находится несколько правее предыдущей на той же стороне крестчатого столба, на уровне 45 см ниже современного пола. Надпись сильно повреждена выбоинами и царапинами в штукатурке. Кроме того, поверх нее было нацарапано несколько рисунков.

(П)О(М)АНИ ГН
ПОМ[А]НЬ]МЬ МО...
[П]РЯВЪДЪННКО...
(Х)ВЛАНТЬ · ЪІ ·
СТ—ШЪД(Ъ)ЩН...
ВЛАХЕ

Первая строка читается полностью: «помяни, господи»; во второй строке очевидно: «помянем в молитвах»; далее читается «справедников(?)»; в четвертой строке написано ХВЛАНТЬ · ЪІ ·. В начале пятой строки можно разобрать сначала СТ, затем ШЪДЪЩН — очевидно, причастие прошедшего времени от глагола «идти»²¹⁹. В шестой строке ясно читается ВЛАХЕ. Это слово и дает ключ к толкованию всей надписи.

«Влахе» может означать ВЛАХЕРНЬ — Влахернский квартал в Константинополе, где находилась церковь Богородицы Влахернской. Эта церковь была широко известна на Руси, неоднократно упоминается она в Печерском патерике в связи с легендой о строительстве киевского Успенского собора (освящен в 1089 г.). По этой легенде, зодчие и художники были чудесным образом вызваны ангелом в церковь, где Влахернская богородица повелела им построить и украсить церковь ее имени в далеком Киево-Печерском монастыре и водрузить там ее икону²²⁰. В. Н. Лазарев признает в этом рассказе реальное историческое ядро, несмотря на явную грекофильскую тенденцию этой легенды²²¹. Во всяком случае ясно, что церковь Богородицы Влахернской пользовалась особым почитанием среди киево-печерских монахов.

Плохая сохранность надписи не позволяет дать дословный перевод, но содержание ее ясно. В ней, очевидно, содержится просьба помянуть 12 праведников (странников), ушедших к церкви Влахернской Богородицы в Константинополь.

Как известно, паломничество «ко святым местам» — Иордану, Генисаретскому озеру, в Иерусалим — было чрезвычайно распространено на Руси. Особенно много свидетельств о путешествии в Иерусалим, «ко гробу господню», сохранилось в новгородских летописях и других литературных источниках. Литература о паломничестве насчитывает десятки названий²²². Широко известно путешествие к «святым местам» игумена Даниила, оставившего подробное и красочное описание своего путешествия²²³. Все паломники по пути в Иерусалим посещали и Константинополь, где известная церковь Влахернской Богородицы также представляла для них

несомненный интерес. Константинополь посещал и игумен Даниил, в Константинополь и Иерусалим совершал паломничество инок Печерского монастыря Варлаам²²⁴.

Иногда церковники вынуждены были запрещать паломничество. Сведения об этом имеются в «вопрошаниях» новгородских попов Кирика и Илии к архиепископу Нифонту (1130—1156 гг.). Кирик спрашивал у новгородского архиепископа, нет ли греха в том, что он запрещает своим прихожанам идти в Иерусалим, на что получил полное одобрение Нифонта: «Вельми... добро твориши»²²⁵.

Паломничество могли совершать преимущественно люди состоятельные. Судя по данным былии и летописей, для этого нередко сколачивались дружины паломников, достигавшие иногда нескольких десятков человек²²⁶. Такая дружина давала обет (роту) и, очевидно, должна была получить благословение духовного наставника. Поп Илия запретил идти в Иерусалим какой-то дружине, уже давшей в этом обет. «Ходили бяху к роте, хотяче в Иерусали. Повеле ми опытемыю дати: та бо, рече, рота губить землю сию»²²⁷.

Очевидно, 12 праведников, о которых идет речь в надписи № 67, были такой дружиной паломников. Неизвестно, была ли церковь Влахернской Богородицы единственной целью паломничества или только промежуточным этапом на пути в Иерусалим. Содержание надписи говорит о том, что она была начерчена в отсутствие паломников каким-либо из доброжелателей этого опасного и длительного путешествия.

Из палеографических особенностей надписи следует отметить геометрические петли Ъ, Н с горизонтальной перекладиной, Н с перекладиной, доходящей до низа правой мачты. Слабые и сильные редуцированные сохраняются.

Надпись № 68 нацарапана на 65 см ниже уровня современного пола (рис. 52):

МѢСѢА ПРОЪ...

ЛЮХІ М—К...

Можно прочесть лишь имя «Местята» с необычными лигатурами Ѧ (Т + Ѧ) и Ѧ (Т + Ѧ). Сохранилась еще одна надпись лучшей сохранности, начерченная тем же Местятой, на что указывает наличие тех же необычных лигатур в имени (см. надпись № 87).

Надпись № 69 и 70. Это две надписи одинакового содержания, но разной орфографии (рис. 53 и 54):

КОУННРОНН (№ 69)

КЮННРОНН (№ 70)

Не ясно, что они означают. Возможно, разгадку их следует искать в карельском языке.

Надпись № 71. В настоящее время утрачена. Сохранился отпечаток клише этой надписи²²⁸. Шлякин указывает ее местонахождение «у 1 столба», что соответствует юго-восточному алтарному столбу²²⁹. Надпись состоит

из одного слова **ОУДИРЬ**, что означает «орарь» — часть дьяконского облачения²³⁰ (рис. 55).

Надпись № 72 (рис. 56) находится на уровне 50 см ниже современного пола, выполнена крупными, глубоко врезанными буквами: **ПЕТРИЛО П** **ПЪЛЪ** (Петрило писал). Петли **Ъ** геометричны, перекидана **Н** горизонтальна; **П** типично для надписей-граффити, имеет вертикальный стебель, который оканчивается вверху почти на одном уровне с боковыми наклонными чертами. Такое **П** отличается и от обычного для XI в. крестовидного, и от формы, типичной для XII в., **П** сходного начертания имеется в Остромировом евангелии²³¹.

В речи Петрилы еще, очевидно, не исчезли слабые редуцированные. Этим объясняются колебания в начертании слова «писал»: сначала было начертано **П**, затем повторено **ПЪЛЪ**. Титло в надписи отсутствует. В новгородских летописях известен Петрило Микульчич, бывший посадником в 1131—1134 гг., с именем которого связывается известный серебряный кратир, сделанный мастером Братилой²³². Совпадение имен, а также датировка надписи, которая должна относиться ко времени до 1109 г., не препятствует такому предположению. Но, к сожалению, нет никаких дополнительных данных, которые позволили бы отождествить автора надписи с будущим посадником Петрилой Микульчичем.

Надпись № 73 (рис. 57) находится на той же грани юго-восточного алтарного столба, что и предшествующая, почти у самого пола XI в. (на 96 см ниже уровня современного), выполнена четким, ровным почерком привычного к письму человека:

О ГН ПОМНОУН
ХРЪСТЬАНЪ И ЕРЕТН
К(Н) ПРОКАНН

(О господи, помилуй христиан, а еретиков прокляни!). Четкий, геометрический устав надписи, сохранение слабых и сильных редуцированных датируют граффити XI—первой половиной XII в. Аналогичную дату дает начертание **А** с остроугольной головкой и несколько более длинной, чем обычно, наклонной правой чертой²³³. К сожалению, эта характерная буква встречена в надписи только один раз. Но местоположение надписи позволяет уточнить ее хронологические границы — 1050—1109/12 гг.

В слове **ХРЪСТЬАНЪ** в корне написан **Ъ**, хотя этимологически здесь должен быть **Н**. Возможно, это «болгаризм», так как в старославянском языке известно написание этого слова и с **Ъ**²³⁴, но **А** вместо **И** в суффиксе выдает русского автора. Аналогичное написание этого слова, но с **Н** вместо **Ъ** встречается в «Изборнике» Святослава 1076 г.: **ХРЪСТЬАНЪ БЪ**²³⁵. **Н** также необходимо для древнерусских памятников этого времени, но довольно часто встречается в южнославянских (Супрасльская рукопись, Саввина книга, листики Ундольского); в древнерусских рукописях такое написание известно в «Изборниках» 1073 и 1076 гг.²³⁶

Содержание надписи — просьба помиловать христиан и проклясть еретиков — необычно для эпиграфических памятников.

Слово «ересь», «еретик» в древнерусских текстах употреблялось не только в обычном смысле отклонения от догматов христианской церкви, но и для характеристики всякого заблуждения в отношении религии или правил нравственности. В том числе «ересью» нередко назывались языческие обычаи и представления²³⁷.

Как говорилось выше, надпись № 73 относится ко второй половине XI в.—рубежу XI—XII вв., т. е. к эпохе обострившихся классовых противоречий и народных восстаний, происходивших во многих местах древней Руси под предводительством языческих жрецов-волхвов²³⁸.

Сохранился летописный рассказ о восстании в Новгороде, помещенный под 1071 г., но происходивший, как это следует из упоминания о князе Глебе, в 1069—1070 гг.²³⁹ «... Восстал волхв при Глебе в Новгороде, и многы прельсти, мало не всего града. . . и хуля веру христианскую глаголаше бо, яко «Переиду по Волхову пред всеми». И бысть мятежь в граде, а все яша ему веру, и хотяху погубити епископа. Епископ же, взем крест. . . рек «Иже хощет веру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли веруетъ кто, то ко кресту да идетъ»²⁴⁰.

Только вмешательство князя Глеба, зарубившего волхва топором, спасло епископа от расправы, так как к кресту, по свидетельству летописи, «стали князь Глеб и дружина», а «люды вси идоша за волхва».

Возможно, Софийский собор был единственным оплотом христианства во время восстания. В таком случае станет вполне понятно содержание надписи № 73, написанной (судя по ее расположению возле самого пола) на коленях²⁴¹. Эта надпись могла появиться во время восстания или некоторое время спустя, когда в соборе Софии должны были произноситься обличительные проповеди против язычества и отступлений в вере. Она не обязательно предполагала еретиков из духовенства. Это могли быть «люды вси», но связь с событиями 1069—1070 гг. очень вероятна.

Известна еще одна надпись, находившаяся на стене новгородского Софийского собора, в содержании которой отразились теологические споры. Эта запись была опубликована В. Н. Щепкиным в числе других надписей, присланных ему В. В. Сусловым в виде слепков на мастике (см. ниже № 135). Из-за плохой сохранности она была прочтена издателем не совсем верно, смысла ее он не касался. В чтении В. Н. Щепкина эта надпись выглядела так:

ЛѢ БѢСѢ
Н(БО)...Ѧ Р(Я)ЗЕѢД(Р)УД
ѦНН ПОТРАСО
ШѦ ОБЛАДН РЕУЕ Б(Ъ)
ТО СЪТЕОРН
О У

Новое прочтение этой надписи, позволившее установить ее смысл, было сделано Б. А. Рыбаковым:

... АС БѢСѢ
НБО... Н (?) РЯ (?) ЗВѢДРѢ... А
ЗДѠ (?) ... ПОТРАДѠ
ШѠ ОБЛАЦИ РѢУЕ БѢ
ТО СЪТВОРН

Такое прочтение позволило Б. А. Рыбакову увидеть в этой краткой записи отрывки космогонического спора о том, кто управляет небом, кто может его «разведрить» (прояснить), кто может потрясти облака — бес или бог. В последних словах надписи содержится и ответ: «бог то сотворил». Аналогичные споры о том, кто является творцом мира и жизни, христианский бог Саваоф или бес — языческий бог-творец Род, неоднократно являлись темой древнерусских поучений, направленных против остатков языческих верований²⁴².

В. Н. Щепкин это граффити вместе с остальными датировал XI—XII вв. Б. А. Рыбаков относит его к XII в. К сожалению, в графике этой надписи не содержится никаких характерных особенностей, которые позволили бы датировать эту запись космогонического спора XI или XII в.

Начертания букв равно типичны как для XI, так и для XII в. (симметричное У «бокальчиком», петли Ъ, Б, Ы геометричны, коромысло Ъ в обоих случаях лежит близко к верхнему уровню строки, что характерно уже для XII, но встречается и в XI в.²⁴³).

Местоположение надписи неизвестно. Однако, как говорилось выше, сохранилось указание В. Н. Щепкина, что все публикуемые им надписи, как он мог заключить по письмам В. В. Суслова, продаваны по первоначальной штукатурке и находились под современным полом, преимущественно на столбах, иногда на стенах. Более точно выяснить местоположение надписей В. Н. Щепкину не удалось²⁴⁴. Поэтому уточнить дату этой надписи весьма затруднительно. Очевидно, большинство надписей, опубликованных В. Н. Щепкиным, должно датироваться до росписи 1109 г. Содержание надписи — космогонический спор — также заставляет отнести ее ко времени событий 60—70-х годов XI в. Но эта датировка условна. Надписи такого содержания вполне могли появиться и в другое время, на протяжении XI—XII вв.

Было бы ошибкой думать, что христианской церкви на Руси в XI—XII вв. приходилось бороться только с прежней языческой верой. Под «еретиками» в надписи № 73 могли подразумеваться и еретики в прямом смысле — отступники от учения христианской церкви.

Даже официальные историки церкви вынуждены были признать, что отдельные еретические выступления были известны и в домонгольское время²⁴⁵. Речь прежде всего идет о сведениях, сохранившихся в Никоновской летописи, источники которых неизвестны. Под 1004 г. сообщается: «Того же лета митрополит Леонт посади в темницу инок Андреяна скопца;

укоряше бо сей церковные законы и епископы, и презвитеры, и иноки; и по мале исправися и приде в покаяние и в познание истины»²⁴⁶.

Под 1123 г. говорится о другом еретике: «Того же лета пресвещенный Никита митрополит Киевский и всея Руси в своем граде в Синельнице затвори в темнице злаго еретика Дмитра»²⁴⁷.

Относительно этого последнего известия Е. Голубинский пишет, что еретик Дмитр мог быть и не еретиком в собственном смысле слова, а человеком, «тяжко преступным», или волхвом. Скопство инока Андреяна, критика им церковных законов, церковной иерархии и монашества дали основание Е. Е. Голубинскому предположить, что этот еретик был «богомил, пришлый из Болгарии»²⁴⁸. Это заключение вряд ли состоятельно, но у церковного историка были достаточные основания сравнивать ересь Андреяна с богомильской ересью.

Постоянное культурное общение древней Руси с Болгарией должно было привести к проникновению и ереси болгарских богомилов, особенно в среде «книжных людей», имевших возможность читать и богомильскую и антибогомильскую литературу²⁴⁹. Во многих списках известно на Руси «Слово на еретикы» Козьмы Пресвитера. Это произведение было известно и русским еретикам XV в., которые пользовались иногда аргументацией богомилов²⁵⁰. Широкое распространение апокрифической литературы также облегчало проникновение богомильских взглядов.

Имеются и некоторые другие косвенные свидетельства, говорящие о том, что и на Русь проникла богомильская ересь. В некоторых местах летописей и Киево-Печерского патерика отчетливо прослеживаются аскето-богомильские взгляды. Н. М. Никольский, посвятивший этому вопросу специальную работу, объяснял распространение аскетических взглядов, «упадок общественного настроения» деятельностью Киево-Печерского монастыря²⁵¹.

И. У. Будовниц справедливо критикует Н. М. Никольского и некоторых других исследователей за столь идеалистическое объяснение перелома в мировоззрении русского общества и указывает истинную его причину — острые социальные столкновения, потрясшие Киевское государство во второй половине XI в.²⁵² Но вряд ли следует вслед за этим отрицать связь религиозной доктрины Киево-Печерского монастыря с учением богомилов: не только в Киево-Печерском патерике, но и в летописи проповедуются взгляды, сходные с религиозно-этическими взглядами богомилов: ненависть к «миру», отрицание брака, проповедь религиозного значения скопчества, запрет есть мясо и пить вино. Некоторые из этих взглядов «были официально осуждены как богомильские на Фомантском соборе 1143 г.»²⁵³.

Определенную антиеретическую направленность можно усмотреть и в некоторых произведениях монументальной живописи того времени. Система росписи Софии Киевской (середина XI в.) обнаруживает тенденцию к подчеркнутому выделению образа Христа и таинства евхаристии. Это позволяло В. Н. Лазареву предположить, что она была направлена на то, чтобы укрепить у новообращенного в христианство русского народа веру в таинство евхаристии и, с другой стороны, поднять авторитет церков-

ной иерархии, отрицавшейся большинством еретиков²⁵⁴. Продолжая мысль В. Н. Лазарева, можно добавить, что именно богомилы, наиболее распространенная ересь в Болгарии и Византии XI в., отрицали не только церковную организацию и иерархию, но и самую литургию²⁵⁵.

Некоторые летописные статьи, внушающие большее доверие, чем свидетельства Никоновской летописи, также указывают на то, что богомилская ересь была известна на Руси. Здесь имеется в виду известный рассказ о восстании смердов под руководством волхвов на Волге и Шексне и о подавлении этого восстания Яном Вышатичем. Сохранился и богословский спор Яна с волхвами о том, как был сотворен человек: «Они же (волхвы) рекоста: «Бог мывся в мовнице и вспотявся, отерся вехтем и верже с небесе на землю. И распресе сотона с богом, кому в нем сотворити человека. И сотвори дьявол человека, а бог душу в нь вложи. Тем же, аще умрет человек, в землю идет тело, а душа к богу»²⁵⁶.

Уже давно было отмечено, что рассказ волхвов очень близок к космогоническим представлениям богомилов²⁵⁷.

В недавние годы были предприняты попытки объяснить эти явно богомилские взгляды, высказанные волхвами, тем, что учение богомилов нашло распространение среди народных масс. Поэтому и восстания смердов под предводительством волхвов следует рассматривать как одно из еретических движений средневековья, а не как движение, идеологическим знаменем которого являлось язычество²⁵⁸.

Действительно ли космогонические представления волхвов, проповедующих языческую веру, так близко соответствовали взглядам богомилов?

Рассказ волхвов о сотворении человека дошел до нас в пересказе летописца, который в свою очередь услышал его от Яна Вышатича.

Очевидно, что и сам рассказ о сотворении человека дьяволом, о вражде бога и сатаны, о божественной душе и греховности человеческого тела, со смертью которого душа снова возвращается к богу, а тело — в землю, близко соответствующий учению богомилов²⁵⁹, претерпел обработку со стороны летописца. Поэтому мы вправе сомневаться в достоверности пересказа религиозных представлений волхвов летописцем.

Теперь трудно сказать, какие элементы в летописном рассказе действительно соответствовали языческой религии, представителями и идеологами которой были волхвы, и что привнесено самим летописцем. А. Н. Веселовский склонен был видеть в дуализме волхвов финские, подновленные богомилством представления²⁶⁰.

Не совсем ясна этническая принадлежность волхвов, но все же языческие космогонические представления и славянских, и финно-угорских племен должны были иметь много общего.

В одном из многочисленных древнерусских поучений против язычества прямо указывается на сходство некоторых славянских языческих представлений с богомилскими. Здесь имеется в виду «Слово о вдуновении св. духа», сохранившееся в списке конца XV—начала XVI в.²⁶¹ Это «Слово» направлено против славянского языческого бога Рода, бога-

творца, дающего жизнь ²⁶². Основной смысл этого поучения заключается в том, что только один Вседержитель может «вдувать дух жизни» человеку, он «единственный творец», «то ти не Род, сея на воздухе мечет на землю груды [капли ²⁶³] и в том рождаются дети, и паки ангелы вдувают душу, или паки иному от человек или от ангел суд бог предаст; сие бо неции еретики глаголют, от книг срачинских и от проклятых болгар». Автор этого поучения находит сходство во взглядах язычников и еретиков «от проклятых болгар», под которыми могли подразумеваться только богомилы. Под «срачинскими» (мусульманскими) книгами автор поучения, очевидно, подразумевает восточные религии. Действительно, манихейство — дуалистическая религия, возникшая в Иране, оказала ощутимое влияние на учение богомилов ²⁶⁴.

И летописец в описании богословского спора Яна с волхвами полемику сводит в привычное для него русло полемики с богомилами, очевидно, в расчете на читателя, знакомого с антибогомильскими произведениями.

По многим косвенным свидетельствам источников разного рода можно сделать вывод о том, что ересь богомилов в какой-то степени получила распространение на Руси. Поэтому под «еретиками» в надписи № 73 могли подразумеваться не только последователи волхвов, язычники, но и еретики-богомилы.

Подобная антисеретическая надпись в более расширенном варианте, датируемая X в. («а если кто-нибудь не проклянет еретика, да сам будет проклят»), известна в одной из церквей Болгарии ²⁶⁵.

Конечно, как следует из многочисленных поучений и летописных сведений, основной опасностью для молодой христианской церкви на Руси была приверженность к старой языческой вере, которая в критические моменты становилась знаменем борьбы с феодальным угнетением, освещаемым христианской церковью. Но, возможно, что именно в этих случаях среди «книжных» людей получали распространение и богомильские взгляды, во многом созвучные языческим народным представлениям, и в проповедях развенчивались и приверженцы старой веры, и последователи еретиков, как это делал автор поучения «О вдуновении св. духа».

Отголосками этих проповедей, свидетельством того, что христианской церкви приходилось вести упорную борьбу за свое существование, и являются эти две надписи (№ 73 и 135), написанные, очевидно, под их непосредственным впечатлением.

Надпись № 74 (рис. 58) находится на восточной грани восточной лопатки на 25 см ниже уровня современного пола: ПЕТРЪ ПГЯ (Петр писал). Наличие титула предполагает сохранение слабого Ъ.

Надпись № 75 (рис. 59) находится на той же грани юго-восточного алтарного столба, на уровне около 25 см ниже современного пола. Чтение надписи затруднено плохой сохранностью:

ПЛАДН ЕПНКОП(Х)
КОЖ(Д?) КОЖ(А)Ь КЖН

Первую строчку можно разделить на слова так: ПИЛАН ЕПИСКОПЪ или ЕПИСКОПЪ. «Палади» — очевидно, написано по ошибке вместо «полади», по Срезневскому — «договориться, мириться»²⁶⁶, в данном случае должно означать «устроить, сделать». «Куни» — прилагательное от слова «куна» — куний, сделанный из меха куньицы²⁶⁷.

Таким образом, затруднительно лишь чтение начала второй строки. Первые буквы сохранились хорошо: КОЪ, затем возможно чтение КОЪП... ОЪ... ЛЬ или КОЪЛ(?) КОЪЛЬ. Выборка в штукатурке не позволяет полностью прочесть это слово. Если судить по остаткам букв и контексту, здесь должно быть написано: КОЪКОЪЛЬ, что равнозначно «куколь, кукольце» — плащ, верхняя одежда или монашеский головной покров — клобук²⁶⁸. Скорее всего в данном случае речь идет о плаще на куньем меху. На Руси в связи с климатическими условиями ношение мехов было разрешено и монахам, в то время как в Византии меха были запрещены строгим монастырским уставом²⁶⁹.

В надписи употреблен Ж, что датирует ее не позже первой половины XII в., об XI—XII вв. свидетельствует написание Н с горизонтальной переключиной и Н с переключиной, доходящей до конца правой мачты. В противоречии с такой датировкой находится написание ПИЛАН. Такое написание с а вместо о в предударном слоге возможно на почве «аканья», проявление которого исследователи обычно относят ко времени не ранее XIV в.²⁷⁰ Однако написание Я вместо О встречается уже в памятниках XI—XIII вв., в том числе и в некоторых берестяных грамотах²⁷¹.

Ранняя датировка надписи № 75 подтверждается не только палеографией и ее местоположением. В этой записи новгородский владыка назван епископом, а не архиепископом. Это датирует ее до событий середины XII в., когда Новгород получил архиепископию. Начиная с Нифонта новгородские владыки носят титул архиепископа²⁷². Впервые Нифонт уже назван архиепископом в надписи на антиминсе, датированной 1148 г.²⁷³

Во второй половине XII в. новгородские владыки иногда еще именуются епископами; об этом свидетельствуют некоторые печати Аркадия, Илии и печати Мартирия. Это позволило В. Л. Янину утверждать, что и после 1165 г., на протяжении всей второй половины XII в., пожалования титула архиепископа носили личный характер и совершались при хиротонисании не всегда²⁷⁴. Но в более позднее время все новгородские владыки именуются архиепископами.

Надпись № 76 (рис. 60) находится там же, где и предыдущая, несколько ниже ее (на 40 см от уровня современного пола):

ПОБРАТЪ
СЛАВ[Ъ] ПЪ

(Побратослав писал). Имя Побратослав не зафиксировано, но известны имена Братко, Братовец по источникам XVI—XVII вв.²⁷⁵, а также мастер Братило, сделавший один из известных новгородских кратиров (начало XII в.).

На той же стене на уровне около 10 см ниже современного пола находится еще одна надпись № 77 (рис. 61): ТВОА ДРЪЖ(А)ВЯ (Твоя держава). «Держава», очевидно, означает «власть, сила», например: «Гѣ Бе наш, его же держава бесприкладна»²⁷⁶. Из палеографических особенностей обращает внимание Ж «звездообразного» рисунка, являющегося особенностью древнейших памятников²⁷⁷.

Ниже, на уровне около 45 см от современного пола, находится надпись № 78 (рис. 62): НЯ КОЖИЛНА. Купалия — канун Иванова дня (24 июня)²⁷⁸. Очевидно, указано время, когда писалось граффити.

На уровне 50—60 см ниже современного пола процарапаны две надписи, возможно разными лицами, но одинакового содержания.

Надпись № 79 (рис. 63):

НЯ ПРН
КЛОЕН
6 КОЛЪ...

Надпись № 80 (рис. 64):

НЯ ПРН... НГ(Н)
КОЛЪ... ПЬГЯ
ЛЪ

Несмотря на плохую сохранность надписей, их содержание ясно: «на приклоненных коленях», в граффити № 80 к этому добавлено «писал» и имя, прочесть которое невозможно.

В обеих надписях Ъ целиком уместается в строке, а коромысло этой буквы лежит ниже уровня строки. В надписи № 79 характерно Л с малой левой и высокой правой частью. О раннем времени также свидетельствует наличие слабого Ъ в слове «писал» в надписи № 80. Содержание этих двух граффити объясняет, почему многие надписи находятся почти у самого древнего пола. Очевидно, они также писались на «приклоненных коленях».

СЕВЕРНАЯ ЛОПАТКА ЗАПАДНОЙ СТЕНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕФА. По цеманочной штукатурке этой лопатки на 30 см ниже уровня современного пола процарапана следующая надпись № 81 (рис. 65):

ГН ПОМОЗИ РЯБЖ БВ[О]
БМЖ ГЪРЪШЪ БОР(Ъ)
КЪ ГЛЪБЪКЪ БЪЛЪ
КЪ

(Господи, помози рабу своему Гереше, Борьке, Глебку, Бельке). Интересно, что три имени даны в уменьшительной форме. Имя Белько по древнерусским источникам неизвестно, но в новгородских писцовых книгах XV в. уже неоднократно встречено имя Белка²⁷⁹.

Графика надписи настолько своеобразна, что не имеет близких аналогий в эпиграфических памятниках. Начиная со второй строки начальная

буква каждого слова выделяется тем, что ее основная мачта прочерчивается двойным контуром. У буквы Г при таком написании мачта образует вытянутый прямоугольный треугольник. Это делает ее похожей на букву Ё и затрудняет чтение. ГЪРЪШЪ, возможно, означает «грешному». Но из трех Ъ в этом слове только второе употреблено в соответствии с этимологией. Может быть, это имя, хотя в других источниках оно исследователями не отмечается.

Своеобразная графика надписи заставляет осторожно отнестись к ее палеографической датировке. Но в надписи три раза употреблен Ж, архаично начертание Й с остроугольной головкой. Коромысло Ъ во всех трех случаях находится приблизительно на уровне строки, что встречается иногда и в XI в.²⁸⁰ Архаично Б с петлей, занимающей приблизительно половину буквы. Надпись № 81 по местоположению также датируется до росписи 1108—1112 гг.

ЮЖНЫЙ НЕФ. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРЕСЧАТЫЙ СТОЛБ СЕВЕРНОГО ОТСЕКА НЕФА. На южной грани южной лопатки этого столба на первоначальной цемяночной штукатурке обнаружено несколько надписей.

Надпись № 82 (рис. 66) процарапана на уровне современного пола:

МЦА ОКТѢРА . ДІ .
 ПРЕСТАВЕНА РАБЪ
 БЖИ Г(Н)ЕІ . ѿ СВТГО ВЛІ
 СН(А)

Имя неясно: ИГЕІ или ГНГІ. Возможно, это вариант имени «Исайя». Перевод: «Месяца октября, 14, преставился раб божий Исайя от святого Власия». Как это обычно для поминальных записей, указан только месяц и число, год отсутствует.

Из палеографических особенностей надписи нужно отметить звездобразное Ж, типичное для XI в., ѿ с высокой серединой тоже характерна для того же времени и лишь иногда еще встречается в первой половине XII в.²⁸¹ Местоположение надписи датирует ее до 1109—1112 гг.

Исайя (?) был из причта церкви святого Власия. Очевидно, здесь идет речь о церкви Власия, находившейся на древней Волосовой улице, в Людином конце. Первое летописное упоминание этой церкви относится к 6692 (1184) г.: «В то же лето срубища церковь нову святого Власия»²⁸². Из этого летописного свидетельства ясно, что до этого уже была церковь Власия «старая» и скорее всего тоже деревянная. Как следует из надписи № 82, церковь Власия была построена не позже рубежа XI—XII вв.

Надпись 83 (рис. 66) находится на несколько сантиметров ниже предыдущей: ОФРЪМЪ ПЪСІА(Ъ) (Офрем писал). Офрем — русское произношение имени Ефрем²⁸³. Для палеографических наблюдений мало данных. Нужно отметить сохранение слабых и сильных глухих.

Надпись № 84 (рис. 67) процарапана на 5 см ниже предыдущей над рисунком трехкупольного (или пятикупольного храма), от которого сохранились только купола с крестами.

ГН ПОМ(О)ЗН РА СВОЕМОУ
Ц(Е)ТРОУ

(Господи, помози рабу своему Петру). Рисунок и надпись, очевидно, между собой не связаны, так как рисунок был выполнен уже после надписи (буква о в слове «помози» повреждена изображением креста). Рисунок храма и сама надпись отличаются от надписи № 35, которую можно связывать с зодчим Петром. Поэтому нет оснований приписывать ему эту надпись.

Надпись № 85 расположена на 20 см ниже современного пола. Над рисунком креста на Голгофе прочерчено (рис. 68): **Ψ НЕМИРЪ** (Писал Немир). Имя Немир известно и в русских и в польских источниках²⁸⁴. Петля **Ъ** имеет форму равносidedного треугольника, **Н** аналогично латинскому, перекидывая **Н** горизонтальна, но расположена несколько выше середины буквы, что для рукописей становится обычным с XIII в.²⁸⁵ Необычна форма **Ψ** — с изогнутым влево центральным стержнем и угловатой чашечкой. Очевидно, это следствие небрежности почерка.

Надпись № 86. Начерчена на 35 см ниже современного пола. Это две строки, обведенные квадратной рамкой (рис. 69):

ЛРНРОГГ
КРЕДЕА

Смысл ее, особенно первого слова, неясен, хотя надпись сохранилась хорошо. Второе слово — по-видимому, производное от слова **РРЪДЪ** в значении «зло, язва, болезнь, рана»²⁸⁶. Две буквы в первом слове (**Л** и **Ъ**) имеют обратное, зеркальное начертание. «Зеркальные» формы букв довольно часто встречаются в новгородских берестяных грамотах²⁸⁷. Неясен смысл этого слова. Возможно, это тайнопись или имя, хотя такое имя по другим источникам исследователями не отмечается. Возможно, это слово — производное от **ЛРН** — «брань, оскорбление»²⁸⁸ и **РЪГЪ** — «глумление, поругание, оскорбление»²⁸⁹. Противоречит такому предположению отчетливо читаемое **РОГЪ** вместо **РОЪГЪ**, но, возможно, **Ъ** пропущено. Очевидно, надпись имеет заклинательный смысл и означает либо заклинание болезни или желание наслать болезнь, если первое слово понимать как имя.

Палеографически надпись датировать трудно, так как на форме некоторых букв сказались особенности обратного начертания. Очевидно, этим объясняется форма **Ъ** с прямой мачтой и округлой петлей, что обычно является признаком XIII—XIV вв.²⁹⁰ Обращает внимание и написание **Е** вместо **Ъ** в слове **КРЕДЕА**, если это слово понято правильно. Однако отдельные случаи написания **Е** вместо **Ъ** отмечаются исследователями новгородских памятников с XI в.²⁹¹ Поэтому у нас нет оснований подвергать сомнению архитектурно-стратиграфическую дату надписи (1050—1109 гг.).

Надпись № 87 (рис. 70) (см. также надпись № 68) находится на 48 см ниже современного пола:

МѢТЯ ЖАБЪУСЕНУЪ
ПЪСАЛЪ

(Местята Жабчевичь писал). Имя Местята известно по новгородским берестяным грамотам: № 213 (вторая половина XIII в.)²⁹² и по свинцовой грамоте (первая половина XII в.)²⁹³. В грамоте № 213 оно встречено в форме «Местятка», в свинцовой — «Местята». И в грамотах и в граффити это имя написано через Ъ.

Очень своеобразно написано окончание имени ТИТИ — в виде двух лигатур, в которых и присоединено к мачте буквы Т. В этой надписи названо и отчество Местяты — Жабчевичь. Имя Жаба известно по письменным источникам XVI в.²⁹⁴, в новгородских летописях в XIV в. упоминается Акинф (Онкиф) Жабин²⁹⁵. Автор надписи оба раза правильно употребил У. У симметрично, имеет округлую чашечку, что типично для XI—XII вв.²⁹⁶ Петли Ъ геометричны. Коромысло Ъ лежит значительно ниже уровня строки, но сама мачта несколько выступает за ее уровень, что в ее рукописях характерно для XII в.²⁹⁷ Звездообразное Ж типично для XI в. Очевидно, слабые редуцированные еще не исчезли из речи Местяты Жабчевича, но для обозначения слабых Ъ и ъ он использовал одну и ту же букву Ъ. По местоположению надписи № 87 и 68 датируется до 1109—1112 гг., что подтверждается и палеографическими наблюдениями.

ЮЖНЫЙ НЕФ. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРЕСЧАТЫЙ СТОЛБ ЮЖНОГО ОТСЕКА НЕФА. На северной грани этого столба обнаружено несколько надписей.

Надпись № 88. Изображение креста с монограммами ІГ ХГ. Рядом надпись: Д(Н)МНТРЪ. Перекладина Н горизонтальна, Р с маленькой треугольной головкой, но мачта его выходит в нижнее межстрочное пространство (рис. 71).

Несколько ниже прочерчена надпись № 89 (рис. 71):

ГН (ПОМ)ОЗН РЛБ(О)Х
СВОЕМОХ МНХІ(Н)ЛОХ

Перекладина Н горизонтальна и расположена приблизительно посередине буквы, петля Ъ треугольна и занимает половину высоты буквы.

Надпись № 90. Рядом с изображением креста, украшенного по концам кругами, надпись (рис. 72):

МННІ
ΨЛЪ

(Мина писал). Глагольная форма позволяет утверждать, что это мужское имя. В Полоцке епископом в самом начале XII в. был поставлен Мина²⁹⁸.

Перекладина Н горизонтальна, расположена немного ниже середины буквы, перекладина Н не доходит до нижнего конца правой мачты, Ъ имеет треугольную петлю, Ψ обычной для граффити формы, с округлой чашечкой.

Все три надписи были выполнены до росписи 1109—1112 гг.

НАДПИСИ, ИЗДАННЫЕ В. Н. ЩЕПКИНЫМ. Как говорилось выше, В. Н. Щепкин издал слепки надписей, присланные В. В. Сусловым в Московское археологическое общество²⁹⁹. Палеографические и лингвистические данные позволили издателю датировать их XI—XII вв. В. Н. Щепкину не удалось точно выяснить местоположение каждой надписи. Но в письмах В. В. Суслова сообщалось, что большинство их прочерчено по первоначальной штукатурке на столбах и отчасти на стенах собора, под современным полом³⁰⁰. Следовательно, большая часть надписей должна датироваться до росписи, начатой в 1109 г. Но отсутствие более точных сведений о местонахождении каждой надписи заставляет включить эти граффити в группу надписей с архитектурно-стратиграфической датой 1050—1109/12 гг. лишь условно, допуская, что некоторые надписи, находившиеся на стенах папертей, могли появиться и в более позднее время.

Одна из таких надписей (№ 250), датирующаяся по данным палеографии не ранее XIV в., помещена в соответствующий раздел. Две надписи, выполненные кирилловскими и глаголическими буквами, рассматриваются в разделе «Глаголические надписи».

При публикации надписей В. Н. Щепкин разбил их по содержанию на ряд тематических групп: а) слепки без надписей и со знаками неясными или отрывочными; б) слепки с крестами и надписями, содержащими только **ІГ ХГ НКІ**; в) слепки с именами писавших или упоминаемых с молитвой; г) краткие молитвы и набожные изречения без имен; д) фразы бытового характера. Нет необходимости менять порядок изложения материала, предложенный издателем, хотя классификация надписей не вполне отвечает современным требованиям. Нами исключены граффити-рисунки без надписей, выходящие за пределы данной работы. Кроме того, число надписей не совпадает с числом надписей, определенным В. Н. Щепкиным, так как надписям, выполненным разными лицами, но находящимся на одном слепке, издатель давал единый номер. В данной работе каждой надписи дан свой номер с указанием в скобках римскими цифрами номера в первом издании.

Надпись № 91 (IV):

ш
А Ѧ

Монограмма, смысл ее неясен.

Надпись № 92 (V): **І ХРСТІ**.

Очевидно, отрывок надписи, где можно разобрать слово «Христа», написанное под титлом.

Надпись № 93 (VI). Рисунок креста с неясными отрывочными надписями. В. Н. Щепкиным прочитано: **АЪПАННЕ(І)**, налево от креста — **ГНН**, справа — **НСУ**. На фототипии действительно различаются эти буквы, но не справа, а несколько выше букв **ГНН**. Справа видны лишь рисунки голов двух животных (собак?).

Надпись № 94 (VII). Двойным контуром начерчено: $\Pi(\Lambda)\text{H}(\text{H})$, от H сохранилась только правая черта. На снимке неясно и начертание Λ .

Надпись № 95 (VIII). При изображении креста надписи:

H
 $\overline{\text{I}\epsilon}, \text{X}\rho, \epsilon\text{T}\overline{\text{O}\epsilon}, \text{H}(\text{H}), \text{K}\Lambda$
 H

(Иисус Христос Ника). В. П. Щепкин отмечает «скорописный пошиб» надписи. H на конце слов отсутствует.

Надпись № 96 (IX). При изображении сложного креста В. Н. Щепкин прочитано: $\overline{\text{ЗГН}}, \text{X}\overline{\text{G}}, \text{H}\text{H}, \text{K}\Lambda$. Правильнее читать $\overline{\text{H}\epsilon}\text{H}$ XH , причем первое слово написано слева направо.

Надпись № 97 (X). При глубоко врезанном изображении креста монограммы:

$\text{H}\text{H}, \text{K}\Lambda$
 $\overline{\text{H}}, \text{X}$
 $\overline{\text{Ж}}, \Lambda$

Возможно, вместо X следует читать $\epsilon\omega$ (альфа и омега) — на снимке видна лишь левая часть буквы. В. Н. Щепкин правильно отмечает, что Ж может быть прочитано как ж особого рисунка и как древнейшая монограмма Христа — Ж (Хризма).

Надпись № 98 (XI). По сторонам изображения креста на Голгофе буквы:

X
 $\epsilon\text{T} \text{H}$

Надпись № 99 (XI). Над другим крестом, начерченным рядом с предыдущим, остатки надписи: $\Pi\text{M}\text{H}\text{H}$.

Надпись № 100 (XII). По сторонам креста монограммы:

$\overline{\text{I}\epsilon} \text{X}\overline{\text{G}}$
 $\overline{\text{H}} \text{K}\overline{\Lambda}$

$\text{H} + \text{H}$ — лигатура

Надпись № 101 (XIII). При изображении креста написано:

$\overline{\text{I}\epsilon}\text{H} \text{X}\overline{\text{G}}$
 $\text{H}\text{H} [\text{K}\Lambda]$
 $\text{M}\text{H}\text{X}\Lambda \Lambda[\text{H}\text{H}]$
 $\epsilon\text{H}\Lambda\text{H}$

Обычный рисунок креста с монограммами дополнен именем писавшего: «Михал писал».

Надпись № 102 (XIV). Представляет собой имя Пантелеймон:

ΠΑΝΤΕΛΗΝ

ΜΟΝ[Υ]

Надпись № 103 (XV) — монограмма, которую В. Н. Щепкин читает как **ФЕОДОРЪ**.

Надпись № 104 (XVI) содержит три имени, написанные одним и тем же почерком:

Т

ДОБРОЖИ СВАТОНЪ МНКОЛ

Обращает внимание необычное их написание: в имени **ДОБРОЖИТ** Т вынесено над строкой, конечный **Ъ** отсутствует, имя **СВАТОНЪ** (скорее всего **СВАТОНЪГЪ**) также неокончено. В. Н. Щепкин отмечает какие-то неясные знаки над буквами **НЪ**. Возможно, это конечные буквы **ГЪ**, вынесенные, подобно конечным буквам предыдущего имени, над строкой. Конец третьего имени поврежден. **Ж** звездообразного типа, из трех пересекающихся черточек, коромысло **Ъ** расположено на уровне строки, перекладина **Н** горизонтальна и начерчена посередине буквы, но **Н** имеет тип, характерный для более позднего времени: наклонная перекладина доходит только до середины правой мачты.

Надпись № 105 (XVII): **ЛАВЪР(Λ)Ψ)ΛΨЪ**.

В. Н. Щепкин отмечает неясность букв **Λ** и **Ψ**. По его мнению, последнее **Ψ** перебрано на **Λ**. Правильнее читать **ЛАВЪР(Λ)Τ)Λ ΨЪ** — «Лаврята писал», так как остатки седьмой буквы больше соответствуют **Τ**, чем **Ψ**, ясно читаемому в слове **ΨЪ** (писал). Имена на **-ΛΤΙ**, **-ΙΤΙ** в Новгороде часто образовывались и от христианских имен³⁰¹, в данном случае имя образовано от христианского «Лавр».

Надпись № 106 (XVIII). Обведена эллиптической рамкой: **СОΦΝΛ**.

Надпись № 107 (XIX):

ΤΕΧΥ

ΝΟΕΙ

ΝΣΠ

Означает, очевидно, два имени (языческое — **ΤΕΧΥΝΟΕΙ** и христианское — Исайя) автора надписи. В. Н. Щепкин усматривает мену **Χ** на **Θ** в имени **ΤΕΘΥΝΟΕΙ**. Из палеографических особенностей нужно отметить необычно вытянутые вверх петли **Ε** и **Η**. Мачта **Υ** несколько выходит в верхнее межстрочное пространство, коромысло приближено к уровню строки.

Надпись № 108 (XX). Представляет собой имя, прочитанное издателем как **ГЮ[Ρ]ЪКЪ**.

Два предпоследних знака имеют форму глаголического **Κ**. На слепке действительно можно различить два знака **Ъ**. Но правильнее будет предположить, что эти два знака — буквы **Γ** и **Н**. В архиве И. А. Шляпкина находится

клише этой надписи³⁰². На фото последнее Н читается отчетливо, предыдущее Г имеет вид Ё из-за случайной царапины. На фотографии клише различается и следующее слово ПСА (писал). Таким образом, вся надпись читается: ГЮР[Ь](Г)Н ПСА (Гюрги писал).

Надпись № 109 (XXI): КЗЪММ ППЛА (Кузьма писал). Это граффити отличается архаическим, строго геометрическим типом письма (петли Ъ и Ё имеют вид равнобедренных треугольников, Л симметрично). П с маленькой остроугольной головкой и наклонной к началу строки спинкой. В одном случае петля примыкает к верхушке спинки, во втором расположена посередине ее. Аналогичное начертание П имеется в граффити № 55.

Надпись № 110 (XXII). Обведена прямоугольной рамкой, представляет собой имя КВРНА (Кирилл). Четкий, геометрический почерк надписи очень близок почерку предшествующей.

Надпись № 111 (XXII). На том же слепке несколько выше можно прочесть еще одно имя, начерченное другим почерком: ГЕОР[Ь](Н)Н.

Надпись № 112 (XXIII):

ЕЯ[Е]ЛА
ГРЪЦЪНН

В. Н. Щепкиным имя прочтено полностью. На фототипии неясны буквы Е и І. Ниже он читает знаки ЪГ или ЪК, или ЪЕ. Выше и правее — буквы ДЛ.

На слепке, обозначенном № XXIV, представлено несколько надписей. Одна из них, очевидно, датируется XIV в. (см. № 250). Сомневаться в датировке других надписей XI—XII вв. нет оснований.

Надпись № 113 (XXIV):

ННК... ЛЛ
ПСАЛ

Имя неясно, между буквами К и Л издатель отмечает какие-то знаки, «вероятно, начертанные на стене ранее данной надписи».

Надпись № 114 (XXIV). Там же читается еще одно граффити:

ВАСНА
І
Е ПСА

Буквы І, Е в левой части надписи на снимке не видны. Чтение остальных сомнений не вызывает: Васил писал.

Надпись № 115 (XXV). Вверху слепка отчетливо видна следующая запись: МЖТЖНРЪ ОГА...

Далее В. Н. Щепкин читает: ФИН[ГСА]ОЖНЦЕ.

Эта часть записи очень плохой сохранности. Первое слово означает имя Мутижир, смысл второй строки неясен. В имени употреблен Ж, Н с горизонтальной перекладиной, расположенной посередине буквы, Ж — «звездо-

образное». Эти признаки позволяют датировать надпись XI—XII вв. Поперечная перекладина над буквой **М**, придающая ей форму, иногда встречающуюся в рукописях XIII в.³⁰³, — очевидно, случайного характера.

Надпись № 116 (XXV). Ниже предыдущей надписи четким геометрическим почерком начерчено: **ВРЪБѢАГЪ СѢБѢАЪ** (Врубяг писал). Первое **С** в слове «писал» написано по ошибке.

Надпись № 117 (XXVI). На этом слепке видны две надписи, выполненные разными почерками. В. Н. Щепкин читает обе надписи как одну:

ГН ПОМО[ЗН] [РН]
БОУ
(Н)ЪАДКО
ѠЄЄР

Более крупными буквами начерчено (№ 117):

НѢ---
ѠЄЄР

Третья буква, по-видимому, не **А**, а **Ж**, следующая буква **Ъ** сохранилась хорошо. Таким образом, это имя скорее всего читается как **НѢЖЪ[КО]**, по аналогии с граффити № 32. Две последние буквы, приведенные В. Н. Щепкиным на фототипии, не видны.

Ниже читается **ѠЄЄР** — Феодор, очевидно христианское имя писавшего. **Ж** древнейшего начертания, из трех пересекающихся линий, **Є** с высокой серединой, но петли ее уже несколько разведены. Коромысло **Ѣ** находится вблизи уровня строки, а мачта несколько выходит в верхнее межстрочное пространство. Эти палеографические наблюдения датируют надпись XI—XII вв.

Надпись № 118 (XXVI). С чтением второй надписи, которую можно различить на этом же слепке, можно целиком согласиться.

ГН ПОМ[ОЗН]
[Р](Н)БОУ

(Господи, помози рабу...).

Надпись № 119 (XXVII). Возле изображения креста в круге, несколько напоминающего кресты Олисея, В. Н. Щепкин читает:

ХЪ ПЯ
Н КЄ
ЛЪ

Однако на слепке в имени **ПЯБЕАЪ** отчетливо видно **О** вместо **Я**.

На большом слепке (№ XXVIII) представлено множество надписей очень плохой сохранности, испорченных выбоинами в штукатурке и рисунками крестов, находящихся одна на другую. Среди них можно прочесть несколько.

Надпись № 120 (XXVIII). Находится в левой части слепка, у самого края:

К — РМЪ
Н ПБЯ

Имя писавшего неясно.

Надпись № 121 (XXVIII). Видна в самом верху слепка: КАР — СМ. Далее В. Н. Щепкин читает: ИЗ ГРЕШ(Ь)Н ... СЯПО З. Этих слов на фототипии различить не удастся. Еще ниже — СТРЪЕНЪ (по В. Н. Щепкину — РЫНЪ). Таким образом, сохранившиеся остатки надписи прочтению не поддаются.

Надпись № 122 (XXVIII). Находится левее предыдущей:

СЗ КЖЗМ
НЦЪ

Возможно, эти отрывки следует читать как отчество КЖЗМНЦЪ, где У замешено на Ц соответственно новгородскому произношению. Но настаивать на таком прочтении нельзя.

Надпись № 123 (XXVIII). Прочитана издателем как ГЕЃГНБ. Омега на фототипии не видна, но ниже читается еще одно слово: ЧАА (писал).

Надпись № 124 (XXVIII). Начерчена правее предыдущей: ОХЪ ТЪЦНО (Ох, тошно!).

Надпись № 125 (XXVIII). Далее В. Н. Щепкин читает: (М)ЦА [М]ИР(Ь)(Т)А. Из этих букв на снимке можно различить лишь буквы ЦА и часть буквы М, начерченных двойным контуром.

Надпись № 126 (XXVIII) можно различить в самом низу слепка: СТЕФАНЪ П(Ь)СЯ(А)[Ъ].
Ь между буквами П и С поврежден изображением креста.

Надпись № 127 (XXVIII). Ниже автографа Стефана читается еще одна надпись:

ПАИТЕ
АЕНМОН(Ь)

В. Н. Щепкин читает еще ПНГА ХРИ. Возможно, это остатки слов ПНГА[АЪ] РА[БЪ], но уверенности в таком прочтении нет.

Надпись № 128 (XXIX). Эта надпись помещена В. Н. Щепкиным в раздел «краткие молитвы и набожные изречения без имен». Но в этом разделе встречаются и автографы с указанием имени писавшего. Такова надпись № 128 (XXIX):

ОХЪ ТЪЦННО ДШ
І ГРЪНЪ(Н) АЕН
ГЪ ПБАЪ

(Ох, тошно душе грешной! Ясиг писал).

Издатель усматривает выносное Ш во второй строке, но на слепке различить его невозможно. Обращает внимание сохранение сильного Ъ и слабого Ь (ТЪЦЪНО), обозначенных одним знаком Ъ. Перекладина Ъ расположена на уровне строки, мачта буквы несколько выходит за верхний уровень строки.

Надпись № 129 (XXX). В. Н. Щепкин на слепке надписи читает:

СОХЪ ТЪЦЪ
НО ТН РОБ...Н...

В распоряжение В. Н. Щепкина поступил слепок только части этой надписи. Среди фото клише в архиве И. А. Шляпкина сохранился отпечаток³⁰⁴, на котором вся надпись представлена целиком (рис. 73).

СОХЪ ТЪЦЪ
НО ГЕР(Е)БЪНОЪ ГРЪЦЫН(Ъ)КОЪ

(Ох, тошно Геребену грешнику!). Чтение первой буквы имени как Г подтверждается наличием такой же формы (с перекладиной, начинающейся несколько левее мачты) в слове «грешнику». Неясно второе Е в имени. Сомнительно и Ъ в слове «ГРЪЦЫН(Ъ)КОЪ», хотя на фото клише оно читается отчетливо. Имя ГЕРЕБЪНЪ по другим источникам неизвестно. Надпись выполнена четким геометрическим почерком. Ё с высокой серединой и слегка разведенными петлями, Ъ оба раза целиком уместается в строке. Архаично Б с большим навесом и петлей, занимающей половину буквы. От почерка, типичного для XI в., отличается только Н, перекладина которого кончается почти посередине правой мачты. Очевидно, перед нами еще один пример (в дополнение к приведенному в статье В. Н. Щепкина), когда поздние палеографические типы могут встречаться «уже в начальную эпоху письменности»³⁰⁵.

Надпись № 130 (XXXI):

[Ж]НВОЪ МН БЪТН
[Е]Ъ (Е)ЪБЪЫ БОА

(Живу мне быти в веки вся).

Буквы Ж и Е в начале строк восстановлены В. Н. Щепкиным по смыслу. МН в первой строке объединены в лигатуру. Надпись выполнена четким геометрическим почерком, каромысло Ъ лежит почти на уровне строки, мачта несколько выходит в верхнее межстрочное пространство. В слове БОА слабый Ь отсутствует. Сохраняется звук Ъ после гортанных (БЪБЪ)³⁰⁶.

Надпись № 131 (XXXII). Вокруг шестиконечного креста надпись:

ІГ ХГ
ПО БЪДН

Это русский перевод обычных при изображении крестов надписей (ІГ ХГ НН КЯ). Ъ целиком уместается в строке.

Надпись № 132 (XXXIII).

ГН ПОМОЖН РАБѢ БОМѢ
ФЛѢ(К)АТѢ

(Господи, поможи рабу своему. Флокат).

Граффити хорошей сохранности. Буквы строго вертикальны или даже несколько наклонены влево, подобно самым ранним граффити Софии Киевской³⁰⁷. Вместо ОѢ два раза употреблен Ж (Ж и ЪЖ). Р целиком помещается в строке, Ж звездообразное, из трех пересекающихся линий, сильно наклонено влево. По графике эта запись должна относиться к самым ранним записям Новгородской Софии. В. Н. Щепкин отличает мену З/Ж в слове «помози» как псковскую особенность³⁰⁸. Ф. П. Филин, говоря об этом граффити, указывает, что если это не грамматическая аналогия, то в этой надписи мы имели бы древнейшее письменное свидетельство совпадения свистящих и шипящих³⁰⁹.

Сохранилась еще одна надпись того же автора, где повторяется это же слово с Ж вместо З. Среди калек В. В. Суслова имеется одна³¹⁰, где представлена надпись, находившаяся на «восточной стене». Так как на кальке указана высота надписи по отношению к полу хоров, то, очевидно, имеются в виду какие-то помещения второго этажа собора. Поэтому местонахождение надписи не может уточнить ее датировку.

Надпись № 133:

ФЛѢРАТ[Ѣ]
ГН ПОМО(Ж)Н РА...

(Флѣрат. Господи, поможи ра...). Не только содержание граффити, то и особенности почерка (наклон влево, особый знак для изображения Р или К в имени) позволяют утверждать, что надписи № 132 и 133 начерчены одним и тем же человеком. На месте Ж (ПОМОЖН) — на прописи изображена буква, похожая на Ж, так как копировщик изобразил не все штрихи буквы (Ж). В обеих надписях в имени («Флѣкать», по В. Н. Щепкину) на месте К — особый знак, больше напоминающий Р с треугольной головкой, мяча которого наклонена к началу строки. Возможно, будет правильнее читать имя «Флѣратъ», хотя и в этой форме оно не находит аналогий в других письменных источниках³¹¹.

Надпись № 134 (XXXIV). Орывок надписи, обведенной квадратной рамкой:

ГН ПОЗН. Это начало молитвенной формулы: господи, помози...

Обращает внимание начертание З — с небольшим «хвостом», идущим сначала параллельно уровню строки и затем поворачивающим вниз под прямым углом. В. Н. Щепкин приводит аналогии такой форме из Изборника 1076 г., из надписи на Тмутараканском камне и «из памятников XII в.»³¹². Следует заметить, что эта форма свойственна древнейшим русским и южно-

славянским памятникам³¹³. Такое же начертание имеется в надписи на Битольской плите (1015—1016 гг.)³¹⁴.

Надпись № 135 (XXXV).

...ЛБ БѢГЪ
НБО... Н(?) РД(?)ЗЕБДРЪ...Д
ЗД-Θ(?)... ПОТРАГО
ША ОБЛАЦН РЕУЕ БЪ
ТО СЪТВОРН

Об этой надписи см. комментарий к граффити № 73.

Надпись № 136 (XXXVI). Это граффити получило широкую известность как образец фольклора XI—XII вв.

АКНМЕ СТОА ОУЕЪНЕ
Я РЪТИ Н О КАМЕВЪ
НЕ РОСТЕНЕ

«Якиме стоя усне, а рта и о камень не ростепе» (не откроет). В. Н. Щепкин сопоставил эту надпись с народным выражением «Се налив бельма, об угол не ударишься»³¹⁵. Слабый Ъ сохраняется (ОУЕЪНЕ, РЪТИ). Перекладина Н не доходит до конца правой маты.

Надпись № 137 (XXXVII). В. Н. Щепкиным прочитано:

(Н)ЕНЪ КО НГО...
[ГЮР]ЪГЕЕНУЪ Я ПОГР(ЕБ)ЕНЪ АПРНАА БЪ .Ъ.

[ГЮР] в отчестве издатель восстанавливает по смыслу. Первая буква прочитана им как Н, между тем на снимке хорошо видно Н с горизонтальной перекладиной. Очевидно, это остатки слова [ОУЕ]НЕНЪ: «...Убиен... Юрьевич, а погребен апреля в 6 день». Исходя из контекста, следует считать буквы КО НГО, следующие за словом «убиен», началом имени. Это могло быть известное по летописям имя Воигост³¹⁶.

Таким образом, надпись читается так:

[ОУЕ]НЕНЪ КО НГО[ЕТЪ ГЮР]
ЪГЕЕНУЪ Я ПОГР(ЕБ)ЕНЪ АПРНАА БЪ .Ъ.

С. А. Высоцкий предположил, что поминальные записи писались на стенах храма, в котором были погребены упомянутые в них лица³¹⁷. Возможно, и Воигост Юрьевич был похоронен в Софийском соборе. В таком случае он должен быть знатным человеком. В Новгородской первой летописи Воигост упоминается под 6623 (1115) г., когда «заложи Воигостъ церковь святого Тирона...» Но нет оснований отождествлять с ним Воигоста Юрьевича. Если принять во внимание вероятную дату записи № 137 до 1109—1112 гг., то этот Воигост никак не мог быть лицом, упомянутым в летописи под 1115 г..

На слепке XXXVIII В. Н. Щепкин читает монограмму «Ефрем», а затем:

GVPH(H)Ъ]
 INKЪ
 HЯ BGY6PH(H)
 БЪЖЕНЪ

Все вместе, по его мнению, должно означать: БФРМЪ GVRHHЪ HHOКЪ HЯ BGY6PHH БЯЖЕНЪ. Судя по почерку, перед нами две надписи, выполненные разными лицами.

Надпись № 138 (XXXVIII) начерчена крупными буквами несколько вытянутых пропорций. Вместе с монограммой читается: БФРМЪ GVRHH(Ъ) (Ефрем Сирий). Ниже следуют несколько неясных знаков, которые В. Н. Щепкин читает как INKЪ. Неясно, что они означают.

Надпись № 139 (XXXVIII). Прочитана издателем как продолжение предыдущей. Но она отличается от нее более мелким, с наклоном в левую сторону почерком. После слова «вечерни» можно различить следующие за ним буквы ЦА — остатки слова ЦАЪ. Вся строка читается: HЯ BGY6PHH ЦА(Ъ) (на вечерне писал). Естественно в последнем слове видеть имя писавшего. Второй знак, прочитанный В. Н. Щепкиным как А, это скорее всего Ъ, титло — случайная царапина. В таком виде последнее слово должно означать имя Божен, известное и по русским и по польским источникам³¹⁸. Следовательно, вся надпись читается:

HЯ BGY6PHH ЦА(Ъ)
 Б(Ъ)ЖЕНЪ

Надпись № 140 (XXXIX). Представляет собой отрывок надписи:

(·З·)М МЦЪ ФЕРРРЪ

З(кси) неясно, следующее Я без титла. В. Н. Щепкин предположил, что если обе буквы представляют конец даты, то по характеру надписи эта дата может быть или \neq SФѦЯ (1053 г.), или \neq SXѦЯ (1153 г.). Палеография надписи (оба раза Ъ целиком умещается в строке, заменяя собой Ѧ(И)), подобно древнейшим южнославянским памятникам³¹⁹ скорее свидетельствует в пользу датировки надписи 1053 г. В перечне слепков с надписей, составленном И. А. Шляпкиным, только одна надпись (№ 114) обозначена «МЦЯ ФЕРРРЯ». При этом указано ее местонахождение — в раскопе у 17-го столба³²⁰, что соответствует центральному крестчатому столбу северного нефа. Следовательно, если принять первые буквы за окончание даты, можно говорить лишь о 1053 г.

Надпись № 141 (XL). Рядом с примитивным изображением человека с поднятой рукой В. Н. Щепкин читает:

(И)ВАНЮ МХЯ^АЪ.. Ъ.. (Ъ)МЪ

Издатель предполагает, что надпись сообщает о том, что изображение «являет» Михаила, «может быть с ножом или веревкой», так как рядом с изображением человека «помещено изображение жгута»³²¹. Но эта орнаментальная «плетенка», по-видимому, не имеет отношения к надписи, так как проходит через надпись. Возможно, первое слово нужно читать БЛ҃ГІЕ (благословляе), но дальнейшие слова неясны.

4

НАДПИСИ, НЕ ИМЕЮЩИЕ
АРХИТЕКТУРНО-СТРАТИГРАФИЧЕСКОЙ ДАТЫ

В этом разделе приводятся надписи, начерченные на стенах лестничной башни, хоров, библиотеки, ризницы (помещений второго этажа храма), тайников, Мартирьевской паперти, т. е. помещений, не подвергавшихся росписи или расписанных, как Мартирьевская паперть, лишь в конце XII в. Поэтому для этих надписей уточнить можно лишь нижний хронологический рубеж — 1050 г., год завершения строительства Софии. Верхний хронологический рубеж определяется по палеографическим данным. Надписи сгруппированы по местонахождению. Граффити, местонахождение которых выяснить не удалось (это клише и кальки из архивов И. А. Шляпкина и В. В. Суслова), выделены в специальную группу.

ЛЕСТНИЧНАЯ БАШНЯ. *Надпись № 142* (рис. 74) находится на центральном столбе лестничной башни, на уровне первой площадки, на высоте около 125 см:

ДАНЪ Ѡ

ЛЪ ХЖ(ДН)Н ГРЕУЄНЪ

Перевод: «Дан писал, худой (ничтожный)³²² гречин (грек)». Имя Дан известно по библии, но в данном случае может являться уменьшительным от имени Даниил. «Гречен» — по всей вероятности, грек. Буква У в этом слове читается отчетливо. Это именно У, а не Ш, как можно было бы предположить по аналогии с обычными надписями такого типа: «писал имярек, худой, грешен».

В летописях известны многие лица греческого происхождения, называвшиеся «гречин»³²³.

М. К. Каргер высказал предположение, что художник Грецин Петрович, упомянутый в Новгородской летописи (в 1196 г.)³²⁴, которого обычно считали греком, имел новгородское происхождение. Это предположение основано на приписке, сохранившейся в одной из рукописей XIII в.: «Аз попин грешный Сава, а мир{ск}іе ми Грьцинь. . .»³²⁵ На основании текста этой приписки можно думать, что существовало русское имя «Грецин». Однако в летописях «гречин» обозначает всегда грека. Скорее всего,

и в упомянутой приписке мирское имя Савы — Гречин также означает его прозвище по национальности.

Поэтому надпись № 142, по всей вероятности, оставлена греком, достаточно знавшим русский язык, чтобы расписаться на стене церкви. Она интересна своей архаической графикой. Перекладина Н достигает нижнего конца правой мачты, петли Ъ имеют форму правильного треугольника, что достигается сильным наклоном мачты. Я с маленькой треугольной головкой и спинкой, наклоненной влево. Такое Я известно по старославянским памятникам³²⁶, в русских — на монетах начала XI в.³²⁷, в подписи Анны Ярославны³²⁸. В этих же памятниках (за исключением последнего) встречается и Р такого типа, как в надписи № 142: с маленькой головкой в виде полукруга, примкнувшего к прямой спинке, целиком уместающееся в строке.

В надписи Дана в соответствии с русским (в отличие от старославянского) произношением употреблен Ж вместо ОѢ, что также датирует ее не позже первой половины XII в. Ѣ отличается от обычного для XI в. «крестовидного типа». Оно имеет типичную для надписей-граффити форму: вертикальный стебель буквы оканчивается наверху на одном уровне с боковыми черточками³²⁹. Написание этого слова через Ѣ относит надпись к несколько более позднему времени. Но в данном случае это может объясняться греческим происхождением Дана. «Малый масштаб» букв Я, Р свойствен скорее первой половине XI в., так как в датированных русских летописях эти особенности уже не встречаются³³⁰. Очевидно, надпись Дана была начерчена вскоре после постройки Софийского собора.

Надписи № 143 и 144 (см. рис. 75, 76). Эти две крупные и заметные надписи одинакового содержания, находящиеся в разных местах. Граффити № 143 прочерчено на стене лестничной башни, на уровне седьмой лестничной площадки.

[ПЕ]ТРЪ ПСАЛЪ
[ОС]ТРОМНРЪ
[А]ННІКЪ ЯМН(НЪ)

Надпись № 144 находится на хорах, в западной части южной галереи, на южной стене:

[ПЕТ](РЪ) ПСАЛЪ
[ОС]ТРОМНРЪ ДІАКЪ

По странной случайности в обеих надписях не сохранилось начало всех строк, но восстановить их по сохранившимся буквам нетрудно: «Петр писал, Остромир дияк».

В граффити № 143 в конце более мелким и небрежным почерком добавлено: «аминь». Обе надписи написаны четким уставом XI—XII вв., но первая тщательно выполнена красивыми буквами двойного контура, находящимися близкие аналогии в надписях на новгородских кратирах³³¹,

а вторая — обычным почерком. Начертания букв и в той и в другой надписи характерны и для XI и для XII в., в слове «писал» слабый *h* отсутствует.

Надписи сделаны в разной манере и отличаются правописанием (в первой из них в соответствии со старославянскими нормами ДНІКЪ, во второй — ДІАКЪ). Но, очевидно, упоминается в них одно и то же лицо — дьяк Петр. К кому же относится имя Остромир? Можно предположить, что Остромир — второе, языческое имя Петра. К этой мысли склонялся В. И. Шляпкин, который упоминает об этой надписи в одной из своих лекций³³³. Но в первой из них, более тщательно и грамотно выполненной, на конце второго имени отчетливо читается *h*. «Остромир» — притяжательное прилагательное от имени Остромир. В таком случае надпись должна переводиться так: «Петр писал, дьяк Остромира».

Во втором граффити на конце этого слова вместо *h* написан *ъ*. Это обстоятельство может объясняться графическим неразличением *h* и *ъ*, которое свойственно и некоторым берестяным грамотам XI в., где оба глукх изображаются одной буквой *ъ*³³⁴.

Если правомерен такой перевод надписи № 143, то в Петре нужно видеть дьяка — должностное лицо при Остромире.

По источникам более позднего времени (с XV в.) известно, что дьяки — чиновники, ведающие канцелярией, занимали видное место и в государственном и в архиерейском управлении³³⁵. В XVI—XVII вв. во главе канцелярии новгородского владыки стоит «архиепископлъ дьяк», в подчинении у которого находится несколько подьячих. Два дьяка и несколько подьячих работали под началом казначея Софійского дома³³⁶, но в это время дьяки, и архиерейские и княжеские, уже люди светские, чиновники.

Н. Каптерев высказал мнение, что должность дьяка впервые появилась у князей, которые брали себе секретарей из церковных дьяков — грамотеев и знатоков законов, государственных и церковных. Затем эта практика была принята и архиереями³³⁷.

Теперь трудно сказать, появились ли дьяки в качестве писцов впервые при светских или духовных феодалах. Но очевидно, что первоначально эти дьяки, исполнявшие определенные обязанности писцов, одновременно были лицами духовными.

Петр, упоминаемый в граффити № 143 и 144, и был, очевидно, дьяком (лицом духовным), исполняющим обязанности писца-секретаря при Остромире. Таким образом, по этим надписям мы можем заключить, что дьяки, ведающие делами, появились уже в XI—XII вв.

Среди граффити Софии Киевской также имеются две надписи, датируемые XII в., в которых упоминается «Иван, дьяк Давыдов». С. А. Высоцкий считает, что они оставлены писцом-профессионалом, который мог состоять при каком-либо из князей, носивших имя Давид, например: Давид Свято-славич, Давид Ростиславич или Давид Игоревич³³⁸.

Остромир, дьяком которого был Петр, очевидно, лицо светское. Остромир — чрезвычайно редкое имя. Нам известен только один Остромир (Иосиф), бывший посадником в Новгороде в 1054—1060 гг.³³⁹ В древней-

ший период князья и посадники не правили вместе, и Остромир являлся наместником киевского князя на новгородском столе³³⁹. Вполне допустимо, что у него был и дьяк, который ведал канцелярией. В таком случае можно предполагать, что Петр, упоминаемый в надписях, и был этим дьяком при посаднике Остромире.

К сожалению, разночтения в надписях № 143 и 144 заставляют очень осторожно отнестись к такому предположению. В их графике отсутствуют черты, которые позволили бы с уверенностью отнести надписи к середине XI в. Кроме того, такой датировке противоречит отсутствие слабого *h* в слове «писал». Датированные надписи писцов, в которых это слово написано через *ψ* (что также предполагает утрату редуцированного), относятся к концу XI в. Это подписи писца новгородской минеи 1096 г. Григория³⁴⁰ и «отрочька Дмитра» в граффити о перенесении раки Андрея Всеволода Ярославича в киевском Софийском соборе (1033 г.)³⁴¹. Из недатированных памятников XI в. такая приписка имеется в Саввиной книге. В новгородской минее 1097 г. встречено «напсав» (л. 94а)³⁴².

Среди граффити Новгородской Софии имеются три, датируемых косвенными данными серединой XI в., в которых этот глагол написан через *ψ* (см. № 18, 21 и 142). Но примеры двух записей не могут быть показательными, так как одна из них (№ 142) сделана греком, а художник Георгий, оставивший подпись № 18, также мог быть нерусского происхождения. Более показателен пример граффити № 21, написанного русским художником.

Данные рукописей позволяют предположить, что написание этого слова через *ψ* или через *Π* не всегда отражает утрату слабого редуцированного. Как известно, буква *ψ* служила в греческом письме для обозначения сочетания *Π* и в русском письме применялась лишь в немногих словах, в основном богослужебного пользования, заимствованных из греческого. В позднейших русских текстах имеются рекомендации, какие слова писать через эту букву: «Везде пса пиши покоем, а не псями, яко же нецый грезят: кое общение псу со псалмом?»³⁴³. Очевидно, на написание «псал» через *ψ* влияли такие греческие слова, как «псалом», «псалтырь». В этом убеждает анализ некоторых написаний Изборника Изяслава 1073 г. В его тексте встречается *ψ* в таких словах, как *ΨΑΛΜΟΥΣ* (л. 204), *ΕΠΙΨΟΝΙ* (л. 172, 240)³⁴⁴. Но наряду с этим имеются и отступления, в которых отразилось русское произношение писца, например: *ΠΨΑΛΜΟΥΣΥΝΗΧΤ* (л. 220)³⁴⁵. Точно так же наряду с *ΠΨΑΛΜΟΥ* (л. 130)³⁴⁶ имеется *ΨΕΠΛΜΟΥ* (л. 2)³⁴⁷.

Очевидно, стремление правильно передать сочетание *Π*, не свойственное для русского языка того времени и часто произносившееся как *Π*, через *ψ* порождало и то, что некоторые русские сочетания *Π* также передавались посредством этой буквы. Это вызывало, в свою очередь, появление *Π* даже в тех случаях, когда *h* еще присутствовал в речи.

Таким образом, отсутствие *h* в слове *ΠΨΑΛΜ* или написание его через *ψ*, возможно, не всегда отражает фонетические нормы, особенно в письме людей, знакомых с церковной литературой.

Этим может объясняться и отсутствие слабого Ь в подписи дьяка Петра.

Однако для безоговорочной датировки надписей № 143 и 144 серединой XI в. и отождествления Остромира, упоминающегося в них, с именем летописного посадника все же нужны дополнительные данные. Нельзя исключить возможности, что эти подписи упоминают неизвестного нам Остромира, жившего несколько позднее или дьяка Петра—Остромира, хотя это предположение и не находит подтверждения в других источниках.

Но независимо от того, отождествляется ли Остромир с летописным посадником или нет, граффити № 143 и 144 из Новгородской Софии и две надписи из собора Софии в Киеве позволяют утверждать, что должность дьяков-секретарей при князьях или посадниках или других важных лицах появилась еще в XI—XII вв.

Надпись № 145 (рис. 77) начерчена на центральном столбе лестничной башни, между третьей и четвертой площадкой. Она сильно повреждена выбоинами и рисунком креста, не имеющего отношения к надписи. Кроме того, утрачена часть штукатурки с началом всех строк. В лучшем состоянии это граффити представлено на фотографии из архива И. А. Шляпкина ³⁴⁸. Помимо фотографии сохранилась еще прорись этой надписи на кальке ³⁴⁹. Сопоставление фотографии, прориси и современного вида надписи позволяет прочесть ее полностью:

[Р]АД[Ъ]КЕ] ХОТЪКЕ
[ВН]ЮВНДЕ ВИТОМИРЕ
[ВН]ПНАН ЛАГЪВНЦЮ СЪД[Е]
[А] ЖГРНЪМЪ ПОВЕАТНЕМ[Ъ]
[А] БЛАГОСЛОВ(Н)Н БЪ ОЖЕ [Н](Ъ) КЪДА
[А]МОЖ БЪ КЪДА(Н) СПСЕ(НЖЕ)
(А)МНЪ

Радке, Хотке (Хот, Хотен), Сновид — имена, известные нам по летописям ³⁵⁰, Витомир в русских письменных источниках не встречен, но имена на «мир» известны, например Творимир, Остромир и т. д. Имя Витомир известно в Польше ³⁵¹. Все четыре имени представлены в звательном падеже.

ЛАГЪВНЦА — чаша, сосуд, «оплетен сосуд вина» ³⁵². «Угрин» — венгр, прозвище по национальности или имя, происходящее от этого прозвища. В XI в. нам известны три брата Угрина — Георгий, Моисей и Ефрем ³⁵³.

Перевод первых четырех строк сомнений не вызывает: «Радко, Хотко, Сновид, Витомир испили лаговицу здесь, повелением Угрина».

В пятой строке сначала читается: «да благослови и бог». «И» может быть указательным местоимением мужского рода в винительном падеже — «его», т. е. «да благослови его бог». Далее следует «оже», в настоящее время хорошо сохранились первые две буквы этого слова и часть третьей, но эта третья буква Ё отчетливо читается на прориси. Следующие буквы повреж-

дены выбоиной. На прориси в этом месте ясно видно НЪ, на фотографии сохранилась петля от буквы Ъ. Последнее слово этой строки читается без помощи прориси: БЪДЯ. Таким образом, конец четвертой строки при помощи прориси восстанавливается так: ОЖЕ НЪ БЪДЯ. ОЖЕ — средний род местоимения ИЖЕ — «которое, то что, что»³⁵⁴. НЪ — личное местоимение множественного числа в винительном падеже, БЪДЯ — аорист. Таким образом, всю фразу можно перевести так: «да благослови его бог и то, что он (Угрин) нам дал». Но следующая фраза: «а ему бог вдаи спасение, аминь» — заставляет предположить, что Н после слова «благослови» удвоено по ошибке. Скорее всего перевод окончания надписи такой: «Да благослови бог то, что нам дал. А ему (Угрина) дай спасение. Аминь».

Н с горизонтальной перекладиной, расположенной посредине буквы, буква Н напоминает латинскую: перекладина от самой верхней точки левой мачты идет к самой нижней точке правой мачты. Нижние петли букв Ъ и Ь имеют или симметричные треугольные петли, или правая линия имеет вид правильной дуги. Эти признаки являются характерными для устава XI—XII вв.³⁵⁵ Буква Ъ целиком уместается в строке, а коромысло ее лежит ниже уровня строки. Это типично для XI в.³⁵⁶ В надписи употреблен Ж, что также датирует ее не позже первой половины XII в.³⁵⁷ Буква Ж симметрична, но, если судить по фотографии, написана в пять приемов. Изучение начертания этой буквы в натуре позволяет утверждать, что она написана в три приема: центральный стержень, дуга вверху, дуга внизу, что также является признаком XI—XII вв.³⁵⁸

Следует также отметить последовательное сохранение слабых Ъ и Ь (БЪДЯН, ЛЯГЪЕНЦЮ, БЪДЕ). В почерке автора надписи № 145 трудно отличить Ъ от Ь, так как его особенностью являются отчеркивания верхней части букв горизонтальным штрихом. Такие ограничительные штрихи наряду с буквами Я, М, А, Е имеет и Ь, что делает ее похожей на Ъ. Однако, если сравнить эти знаки в словах БЪДЕ и БЪДЯН, то нетрудно заметить разницу. Центральная линия Ъ пишется с большим наклоном вправо и имеет больший ограничительный штрих. Это же различие прослеживается и в окончании ЪМЬ — ЖРННЪМЬ, где первый знак должен означать Ъ, а последний Ь с ограничительной верхней чертой. Наличие такого окончания в творительном падеже единственного числа является особенностью, отличающей древнерусский язык от старославянского языка болгарского извода, распространенной в русских памятниках XI—первой половины XII в.³⁵⁹

Эти наблюдения позволяют утверждать, что в речи автора надписи сохранились слабые Ъ и Ь и что он различал их в письме. Это обстоятельство и палеографические признаки позволяют датировать надпись XI в. (с учетом даты постройки Софии — второй половиной XI в.). Отсутствие христианских имен в надписи также является косвенным доказательством ее древности.

Содержание надписи необычно. Несколько человек по повелению Угрина «испили» чашу с вином на лестнице храма, после чего на стене была сделана благочестивая надпись. Это заставляет вспомнить обряд

коллективных пиров, так называемых «братчины». Братчины, несомненно связанные с языческим мировоззрением, продолжали бытовать и после принятия христианства. По этнографическим данным известны братчины «скотоводческие, земледельческие, пчеловодческие и охотничьи». Обязательной частью этих общинных праздничных пиров являлся обрядовый напиток — мед или пиво, причем иногда употреблялся один общинный ковш, из которого все участники пили по очереди ³⁶⁰.

В Новгороде археологически прослежен с X по XIV—XV в. обычай так называемой «строительной жертвы», также сопровождавшейся братчинным пиром ³⁶¹.

Следами таких «строительных жертв» является найденное в слоях середины X в. в Новгороде погребение девяти деревянных ковшей и двух полукруглых кусков воска ³⁶². Наиболее полно обряд строительной жертвы сохранился в погребении, обнаруженном в Новгороде в 1964 г. На усадьбе, примыкающей к древней Ильиной улице, в слоях XI в. найдено погребение конской головы, жертвенные сосуды, целой конской туши и воска. Это ритуальное жертвоприношение было очевидно, предпринято первыми поселенцами для освящения места перед началом строительства ³⁶³.

Строительная жертва совершалась также при закладке какой-нибудь постройки, при вселении в новый дом, чтобы «обеспечить» его прочность, охранить постройку и ее обитателей от влияния «злых сил».

Есть основания предполагать, что такие жертвоприношения совершались не только во время закладки здания или при вселении в него, но и во время его постройки, например при сооружении главной балки двускатной крыши. Сохранились сведения, что на ее конец в древнее время прикрепляли не деревянные изображения коньков, а настоящие конские головы ³⁶⁴.

Очевидно, с такими же жертвоприношениями были связаны и постройки христианских храмов: при разборке одной из церквей XII в. в специальной нише под церковным порогом были найдены скелет петуха и яйцо ³⁶⁵.

Возможно, что коллективная трапеза, предпринятая на лестнице Софийского собора, была совершена при каком-нибудь важном этапе строительных работ, когда строители, «испив лагвицу», исполнили старый языческий обычай, чтобы обеспечить успех дела и прочность постройки. Датировка надписи № 145 не противоречит такому предположению, но среди известных нам имен строителей имена участников трапезы отсутствуют. Кроме того, братчинным пиром сопровождались не только «строительные жертвы», но и выходы на коллективную рыбную ловлю, охоту и т. д. ³⁶⁶ Возможно, что коллективная трапеза была совершена в Софийском соборе перед каким-либо важным и опасным поручением, которое предстояло ее участникам.

Можно лишь предположительно судить о конкретной причине, которая вызвала появление надписи № 145 на стене лестничной башни. Но ясно, что в основе события, о котором сообщает эта надпись, лежит тот же языческий обычай коллективной братчины, претерпевший, однако, значительную трансформацию под влиянием христианской религии. Так, тради-

ционное пиво или мед были заменены привозным церковным вином, а моление с просьбой благословить трапезу обращено к христианскому богу. Сохранение языческих обычаев под внешней оболочкой христианства было особенностью христианской религии на Руси не только в XI в., к которому относится надпись № 145, но и в более позднее время.

Надпись № 146 (рис. 78) находится на стене лестничной башни, на высоте около 140 см от уровня третьей лестничной площадки. Она прочерчена по цементной штукатурке крупными, глубоко врезанными буквами (длина надписи около 25 см).

КЪ РОУГЪ
ОБЕНЪЕЪ :Є: КОУНЪ
И ВЕСН(ОУ)СЪ КОУН(Ъ)

Петли Ъ, Ь геометричны, Ъ целиком уместается в строке, что типично для XI в. и изредка встречается в первой половине XII в. Для датировки надписи важна форма Р с головкой в виде прямоугольного треугольника, прямой угол образуется при соединении головки и верхней точки мачты. Близкая форма Р с головкой в виде прямоугольного равностороннего треугольника уже встречена в надписи, очевидно датирующейся серединой XI в. (№ 22), а также в граффити № 45 (до 1108—1112 г.). Можно предполагать, что такая форма была характерной для древнейших русских памятников, так как аналогичные начертания Р, но уже с выходящей за уровень строки мачтой, имеются в подписи Анны Ярославны³⁶⁷, а также (наряду с Р с округлой головкой) в Остромировом евангелии и Изборнике 1076 г.³⁶⁸

Для рукописных памятников более позднего времени эта форма исследователями не отмечается. Но в берестяных грамотах такое Р встречается гораздо чаще. Оно известно в 15 грамотах, имеющих стратиграфическую дату (№ 8³⁶⁹, 83³⁷⁰, 115, 120³⁷¹, 198, 215, 221, 227, 231, 238, 240, 241, 243, 286, 296³⁷²). В четырех грамотах (№ 215, 221, 243, 286) такая форма встречена один раз наряду с другими четко выраженными формами. Очевидно, появление ее в этих грамотах случайно и может быть вызвано особенностями начертания букв на бересте. По-видимому, также случайны единичные начертания Р с прямоугольной головкой в грамотах № 235 (середина XII в.) и № 356 (XIV—XV вв.), которые не имеют стратиграфической даты. Остальные грамоты распределяются по ярусам следующим образом: четыре (№ 83, 120, 238, 241) — 20—21-й ярусы (рубеж XI—XII вв.); шесть грамот (№ 8, 115, 227, 231, 240, 296) — с 15-го по 18-й ярус (вторая половина XII—рубеж XII—XIII вв.) и одна (№ 198) — 12—13-й ярусы (1268—1299 гг.).

Таким образом, Р с прямоугольной головкой особенно часто встречается в грамотах рубежа XI—XII вв. или в конце XII—рубеже XII—XIII вв., но эпизодически может появляться иногда и в грамотах другого времени. Бытование этой формы в древнейших грамотах XI—XII в. закономерно: очевидно, это продолжение древней письменной традиции. Что же касается

распространения этой формы в конце XII—начале XIII в., то оно объясняется другими причинами, о которых будет упомянуто ниже (см. комментарий к надписи № 202).

Анализ графики этой надписи не дает оснований датировать ее временем более поздним, чем XII в.

Руга — плата, церковное имущество, жалование и содержание церковного причта³⁷³. Например: «Се яз, князь великий. . . пожаловал есми попа Ивана. . . велел есми ему давати руги с году на год по два рубли денег да пятнадцать четвертей ржи» (Ружная грамота Кресто-Воздвиженской церкви в Устюжне Железопольской 1521 г.)³⁷⁴. **ОСЕНЬСЬ, ВЕСНОУСЬ** — «в эту осень, в эту весну»³⁷⁵. В современных севернорусских диалектах «веснусь», «зимусь», «летось», «осенесь» означают: пропущую весну, зиму и т. д.³⁷⁶ Очевидно, и в надписи № 146 имеется в виду прошедшая осень и весна текущего года.

Перевод надписи: «В руге в эту осень 5 кун, а весной кун. . .». Надпись не окончена, так как число кун, полученных весной, не указано. Очевидно, эта запись была сделана осенью, когда размер весенней руги был еще неизвестен. Таким образом, граффити № 146 сообщает о получении руги дважды в год: весной и осенью³⁷⁷. Надпись очень кратка. Можно предполагать, что записан размер руги людей из причта Софии, но не указано, какой категории состоящих в Софийском причте людей выплачивалась такая руга. Возможно, в зависимости от сана (священники, дьяконы, причетчики и т. д.) колебался и размер руги.

Палеографически надпись датируется XI—XII вв. В таком случае можно предположить, что счет в надписи ведется по общерусской системе, зафиксированной в Русской Правде, а именно в краткой редакции, где куна равна двум резанам (гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам)³⁷⁸. В пространной редакции, составленной на рубеже XII—XIII вв., куна уменьшена вдвое и равна по величине резане³⁷⁹.

Приняв за основу, что счет в надписи № 146 велся по системе, получившей отражение в краткой редакции Русской Правды, можно приблизительно вычислить действительную ценность денежной руги, которую получал Софийский причт. По нормам Русской Правды (краткая редакция) штраф в пользу князя за кражу теленка — 5 резан (2,5 кун), за овцу — 2,5 резаны, за барана — 2,5 резаны. Очевидно, действительная стоимость скота была выше: в статьях о резе по Карамзинскому списку овца оценена в 6 ногат (15 резан, или 7,5 кун по счету краткой редакции)³⁸⁰.

Руга, которую получал Софийский причт, составляла около 10 кун в год, если считать, что весной выплачивалась приблизительно такая же сумма, как и осенью. Таким образом, ее размер лишь немного превышал стоимость овцы. В то же время сумма выплаты вирнику за неделю, в которую он собирал пошлыны, по нормам краткой Русской Правды равнялась 15 кунам³⁸¹.

Совершенно ясно, что руга в 10 кун не могла составлять все содержание за год для Софийского причта. Очевидно, это лишь небольшая денежная прибавка к натуральному содержанию.

Надпись № 147 (рис. 79) процарапана по цемяночной штукатурке лестничного столба между третьей и четвертой площадками. В настоящее время она повреждена насечками под новую штукатурку. Но сохранившаяся прорись В. В. Сулова позволяет полностью восстановить утраченные буквы: МОУ[Т]УТ[И] В[Ъ] Б[Ъ]ДЪ ПЬСЯЛЪ (Мутята в беде писал). Такое имя по письменным источникам не известно, но встречено отчество Мутитичь (XVI в.)³⁸².

Петли букв Ъ, Ь, Ъ геометричны. В обоих случаях Ъ целиком умещается в строке. В слове ПЬСЯЛЪ сохранился слабый Ь. Все эти признаки позволяют датировать надпись XI—XII в.

Этот автограф аналогичен надписям № 22 и 217. Очевидно, такая надпись приравнивалась к молитвенной.

Надпись № 148 находится на столбе лестничной башни несколько выше второй площадки (рис. 80):

ХОТЪНЪ ПЛЪ

ОУ НА КЪЗ...

«Хотен писал. . . у на (воздвижение?)». Надпись не окончена. Имя Хот, Хотен известно и по летописям, и по былинам³⁸³, а также упоминается в граффити № 145. Сохранение сильных и слабых глухих, так же как и геометрический стиль почерка, датируют ее XI—XII вв.

Надпись № 149 находилась на штукатурке оконного проема на лестнице, несколько ниже надписей художников³⁸⁴. В настоящее время не сохранилась. Это автограф (см. рис. 9):

ЖИРЪ

ТЯ ПСЪ

(Жирята писал). Титла на фотографии не видно. Имена с окончанием на ЖНР были широко известны в Новгороде (см. комментарий к надписи

† ЖНР^

† ПС. 2

Надпись 149

№ 19). В данном случае это основа имени. В польских источниках известны имена Жуго, Жуга³⁸⁵. Ж из трех пересекающихся линий, Н с горизонтальной перекладиной.

Надпись № 150 зафиксирована той же фотографией, что и предыдущая. В настоящее время утрачено. Это одно слово (см. рис. 9):

НОЗЕ.

Возможно, это молитва об исцелении ноги. Для палеографической датировки данных мало. Можем отметить **З** с большим навесом и длинным хвостом, типичное для XI—XII вв.³⁸⁶

Надпись 150

№ 36

Надпись № 151 в настоящее время не сохранилась. В архиве И. А. Шляпкина находится фото клише этой надписи³⁸⁷ и прорись³⁸⁸, на которой указано местонахождение надписи — лестница. Надпись состоит из одного слова (см. рис. 81): **РОЖДАМЪ**.

Очевидно, это имя писавшего. В польских источниках встречается аналогичное имя Rozdal³⁸⁹.

Звездообразное **Ж** позволяет отнести граффити к XI—XII вв.

Надпись № 152. Находится на откосе окна лестничной башни (рис. 82).

**СТЕФАНЪ
ПЬСАЛЪ СТРА
СТЪНЕНЪ ДЪ
ЛЪ КЪ ПОНЕДЪ
ЛЪНЪКЪ**

(Стефан писал на страстной неделе в понедельник). Почерк надписи отличается от почерка, которым выполнены надписи художника Стефана. Петли **Ъ**, **Ъ**, **Ъ** имеют четкую треугольную форму, **Р** с прямоугольной головкой, несколько выходящее в нижнее межстрочное пространство. Такие же остроугольные петли имеет **Е**. Это обстоятельство отличает почерк автора граффити № 152 от почерка художника Стефана, характерной особенностью которого является округлость петель. В слове **ПЬСАЛЪ** сохраняется слабый **Ъ**, отсутствующий в этом слове в надписях художника. Таким образом, нет оснований относить и эту надпись художнику Стефану. Четкий, геометрический стиль почерка, сохранение слабого **Ъ** датируют надпись XI—XII вв.

Надпись № 153. Находится на том же откосе окна, что и предыдущая (рис. 83): **ИВАНЪ ПЛАЪ ДМИТРИНЪ ГРЪШЪНОЮ РОЖКОЮ**. Петли **Ъ**, **Ъ**, **Ъ** геометричны, **Н** с горизонтальной перекладиной, расположенной посередине буквы, **Н** в виде латинского, **Р** с прямоугольной головкой целиком уместается в строке. Перекладина **Ъ** ниже уровня строки, а мачта лишь очень незначительно выходит в верхнее межстрочное пространство. Перечисленные палеографические особенности надписи позволяют датировать ее XI—первой половиной XII в. Иван Дмитриевич — новгородец, о чем говорит характерная для новгородского диалекта мена **ч** на **ц** в отчестве.

Надпись № 154. Прочерчена рядом с надписью Ивана Дмитриевича (рис. 84):

ГЛѢБѢ ЧѢ
ГРЕШѢНОУ

(Глеб писал грешный). Петли Ъ, Ь геометричны, Н с горизонтальной перекладиной, но наклонная перекладина П кончается приблизительно посередине правой мачты. Б архаично, с большим навесом и треугольной петлей, занимающей половину высоты буквы. Перекладина Ъ в имени находится на уровне строки, в слове «грешный» расположена значительно ниже. По палеографическим особенностям надпись датируется XI—XII вв.

Надпись № 155. В настоящее время утрачена. В архиве И. А. Шляпкина сохранилась прорись надписи, где указано и ее местонахождение — лестница³⁹⁰ (рис. 85):

ЯКОВѢ ЧЛѢ
(К)Н(Л)ЗЛ (М)Н(Л)УН
(О)Т(Р)...
КЪ — МОУНѢ

Легко читается только первая строка: «Яков писал». Буква Ъ в начале ее — очевидно, ошибка копировщика, изобразившего крест в начале надписи как Ъ. Во второй строке читается КНЛЗЛ, следующее слово неясно. Здесь могло быть написано или имя князя, или указание на «должность» Якова при князе. Однако ни одно из имен новгородских князей XI—XII вв. к сохранившимся буквам не подходит. Возможно, следует читать МНЛУН. От буквы М сохранилась правая мачта, причем расстояние между этой мачтой и предыдущей буквой Л как раз достаточно, чтобы здесь поместилась буква М. Остальные буквы Н, Л, Ъ читаются на прориси. «Милый» употреблено в этой надписи в значении «жалкий»³⁹¹.

Таким образом, граффити № 155 переводится так: «Яков писал, князя жалкий (отрок? — младший дружинник)»³⁹². Но если для чтения слова «милый» основания есть, то настаивать на чтении «отрок» затруднительно. Однако сохранившихся слов достаточно, чтобы предположительно отнести Якова к числу людей из княжеской администрации или дружины.

Насколько можно судить по прориси, петли Ъ, Ь треугольны, Н и М с горизонтальной перекладиной, расположенной посередине буквы. Эти особенности позволяют отнести граффити к XI—XII вв.

Надпись № 156 находилась несколько ниже предыдущей, зафиксирована на той же прориси (рис. 85). Чтение ее сомнений не вызывает:

ИВАНЪ ЧЛѢ
И ПЕТР(ОЕ)Ъ
ДНѢ

(Иван писал на Петров день).

! Правильные треугольные петли Ъ, Ь, Н с горизонтальной перекладиной, И, в виде латинского позволяют отнести эту запись к XI—XII вв.

НАДПИСИ ИЗ ТАЙНИКОВ: В Софии Новгородской были предусмотрены специальные помещения для хранения церковной казны и ценностей — тайники, которые замуровывались в случае опасности. Четыре таких небольших помещения находятся в стене лестничной башни Софии, два главных тайника скрыты под полом в северо-восточной и юго-восточной частях хоров. Хотя вход в эти тайники был доступен лишь ограниченному кругу лиц, в некоторых из них также имеются надписи, процарапанные по цементной штукатурке.

Несколько надписей находятся на стенах тайника, расположенного в стене лестничной башни на уровне второй площадки. Слева от узкого входа в тайник на высоте около 140 см от уровня пола площадки находится следующая надпись № 157 (рис. 86):

ДАЛЯТА ПЪСАЛЪ

(Далята писал). Имя Далята по письменным источникам неизвестно. Надпись выполнена четким уставом XI—XII вв. Петли Ъ геометричны, Д обведено двойным контуром, конечное Ъ в слове ПЪСАЛЪ написано несколько выше из-за трещины, которая уже существовала в то время, когда писалась надпись.

Далята, очевидно, имел право входить в сокровищницу Софийского собора и в одно из своих посещений оставил эту надпись. Им же сделана еще одна надпись № 158, сохранившаяся лишь на фотографии³⁹³ (см. рис. 87). На кальке, снятой с этой надписи, сохранилось указание: «западная стена». Очевидно, имеется в виду западная стена хоров. Это граффити почти полностью повторяет предыдущее:

ДАЛЯТА ПЪСАЛЪ СЛОВА

Ниже находятся две заглавные буквы Е в разных орнаментальных решениях, выполненные на профессиональном уровне. Сравнение почерков, так же как и имя, убеждает, что обе надписи написаны одним и тем же человеком. В отличие от первого автографа Далаты во втором в слове ПЪСАЛЪ написан Ъ, что говорит о неразличении Ъ и Ь на письме. Буква Е симметрична и имеет равновеликие верхнюю и нижнюю петли. ! Палеографические признаки, сохранение слабого Ь датируют надписи Далаты XI—XII вв. Профессионально выполненные «буквицы» позволяют предположить, что в обязанности Далаты помимо присмотра за казной входила и переписка книг.

В том же тайнике напротив входа находится автограф еще одного хранителя церковных сокровищ (надпись 159, рис. № 88): ПЪСАЛЪ БЪЛАТЪ.

Рядом начерчен крест и рисунок человека, ниже процарапано изображение зверя (барса?) в момент прыжка (рис. 89 и стр. 166). Очевидно, и Былята имел какое-то отношение к переписке и оформлению книг.

Возможно, в этом тайнике хранились и книги, представлявшие по тем временам большую ценность, наряду с иконами, драгоценными одеждами и церковной утварью ³⁸⁴.

Геометрические петли у **Ъ** и **Ы**, сохранение слабого **Ь**, обозначенного посредством **Ъ**, и этот автограф датируют XI — первой половиной XII в.

Слева от входа на высоте около 120 см находится коротенькая надпись из одного слова (*№ 160*, рис. 90): **ТИТЪ**. Конечное **Ъ** прочерчено двойным контуром. Неясно чтение предпоследней буквы. Это не **П**, как может показаться с первого взгляда, а **Т**, у которого центральная линия выполнена двойной чертой. Слово «татъ» означает «вор, грабитель» ³⁸⁵. Трудно считать это слово автографом грабителя. Буквы записи очень близки к почерку Даяты. Очевидно, и эта надпись — дело рук Даяты, обругавшего похитителя или просто озабоченного сохранностью доверенных ему ценностей. Возможно, это прозвище Даяты или какого-нибудь другого человека.

В тайнике, находящемся под полом в северо-восточной части хоров, имеется надпись *№ 161* (рис. 92), процарапанная по северной стене тайника на высоте около 190 см от его пола:

**ГН ПОМОЗН РАБОУ СВОЕМОУ ГЕРЬМИ
НОУ**

(Господи, помози рабу своему Герману). Это граффити процарапано ровным, четким почерком.

Геометрические петли букв **Ь**, **Ъ**, **Н** с горизонтальной перекладиной, **Н** — тождественное латинскому, **Ъ** — целиком умецающееся в строке, датируют эту надпись XI — первой половиной XII в. ³⁸⁶

В Новгороде в конце XI в. (1077—1095 гг.) ³⁸⁷ был епископ Герман. Возможно, что эта красивая и грамотная надпись в тайнике, доступ в который имели лишь очень немногие лица, оставлена самим епископом. Но дополнительных данных, которые позволили бы подтвердить это предположение, нет, тем более что Герман назвал себя «рабом божьим», что не обязательно для лиц высокого духовного сана ³⁸⁸.

НАДПИСИ НА ЦЕМЯНОЧНОЙ ШТУКАТУРКЕ МАРТИРЬЕВСКОЙ ПАПЕРТИ. Сохранилось летописное свидетельство, что в 1144 г. «исписаша честно притворы вся в святей Софии, в Новгороде, архиепископом Нифонтом» ³⁸⁹. Поэтому было бы естественно датировать надписи, процарапанные по цемяночной штукатурке Мартирьевской паперти, временем от построения собора до росписи притворов в 1144 г. Однако исследование живописи, сохранившейся в этой паперти, показывает, что это летописное сообщение о росписи притворов не имеет отношения к фрескам Мартирьевской паперти. Сохранившиеся фрагменты фресок относятся к самому концу XII в. (1195—1196 гг.) ⁴⁰⁰. Поэтому надписи, прочерченные по цемяночной штукатурке Мартирьевской паперти, могут быть значительно моложе надписей по цемяночной штукатурке из центрального помещения Софии.

Надпись № 162 процарапана по первоначальной штукатурке (цемянке) восточной пилястры северной стены галереи, приблизительно на уровне современного пола (рис. 91):

ПОМН
ЛОЖН М(Е)НГ ГРѢ[ШЬНН]
КѦ

(Помилуй меня, грешника!). Окончание второй строки повреждено, но слово «грешника» восстанавливается легко. Ъ целиком уместается в строке, перекладина Н доходит до нижнего конца правой мачты, Р, почти целиком уместающееся в строке, имеет маленькую прямоугольную головку. По-видимому, надпись не моложе конца XI—рубежа XI—XII вв.

Надпись № 163 (рис. 93) процарапана там же, на 20 см ниже уровня современного пола. Это плохо сохранившийся отрывок:

ГН ПО[МО]ЗН РЛЕЖ
ЕМЖ — П(НГ)ГЖ
ГРѢ[Ш]ЬННМЖ

(Господи, помози рабу своему... грешному). Имя прочтению не поддается.

Петля Ъ имеет четкую треугольную форму, перекладина Н горизонтальна, Я (во второй строке) имеет маленькую треугольную головку и длинную наклонную правую черту. Все эти признаки, так же как и пять раз написанное ОЖ вместо Ж, датируют надпись № 163 не позже первой половины XII в.

Ниже этой надписи — еще один отрывок (надпись № 164, рис. 93), возможно, продолжение предыдущей надписи, но выполненный четкими буквами, обведенными двойным контуром: ...НѢГЬАТЬ ПГ (... негод писал?). Отрывочность надписи не позволяет восстановить ее смысл и дает мало материала для палеографической датировки. Но общий четкий геометрический стиль почерка также датирует ее XI—XII вв.

На том же столбе несколько правее и ниже находится фрагмент еще одной надписи (№ 165, рис. 94). Она повреждена изображением креста. Можно различить: ОРѢК...АТЬ ПГ. Имя не читается.

П типичной для надписей-граффити формы, петли Ъ геометричны, Р с маленькой остроугольной головкой целиком уместается в строке.

Надпись № 166 (рис. 95) процарапана на том же столбе, что и предыдущие, на 50 см ниже уровня современного пола:

ПЕТРЪ ПГ

(Петр писал). Краткость надписи также вынуждает ограничиться ее архитектурно-стратиграфической датировкой (XI—XII вв.).

На той же восточной пилястре на уровне 140 см от современного пола процарапана еще одна надпись № 167 (рис. 96).

Г҃О ПОМОЗН РА(Б)ОУ СВОЕМОУ
ФЯ(Р)ЪМИНОУ ГЛЕБОВОУ О(Т)РОКОУ(Ъ)

(Господи, помози рабу своему Фарьману (?), Глебову отроку). По местоположению надпись датируется XI—XII вв. Палеографическая дата аналогична архитектурно-стратиграфической. В этом убеждает Н с горизонтальной перекладиной, геометрические петли К и Б, Я с остроугольной головкой и равновеликой ей правой частью и т. д.

Слово «отрок» в древнерусском языке употреблялось в нескольких значениях: дитя, юноша, слуга, помощник при должностных лицах, а также княжеский дружинник⁴⁰¹. В XI—XII вв. имя Глеб известно преимущественно как княжеское. Сочетание «Глебов отрок» должно означать «дружинник князя Глеба».

В Новгороде в XI—XII вв. по свидетельству летописей были всего лишь два князя Глеба. В XI в. (1069—1070 гг.) в Новгороде княжил Глеб Святославич, тмутараканский князь, с именем которого связывается надпись на известном Тмутараканском камне (1068 г.)⁴⁰².

В XII в. (1137 г.) в Новгороде был с дружиной курский князь Глеб Олегович («Глебко», по летописи), брат новгородского князя Святослава, призванный им для совместных действий против Пскова⁴⁰³.

К сожалению, ни палеография надписи, ни ее местоположение не могут помочь выяснить, о каком из этих князей упоминается в надписи № 167. Имя Фарьман по другим источникам не известно. Имя Глеб Фарьман написал через Б, хотя известно, что оно писалось через Ё (так оно написано и в надписи на Тмутараканском камне). Это написание свидетельствует скорее в пользу датировки надписи 1137 г., хотя отдельные случаи написания Б вместо Ё известны по новгородским минеям конца XI в.⁴⁰⁴

Во всяком случае, надпись № 167 оставлена княжеским дружинником Фарьманом или в 1069—1070 гг., или в 1137 г.

ПОМЕЩЕНИЯ ВТОРОГО ЭТАЖА СОБОРА. *Надпись № 168* (рис. 97) в настоящее время не сохранилась. Она известна лишь по негативам и фотографиям, хранящимся в архиве И. А. Шляпкина⁴⁰⁵. На этих фотографиях представлен участок стены с надписями, среди которых находится и надпись № 168. В архиве В. В. Суслова сохранилась прорись на кальке, снятая с этих надписей⁴⁰⁶. На ней имеется указание, которое помогает установить местонахождение надписей: «вид на северную стену из ризницы, правая сторона». Ризница находилась в южном помещении второго этажа. Второй этаж никогда не расписывался, что подтверждается и разновременными (от XI до XIV в.) надписями, прочерченными по цементной штукатурке стен ризницы.

Надпись № 168 состоит из четырех строк

ГН ПОМО
ЗН РЯБОУ
СКОЕМОУ ЯЯ
УСЕКЛКОУ

(Господи, помози рабу своему Вячеславу).

Переключина Н горизонтальная, симметрично У с округлой чашечкой. чрезвычайно архаично П — с маленькой треугольной головкой и наклонной вправо спинкой. Так же архаично Б с равновеликой верхней и нижней частью ⁴⁰⁷. И верхняя и нижняя части состоят из двух небольших одинаковых треугольников. Такая форма встречена в надписи царя Самуила из Македонии, для которой характерны и «малый масштаб» букв П, Р, Д ⁴⁰⁸. В рукописях, даже древнейших, обычно верхняя половина этой буквы значительно меньше нижней ⁴⁰⁹.

Надпись № 169 (рис. 97) прочерчена несколько правее предыдущей:

(ГН) ПОМОЗН РЯБОУ
СКОЕМОУ (Я)КОВОУ

(Господи, помози рабу своему Якову). Эта надпись выполнена тем же почерком, что надпись № 168. Повторены характерные П, З, Б, Я, ОУ. Такую же архаичную форму имеют начертания П и Я.

В первой из них автор назван Вячеславом, во второй — Яковом. Очевидно, в этих двух надписях названо языческое и христианское имя их автора. Оба граффити начерчены Вячеславом (Яковом) приблизительно в середине XI в., вскоре после построения собора.

Помещения второго этажа, тем более ризницы были недоступны для простого народа. Автор надписей № 168 и 169 мог быть лицом из причта Софии. Но по другим источникам Вячеслав (Яков), живший в середине XI в. в Новгороде, не известен.

ХОРЫ. Надпись № 170. Начерчена на одной из граней северного граненого столба на хорах на высоте около 1,6 м от уровня пола хоров. Это имя, написанное рядом с изображением креста (рис. 98): ГЕОУРГН (Георгий).

О с высокой серединой, петли ее слегка разведены; переключина Н горизонтальна, но расположена несколько выше середины буквы. Если судить по форме омеги, граффити должно датироваться XI—первой половиной XII в. Архитектурные показания ограничивают лишь нижнюю дату временем завершения строительства Софии — 1050 г.

Надпись № 171. Находится на соседней грани этого же столба (рис. 99): ГЕОУР[Г]ЕЕЪ ГНН[Ъ], что, очевидно, означает «Георгиев сын». Середина О уже несколько опущена, переключина Н горизонтальна и находится посередине буквы, но наклонная переключина Н расположена также приблизительно посередине буквы.

Следующие надписи сохранились лишь в прорисях. Почти на всех кальках указано их местонахождение: восточная, южная или северная стена. На большинстве калек указана высота надписей по отношению к полу хоров. Поэтому есть основания считать, что эти надписи находились на стенах хоров или других помещений второго этажа. Часть калек снабжена только указанием на высоту надписей относительно пола хоров, без указания стены. Нередко на одном негативе представлены надписи, находящиеся на разных стенах. В данном случае местонахождение не имеет значения для датировки, так как архитектурные показания ограничивают лишь нижнюю дату надписей 1050 г. Поэтому при датировке приходится в основном полагаться на палеографические данные, несмотря на то что прориси нельзя считать точными.

Надпись № 172 ⁴¹⁰. Находилась на «северной стене». Читается полностью (рис. 100):

О ГН МОН ПО(МН)МОШН: ОУБОГАГО: НОДОСТОННИГО
РІАБІ Т(ВО)ЕГО ПРИПАДІЮШІАГО КЪ ТББЪ

(О господи мой! Помилуй убогаго, недостойного раба твоего, припадающего к тебе!). О вместо Ё в слове «недостойного» — скорее всего ошибка копировщика.

Надпись была, очевидно, хорошей сохранности, поэтому на прориси сохранились характерные черты графики. Надпись выполнена четкими геометрическими буквами, строго вертикальными или наклонными к началу строки, подобно древнейшим надписям Софии Киевской ⁴¹¹. Перекладина Н горизонтальна и расположена посередине буквы, петли Ъ, Б, Ь имеют вид правильных треугольников и занимают приблизительно половину буквы, Ъ оба раза целиком уместается в строке. Архаично Я с маленькой остроугольной головкой, Р с маленькой треугольной головкой целиком уместается в строке. Перечисленные признаки позволяют датировать надпись XI в. (с учетом даты построения собора — второй половиной XI в.).

Графические и языковые аналогии (нестяженная форма причастия, наличие ШТ, этимологическое употребление Ъ и Ь) позволили Т. В. Рождественской предположить, что автор надписи был выходцем из Болгарии или человеком, владевшим старославянским языком ⁴¹². Такое предположение вполне правомерно. Но нельзя согласиться со следующим ее предложением: датировать надпись XI—началом XII в., несмотря на графическую близость к болгарским письменным памятникам X—первой половины XI в.

Основанием для пересмотра датировки послужило высказывание В. Н. Щепкина о том, что в России факты византийской графики отразились с опозданием на столетие ⁴¹³. Действительно, В. Н. Щепкин указывал на такое запаздывание графических форм омеги и крестовидного «пси» ⁴¹⁴. Но несколькими страницами выше В. Н. Щепкин реконструирует русскую кириллицу первой половины XI в., не известную по рукопи-

сям, на основании старославянских, некоторых древнерусских рукописей, списанных с болгарских оригиналов, и греческого литургического устава IX—X вв. По его мнению, кириллице X—первой половины XI в. должны быть свойственны такие особенности, как малый масштаб знаков **Ѧ**, **Р**, **Ц**, **ЦѦ**⁴¹⁵.

Обнаруженные к настоящему времени эпиграфические памятники X — первой половины XI в., несмотря на сравнительную немногочисленность, подтверждают правильность реконструкции В. Н. Щепкина. В этих памятниках (надписи на монетах Владимира и Ярослава, см. надпись из Гнездова, надпись на мече первой половины XI в.,⁴¹⁶ подпись Анны Ярославны) в той или иной мере отразились особенности графики, свойственные и древнейшим старославянским памятникам. Все они не выходят за пределы первой половины XI в., за исключением подписи Анны Ярославны, датированной 1061 г. Такое отклонение вполне объяснимо, если учесть, что Анна Ярославна должна была обучаться грамоте где-то в конце 30-х годов XI в. (известно, что она была выдана замуж за Генриха I в 1049 г.)⁴¹⁷.

Таким образом, надписи с выраженными чертами старославянской графики X — первой половины XI в. являются известным анахронизмом уже во второй половине XI в. и принадлежат скорее всего людям более старшего поколения.

Надпись № 173. Находилась на «северной» стене⁴¹⁸. Сохранилась в отрывках (рис. 101):

[Г]Ѧ Ц(О)МО
(З)Н РѦ(Б)ОѦ БѦОБ
МОѦ [ВѦБ]НѦНѦ

(Господи, помози рабу своему Василию).

Четкий геометрический устав надписи, йотированный **Ѧ** датируют надпись XI—XII вв.

Надпись № 174. Находилась на «восточной» стене⁴¹⁹ (рис. 102):
ГН ПОМОЗН (Р)ѦБѦ БѦОБМОѦ НѦНѦ.

Геометрический устав, которым выполнена надпись, позволяет отнести ее к XI—XII вв. Противоречит, на первый взгляд, такой датировке два раза встретившееся **Ѧ** вместо **ѦО**. В берестяных грамотах такое написание, как правило, появляется с XIII в.⁴²⁰

А. В. Арциховский приводит и исключение из этого правила (грамота № 336 рубежа XI—XII—начала XII в.) и некоторые эпиграфические памятники середины—второй половины XII в.⁴²¹ К ним можно добавить примеры киевских граффити более раннего времени (надпись Ставра около 1118 г., запись Олисы — до 1107 г., автограф Святополка-Михаила — 1093—1113 гг.)⁴²². Поэтому нет оснований датировать надпись № 174 позднее XI—XII вв.

Надпись № 175 находилась на «восточной» стене⁴²³. Рядом с рисунком креста на Голгофе и монограммами ІЄ [X]Є НН КІ читается шестистрочная надпись (рис. 103):

Ц[О]МОЗН
Г[А][Н] П[О]МО
ЗН ПР[ЪХ]НЄПН
ЄКЖНЖ ОТЬЦЖ
Н[Я]ШЪМЖ
АМННЪ

(Помози, господи, помози архиепископу, отцу нашему).

Геометрический устав надписи, пять раз повторенный Ж датируют надпись XI—XII вв. В слове «нашему» вместо Є на прориси читается Ь. Возможно, это ошибка копировщика. Имя архиепископа не названо. Но наличие титула «архиепископ» в сочетании с ранней палеографической датой позволяют предположить, что в надписи идет речь о Нифонте, первом новгородском владыке, получившем титул архиепископа (см. комментарий к надписи № 75). В таком случае это граффити должно датироваться до 1156 г. (года смерти Нифонта)⁴²⁴.

Надпись № 176. Находилась на хорах, на «восточной стене»⁴²⁵. Начало надписи отсутствует (рис. 104):

...В[РЯ]Б[Ж] (ЄЄ)ЄЄМЖ ЄЄМЪКЯ П[А][Ъ] ГРЪШЬН[Ъ]Н

Это отрывок обычной молитвенной записи с указанием «Семка писал грешный». Надпись отличается архаическим стилем письма. Он проявляется и в небольшом наклоне букв к началу строки, и в правильности треугольных петель Ъ и Ь, в наличии двух Ж, заменяющих ОЖ. Форма Я, если верить прориси, также имеет древнейшее начертание: с маленькой треугольной головкой и спинкой, наклонной к началу строки. К этой же эпохе относится и Р, целиком уместяющееся в строке, с маленькой треугольной головкой (см. комментарий к надписи № 172). Есть основания датировать надпись XI в., а если учесть дату постройки Софии, — серединой — второй половиной XI в.

Надпись № 177 была начерчена на «восточной стене»⁴²⁶ (рис. 105):

ГН П[О]МОЗН Р[Я]
БЖ ЄЄОЄМЖ
[К]АНМ[А]ТЖ

(Господи, помози рабу своему Климьту (?). В прочтении имени уверенности нет. Трижды встреченный Ж позволяет отнести надпись к XI—XII вв.

Надпись № 178. Находилась на «восточной стене»⁴²⁷. Это рисунок «процветшего» креста с монограммами ІГ (ХГ) (НН) К(Ѧ) и надписью (рис. 106):

Н(Н)КѦ

Б(Ѧ)НЪ [Н]Ѧ КЪ(З)Д(Б)(Н]

ЖЕННЕ ХРЪГ(Ъ)ТЪ

МЪ

Вторая строка надписи не читается. Далее можно прочесть: «... Иван на воздвижение крестом». Очевидно, эту надпись нужно понимать так: Иван молится (?) на воздвижение (14 сентября) крестом. Петли Ъ треугольны, Ж, насколько можно судить по прориси, написано в пять приемов, что становится обычным в рукописях с XIII в.⁴²⁸ Наклонная перекладина Н спускается немного ниже середины правой мачты. Однако сохранение сильных и слабых Ъ, Ь, переданных через Ъ, особенно в окончании творительного падежа ед. ч. м. р., если доверять прориси, датируют надпись не позже середины XII в.⁴²⁹

Надпись № 179 также находилась на «восточной стене»⁴³⁰. Над рисунком креста изображена простая заставка в виде плетенки с острыми углами, как бы украшенная шипами, что сближает ее с рисунками заставок южно-славянских рукописей XI—XII вв.⁴³¹ Над заставкой надпись (рис. 107):

Б—Т—Б—НБ

НАПСѦД(Ъ)

ЗАСТА(Б)(КОЪ]

Первая строка, где должно быть имя писавшего, не читается, далее можно прочесть: «Напсал заставку». Термин «заставка» встречается с XI в. (в Архангельском евангелии 1092 г. над заставкой написано: «люба заставице») ⁴³². Для палеографической датировки данных мало. Можно отметить З с небольшим хвостом, изогнутым под прямым углом, что типично для XI—XII вв. (см. комментарий к надписи № 46). Форма заставки также позволяет датировать граффити XI—XII вв.

Надпись № 180. Находилась на хорах ⁴³³. Более точно ее местоположение не указано. Рядом с рисунком креста в сложном орнаментальном плетении надпись (рис. 108):

СБ КѦД(Г)Ъ ШЛЪ

[ОЪ]БОГ(Ъ)Н Ѧ ГР(Ъ)

ХЪІ (БОГ)ѦТЪН

(Это Влас писал, убогий, а грехами богатый). Из палеографических особенностей нужно отметить ЪІ, переданное через ЪН, встреченное дважды наряду с ЪІ (ГРЪХЪІ). Написание ЪН обычно в глаголических рукописях и иногда встречается в древнейших кирилловских памятниках ⁴³⁴. В бере-

стных грамотах такое γ встречено дважды: в грамоте № 61 (вторая половина—середина XIII в.)⁴³⁵ и в грамоте № 82 (конец XII в.)⁴³⁶. В обеих грамотах эта форма представлена наряду с обычной. Очевидно, в появлении этой формы следует видеть проявление архаизации почерка, свойственное некоторым грамотам этого времени. Очень трудно датировать граффити № 180, сохранившееся лишь в прориси. Однако треугольные петли **Б**, **А** скорее свидетельствуют в пользу датировки надписи XI—XII вв.

Надпись № 181. На том же негативе представлена прорись еще одной надписи, находившейся на хорах. Более точных данных о ее местонахождении также не указано. Крупными, четкими буквами начерчено:

ПНЄКЪЛЄ

ЦЛЪ

Возможно, эту надпись следует прочесть как «ПНЄКЪПЄ (епископ) писал», допустив, что копировщик или сам автор надписи поменял местами **А** и **П** в этих словах. Но в польских источниках XII в. встречено имя *Piscla*⁴³⁷.

Надпись 181

Поэтому и надпись № 181 есть основания прочесть как «Пискле писал», где имя Пискла представлено в звательном падеже.

На прориси ясно читается **П** в слове **ЦЛЪ**. Это скорее всего ошибка копировщика или автора надписи. Возможно, что в оригинале было **Л** с широкой верхней частью и перекладиной. Такое **Л** встречается иногда в рукописях XI в. и древнейших берестяных грамотах XI—XII вв.⁴³⁸ Четкие треугольные петли **Ъ**, **Н** с горизонтальной перекладиной также позволяют датировать эту надпись XI—XII вв.

НАДПИСИ, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КОТОРЫХ НЕ ИЗВЕСТНО.

В этом разделе представлены кальки надписей и слепки из архивов И. А. Шляпкина и В. В. Суслова.

Надпись № 182⁴³⁹. На одной из калек⁴⁴⁰ представлена надпись, настолько уникальная, что заслуживает самого пристального внимания. Если судить по номеру, поставленному на кальке, она находилась на лестнице или хорах собора. Не исключено, что это граффити уничтожено, так как именно на хорах многие надписи были залиты цементом или сбиты. Четырехстрочная надпись заключена в рамку, которую венчает крест с сиянием. Несмотря на пробелы и явные искажения букв копировщиком, первые две строки читаются легко (рис. 10 а, б):

БЛТЛЪ [Б]О[У]НЄ ПОМ[НА]ЮХН РЯБЛ БЛОЄ[ГО] ННКО[ЛО]Х
ПР(Н)ШЪЛЪЦЯ НЄ КЪ(Є)ВЯ ГРЯДЛ [Б]О[У] (Б)ОЄГО КЪН(А)ЗЪ Б(Р)ОСЛВЯ

Контекст и сохранившиеся части букв не допускают другого толкования (см. рис. — реконструкция надписи)⁴⁴¹. В первой строке отсутствуют на прориси, но легко восстанавливаются буквы **СО** в слове **СОФНѢ**, буквы **НА** (**ПОМНЛОУН**); не сохранилось окончание **ГО** в слове **СКОСГО**. В имени **НИКОЛОУ** не зарисованы **А** и **О**. Возможно, что вместо **САТИѢ** следует читать **СВАТИѢ**, так как вторая строка надписи начинается несколько левее первой и над буквой **П** вполне могла поместиться буква **С**⁴⁴². В этом случае вместо **С** должна быть буква **Н**.

Во второй строке отсутствуют левая черта и перекладина буквы **Н** (в слове **ПРНШЪАТЦА**), лишь частично сохранилось **С** (**КЫСЕА**). Посередине вертикальной черты буквы **Г** (**ГРЯДИ**) копировщик изобразил лишний штрих. Кроме того, зарисована лишь нижняя петля буквы **Н** (**СКОСГО**), частично сохранились второй «юс малый» в слове **КЪНАЗА** и **Р** (**БРОСАЕА**).

Предлога **О** на прориси нет, но контекст подтверждает его восстановление и именно в форме **О**, так как для **ОТЪ** на прориси места недостаточно.

В начале третьей строки на прориси пробел в три или четыре буквы. Буквы **ХА**, более мелкого масштаба между началом второй и третьей строки, очевидно к данной надписи отношения не имеют. Затем прорисью фиксируется слово **ЦРЬКЪНЬ**, причем сохранилась только правая часть буквы **Ц**. Конечная буква в этом слове на прориси выглядит как **С**. Это могла быть или буква **С**, или **Н**. Следующее слово читается полностью. Легко восстанавливается отсутствующее **Б** в последнем слове третьей строки **БЕЗМЪЗДЪННКОУ**. Между словами **ЦРЬКЪНЬ** и **СВАТОУХ** небольшой просвет, в котором может поместиться одна буква. В четвертой строке читается полностью: **(У)[Ю]ДО[Т]ВОРЪ[ЦН] КОЗЪ[МЪ] Н ДЪМНАНА**.

Таким образом, в последних двух строках читается⁴⁴³:

— — — **(Ц)РЬКЪНЬ — СВАТОУХ(Х) [Б]ЕЗМЪЗДЪННКОУ**
(НУ)[Ю]ДО[Т]ВОРЪ[ЦН] КОЗЪ[М] [Ъ] Н ДЪМНАНА

Всю надпись можно понять либо: «Святая София, помилуй раба своего Николу, пришельца из Киева града от своего князя Ярослава в церковь святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна» либо: «пришельца. . . в эту (или твою) церковь (т. е. Софию)», а упоминание святых безмездников Козьмы и Демьяна в таком случае следует отнести ко времени (день святых Козьмы и Демьяна), когда Никола прибыл из Киева в Софию.

Несомненно, на прориси искажены многие буквы. Но все же сохранились некоторые характерные начертания. Обращает внимание последовательное (два раза) употребление **Ъ** вместо **И** (в слове святая и в имени Ярослав). Это характерно для глаголических и некоторых старославянских памятников X—XI вв.⁴⁴⁴ В древнерусских рукописях такое смешение встречается в Изборниках 1073 и 1076 гг. и в новгородских минеях конца XI в.⁴⁴⁵ В обоих случаях **Ъ** не выступает за уровень строки, а коромысло этой буквы лежит значительно ниже этого уровня, что является особенностью рукописей XI в.

Болгаризмом является написание ГРЯДИ и ЦРЬКВЬ, но окончание ОУЖ вместо старославянского ЖЖ в слове «святую» — русская особенность. Наличие Ж датирует надпись XI—первой половиной XII в.⁴⁴⁶

Прорись не позволяет различать звуки Ъ и Ь, однако последовательное употребление одного из этих знаков для обозначения сильных и слабых глухих говорит о том, что эти звуки еще не исчезли из речи Николы. Очевидно, Никола употреблял Ъ для обозначения и Ъ и Ь. Такое правописание редуцированных в памятниках, отражающих сохранение редуцированных, известно в истории русского языка⁴⁴⁷. Особенно показательно сохранение Ъ в слове КЪНАЗЪ, где Ъ имеет тенденцию утрачиваться особенно рано⁴⁴⁸. В надписи на Тьмутараканском камне 1068 г. Ъ в этом слове уже отсутствует.

Насколько мы можем судить по прориси, Д целиком уместается в строке (в двух случаях) и имеет очень маленький основной треугольник, причем в слове «безмезднику» левая линия начинается ниже середины правой. Такие формы Д свойственны также некоторым древнейшим старославянским памятникам⁴⁴⁹. Таким образом, несмотря на то, что надпись Николы сохранилась лишь в неточной прориси, ее можно с уверенностью датировать XI в.

На протяжении XI и первой половины XII в. в Киеве был лишь один князь Ярослав — Ярослав Мудрый. Следовательно, в надписи упоминается Ярослав Мудрый и сама надпись Николы датируется промежутком времени от постройки Софийского собора (1050 г.) до смерти Ярослава (20 февраля 1054 г.), т. е. 1050—1054 гг.

Как говорилось выше, пробелы в третьей строке прориси допускают два варианта истолкования надписи: при первом упоминание Козьмы и Демьяна следует отнести к церкви, куда прибыл Никола.

Церковь Козьмы и Демьяна в новгородских летописях упоминается с XII в.: в 1146 г. (на Кузьмодемьянской улице)⁴⁵⁰ и с 1271 г. (на Холощье улице)⁴⁵¹.

Это не значит, что такой церкви не могло быть раньше. В Никоновской летописи под 6563 г. (1055) в дополнение к обычным сведениям о клевете холопа Дудики на епископа Луку Жидяту имеется следующее сообщение: «... и осуди и митрополит Ефрем по Дудикиным речам и злых его друзей Демьяна и Козьмы клеветам». Под 6565 г. продолжено: «Того же лета епископ Лука Жидята принял престол свой в Новгороде, свою власть, холопу же Дудике оскомины быша, урезаша ему носа и обе рuce отсекоша и побежа в Немцы, сице же и его лукавым советникам, Козме и Демьяну, достойное воздаша по злодеянию их»⁴⁵². Это дополнение о сообщниках Дудики вызывает сомнение, так как сочетание их имен говорит о смешении их с именами святых.

Д. С. Лихачев не исключает возможности, что данные сведения Никоновской летописи, восходящие к новгородским летописям, могут быть древними. Он предполагает, что первоначально речь шла о людях из прихода Козьмы и Демьяна⁴⁵³. Наиболее вероятно, что источником послужило сообщение о людях не из прихода церкви Козьмы и Демьяна, а из причта

церкви Козьмы и Демьяна, которые поддержали клевету холопа Луки — Дудики. И в том и в другом случае сообщение Никоновской летописи является косвенным подтверждением существования в Новгороде церкви Козьмы и Демьяна в середине XI в.

Следовательно, в надписи могла упоминаться церковь Козьмы и Демьяна. Но вызывает недоумение, почему посланец Ярослава Мудрого прибыл в Новгород в церковь Козьмы и Демьяна и сделал запись об этом на стене храма Софии. Кроме того, при таком варианте прочтения остается незаполненным просвет между словами «церковь» и «святую». По этим же причинам нельзя признать удачным и такой вариант прочтения надписи: [НС] ЦЪРЬКЪЕ СЕАТОУЖ БЪЗМЪЗДЪНКОУ (из церкви святых безмездников и т. д.)⁴⁵⁴. Между словами ЦЪРЬКЪЕ и СЕАТОУЖ может поместиться только одна буква. Естественно предположить, что это предлог О, употреблявшийся с местным падежом для обозначения времени⁴⁵⁵. Кроме того, более соответствует прориси чтение **С**, а не **Ъ** на конце слова ЦЪРЬКЪЕ.

При такой реконструкции полностью восстанавливается смысл надписи: молитва к св. Софии помиловать Николу, пришедшего из Киева, от князя Ярослава в храм Софии «о святую безмезднику и чудотворци Козьмы и Демьяна». Указание даты события посредством ссылки на день какого-либо святого обычно не только для надписей-граффити, но и для древнерусских летописей. Таким образом, вполне удовлетворительно восстанавливается отсутствующий предлог между словами «церковь» и «святую».

Не попавшие на прорись буквы в начале третьей строки восстановить труднее. На прориси в начале строки видны две смыкающиеся под острым углом линии: это могут быть остатки букв **Д**, **А**, **Х**, нижней петли **Ъ** (**Ь**) или нижней части **Ж**. Возможно, здесь следует читать предлог **ДО**, т. е. «...пришельца... до церкви» (предлог *до* с родительным падежом для обозначения предела движения)⁴⁵⁶. Но в этом случае между **ДО** и началом следующего слова ЦЪРЬКЪЕ образуется разрыв в одну-две буквы, недостаточный, чтобы в нем могло поместиться определение к слову «церковь» — **СЕАТОН**, **СЕТ** и т. д.

По этим же причинам нельзя поместить в начале строки предлог **ЕЪ**. Если судить по сохранившимся штрихам и смыслу надписи, можно думать, что здесь могло быть написано **ДЪНЖ** — «внутри, внутри»⁴⁵⁷. Против этого предположения говорит то обстоятельство, что это слово помещается в данном просвете только в форме **ДНЖ**, без слабого **Ъ**.

Очевидно, достоверно восстановить утраченные буквы в данном случае невозможно, тем более что строки могли быть сдвинуты вправо или влево, из-за чего нельзя точно определить количество отсутствующих букв, а остатки букв могли быть зафиксированы прорисью не совсем точно.

По смыслу надписи здесь могло быть слово **СЪТ** — **СЪТ ЦЪРЬКЪЕ** — местный падеж без предлога для обозначения места⁴⁵⁸, или **ДЪНЖ** или **ЕТЪНЪ**, но смысл надписи от этого не меняется: упоминание святых Козьмы и Демьяна следует отнести ко времени, когда Никола прибыл в храм Софии: «Святая София, помилуй Николу, пришельца из Киева,

от своего князя Ярослава к сей (святой или твоей) церкви в день святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна».

День этих святых праздновался трижды в году: летом — 1 июля и осенью — 17 октября и 1 ноября. Из них практическое значение, по-видимому, имели только два дня: 1 июля и день памяти 1 ноября, так как 17 октября центральное место занимало празднование памяти пророка Осии⁴⁵⁹. Во всяком случае, в новгородской мивее 1096 г. под 17 октября помещена только служба пророку Осии⁴⁶⁰ и в месяцеслове, помещенном в Остромировом евангелии, святые Козьма и Демьян упомянуты только 1 июля и 1 ноября, а в октябре они упомянуты в общем перечне под 29-м числом⁴⁶¹.

Следовательно, запись Николы была сделана в какой-либо из дней Козьмы и Демьяна (1 июля или 1 ноября) в течение четырех лет, начиная от окончания строительства Софии (1050 г.) до смерти Ярослава Мудрого (февраль 1054 г.). Скорее всего, молитвенная запись, обращенная к святой Софии, могла появиться на стене храма Софии только после его освящения.

Как известно, новгородские летописи единогласно сообщают о закладке Софии под 1045 г., но называют два года освящения храма — 1050 г.⁴⁶² и 1052 г.⁴⁶³ В. Г. Брюсова высказала предположение, что летописные записи не противоречат друг другу, а отражают сведения о двух церемониях освящения Софийского собора. Первое состоялось 5 августа 1050 г., по окончании строительства, это подтверждается записью в святцах рукописного сборника XVII в. Второе — 13 сентября 1052 г., после завершения отделочных работ по украшению интерьера храма⁴⁶⁴.

Устойчивость летописных записей об освящении собора 13 (14) сентября, слишком короткий срок окончания строительства, который мы должны признать, если принять дату освящения Софии 1050 г., свидетельство «Сказания о св. Софии Новгородской» — все эти аргументы, приведенные В. Г. Брюсовой, подтверждают правильность летописного сообщения об освящении храма в 1052 г.

Таким образом, не исключено, что предварительное освящение собора состоялось еще 5 августа 1050 г. Но трудно представить, что Никола начертил молитвенную запись, обращенную к святой Софии, на стене храма, в котором шли отделочные работы. Следовательно, наиболее вероятные даты появления надписи Николы: 1 ноября 6560 (1052 г.); 1 июля и 1 ноября 6561 (1053 г.); 1 июля и 1 ноября 6562 (1054 г.).

Раскрыв смысл уникальной надписи, можно датировать ее еще точнее. Обращает внимание желание Николы подчеркнуть связь своей миссии с новгородским Софийским собором: надпись обращена к св. Софии и начерчена на стене храма Софии. Автор последовательно строит фразу: за молитвенной формулой называет себя (Никола), затем указывает, откуда он прибыл (из Киева), от кого (князя Ярослава), куда (в церковь Софии) и когда (в день святых Козьмы и Демьяна).

Отсюда легко заключить, что целью путешествия Николы в первую очередь был Софийский собор и он пунктуально зафиксировал день своего

появления в нем. Но «пришелец» из Киева не забыл упомянуть и пославшего его князя Ярослава. Если бы автор надписи по собственной воле посетил Новгород и из благочестивых побуждений нацарапал на стене недавно отстроенного собора молитвенную запись, во всех отмеченных подробностях не было бы смысла. Автограф Николы выходит за рамки хорошо известных молитвенных надписей: «Господи, помоги рабу своему...» или еще короче: «Писал такой-то». Содержание его напоминает краткий отчет об исполненном долге. В каждом слове сквозит стремление засвидетельствовать свою расторопность, проявленную по поручению великого князя, в надписи, оставленной на стене храма на всеобщее обозрение. Заметим также, что Никола — человек светский, иначе бы он рядом с именем великого князя назвал бы и киевского митрополита.

Какие же события требовали непременно присутствия личного представителя Ярослава в новгородском Софийском соборе? Во-первых, праздник освящения самого храма, построенного, согласно летописи, «повелением князя Ярослава и сына его Володимира»⁴⁶⁵. Однако ни одна из двух возможных дат освящения собора (5 августа 1050 г. и 13 сентября 1052 г.) никак не соответствует дню записи Николы.

Во-вторых, такой случай мог иметь место во время провозглашения нового князя или поставления епископа. Но и новгородский князь Владимир Ярославич, и епископ Лука Жидята получили свои столы в Новгороде еще в 1036 г.⁴⁶⁶ А другие представители высшей светской и церковной администрации, по данным летописи, появляются в городе уже после смерти Ярослава Мудрого.

Наконец, присутствие в Софийском храме посланца Киева легко объяснить участием в церемониях по поводу важных событий в жизни княжеской семьи: в церкви венчали, крестили и хоронили ее членов. Естественно, что киевский князь — верховный сюзерен и отец новгородского князя, не оставался в стороне от подобных дел.

Однако два первых предположения (свадьба и крестины) отпадают. Единственный сын княжившего в Новгороде Владимира — Ростислав впервые упомянут на страницах Повести временных лет в 1064 г. как вполне зрелый и самостоятельный человек⁴⁶⁷. В этом году он бежит в Тмутаракань, выгоняет оттуда Глеба Святославича, вновь уступает ему город и затем опять прогоняет незадачливого двоюродного брата. Более того, к 1066 г. у Ростислава было уже три сына: Рюрик, Володарь и Василько. Значит, и свадьба его отца Владимира, и рождение самого Ростислава произошли задолго до 1050 г. (крайняя ранняя дата надписи Николы).

Остается проверить, не была ли миссия Николы обусловлена неожиданными и печальными обстоятельствами. В связи с этим привлекают внимание два сообщения летописей. Под 1050 г. говорится о смерти в Новгороде жены Ярослава, матери Владимира — знаменитой Ирины-Ингигерды⁴⁶⁸. Ее похоронили в Софийском соборе и гроб княгини чтят еще и в XV в.⁴⁶⁹ Но день смерти Ирины — 10 февраля, сохранившийся в ряде новгородских летописей⁴⁷⁰, никак не согласуется с любым из двух возможных дней прибытия Николы.

Зато второе известие, датированное 1052 г. (6660): «Месяца октября въ 4 день, в неделю, преставися Володимиръ, сынъ Ярославъ, старейшии в Новгороде; положили и в Новгороде въ святейи Софеи, юже бе создалъ самъ», — многое проясняет ⁴⁷¹. Если Никола прибыл в Новгородскую Софию 1 ноября 1052 г., то это случилось спустя 4 недели после смерти Владимира. Расстояние от Киева до Новгорода по прямой составляет около 1000 км. Сухопутными дорогами оно на 200—300 км больше. Гонцы с печальным известием, меняя лошадей во встречных городах и погостах, должны были преодолеть его за 10—12 дней. Получив срочную весть, престарелый Ярослав, конечно, тут же снарядил в дорогу своего посла. Ведь речь шла не только о родительском долге — почтить память умершего старшего сына и наследника. Безвременная смерть молодого князя в далеком Новгороде оставляла этот важный политический и экономический центр древней Руси без великокняжеского присмотра. А строптивый нрав и сепаратистские тенденции могущественного новгородского боярства были слишком хорошо известны Ярославу.

Вот почему спешил Никола — он потратил на трудную дорогу в осеннюю распутицу немногим более двух недель (если только не выехал в Новгород с известием о болезни Владимира). Вот почему он постарался точно зафиксировать день своего прибытия; никто уже не мог обвинить его в преступной медлительности.

Сложная обстановка в городе, необходимость быстрых решений, печаль по поводу смерти Владимира объясняют пессимистические нотки («пришелец») в записи Николы. Становится понятным наличие в надписи лишь указания, куда и по чьему поручению прибыл посланник Киева, без разъяснения — к кому. Новгородский князь был мертв. День похорон Владимира не известен. В Новгороде, надо полагать, ждали на этот счет распоряжений Ярослава (еще одна причина спешки). По-видимому, официальное погребение тела Владимира состоялось после приезда Николы.

Таким образом, методом исключения исследуемое граффити почти безусловно датируется 1 ноября 1052 г. Иные варианты датировки не получают сколько-нибудь удовлетворительного объяснения.

Теперь необходимо установить личность «пришельца». Из надписи ясно лишь одно: что он киевлянин и близкий к великому князю человек. Церковнославянизмы и некоторые графические особенности надписи, находящиеся аналогии в южнославянских памятниках, по-видимому, свидетельствуют об образованности Николы. Христианское имя Николай, переданное в форме «Никола», также свидетельствует о южнорусском его происхождении (для новгородца характерно написание «Микула») ⁴⁷².

К сожалению, письменные источники почти не сохранили имен большинства действующих лиц русской истории древнейшей поры.

Николаем в крещении звали четвертого сына Ярослава — Святослава ⁴⁷³. Но он должен был бы написать «от отцы своего», а не «от князя». Следовательно, предположение о княжеском происхождении Николы не соответствует действительности. Приходится искать его среди ближних бояр Ярослава, нам мало известных.

По-видимому, окончательно отождествить Николу с одним из «добрых мужей» середины XI в. нельзя. Однако попытка сделать это с определенной долей вероятности не представляется бесплодной.

На страницах Повести временных лет несколько раз встречается имя Микулы (Николая) Чудина ⁴⁷⁴.

У него был двор в древней части Киева, на горе. Его брат Туки вместе с князьями Изяславом и Всеволодом стоял на сених во время Киевского восстания 1068 г. Сам Чудин в 1072 г. держал Вышгород и присутствовал на торжествах перенесения мощей святых Бориса и Глеба. Правда, здесь он везде назван своим этническим прозвищем — Чудин. Но в заголовке краткой редакции Русской Правды — Правды Ярославичей его поименовали полностью: «Чудинъ Микула» ⁴⁷⁵.

Сведения источников не оставляют сомнений: Чудин, владелец двора в Киеве, участник княжеских съездов, правитель второго по значению города Киевской земли, один из авторов сурового феодального свода законов Руси, — лицо значительное, хорошо всем известное, ближайший советник великих киевских князей. Именно такому человеку Ярослав мог дать важное поручение в Новгород. Тем более, судя по имени, Чудин или его предки были выходцами из новгородских земель.

Смущает другое. Летопись упоминает Чудина в 60—70-х годах XI в. ⁴⁷⁶ Создается впечатление, что деятельность этого знатного боярина широко развернулась в указанные годы и он был приближенным Изяслава, а не его отца Ярослава.

Рассмотрим вновь данные летописи. О самом Чудине последний раз говорится под 1072 г. Причем текст этот сохранился и в Новгородской первой летописи младшего извода, отразившей более древний, чем Повесть, свод 90-х годов XI в. Про Чудина его автор писал в прошедшем времени: «Бе тогда Вышегород держа Чудинъ» ⁴⁷⁷. Другими словами, ко времени составления свода Чудина в Вышгороде не было и, вероятно, его уже не было и в живых. Ведь в 1113 г. на совещании, созванном на Берестовом Владимиром Мономахом, присутствовал Иванко Чудинович, Ольгов муж ⁴⁷⁸. Есть все основания считать его сыном Чудина, но прямо он так не назван. Это указывает на то, что отец Ивана давно умер, а сын сам стал важным сановником, представляющим своего князя при решении больших государственных дел.

В 1078 г. в битве с половцами на Сожице погиб боярин Туки ⁴⁷⁹. И здесь, и в описании событий 1068 г. летописец именует его братом Чудина. Опять перед нами яркое подтверждение знатности Чудина, прекрасно знакомого современникам. Туки менее известен, и его принадлежность к феодальным верхам определяется прямым родством с Чудиным. Отсюда ясно, что последний и значительнее, и, вероятно, старше первого. Налицо косвенное, но достаточно убедительное свидетельство возможности появления Чудина на государственном поприще в эпоху более раннюю, чем 60-е годы XI столетия.

Подтвердить высказанное предположение помогает анализ вводной части Правды Ярославичей. Обычно исследователи приурочивают

ее кодификацию к княжескому съезду 1072 г. в Вышгороде⁴⁸⁰. Действительно, в пользу такого решения говорят несколько существенных обстоятельств. По крайней мере четверо (Изяслав, Святослав, Всеволод и Чудин) из авторов нового «закона» достоверно присутствовали на съезде.

Народные волнения, охватившие Русь в конце 60-х—начале 70-х годов XI в., также требовали от господствующего класса пересмотра действующего законодательства. Поэтому представляется вполне уместным, что «церковное торжество могло быть связано с разрешением чисто политических вопросов»⁴⁸¹.

Однако другие ученые не менее обоснованно полагают, что Русская Правда создавалась до бурных событий 1068 г.⁴⁸² Ведь в ней не нашли никакого отражения изгнание князя, разграбление княжеской казны, разгром тюрем; не упомянуты волхвы, будоражившие тогда простой народ.

Если под этим углом зрения взглянуть на перечень авторов Правды Ярославичей, отпадут многие сомнения. Кроме трех старших сыновей Ярослава рядом с ними упомянуты имена четырех бояр: Коснячка, Перегега, Микифора Киянина и Чудина Микулы. Имена трех из них (Коснячко, Никифор, Чудин) встречены и в летописи. Они владели дворами в Киеве и, следовательно, были боярами киевскими⁴⁸³.

Чем же обусловлено такое внушительное представительство Киева? Вряд ли это объясняется фактом наибольшей заинтересованности, поскольку именно киевские феодалы пострадали в первую очередь во время восстания 1068 г. Ведь после не менее грозного выступления народных масс в 1113 г. Владимир Мономах созвал на совещание представителей и Киева, и Белгорода, и Переславля, и Чернигова.

В рассказе о торжествах в Вышгороде в 1072 г. прямо сказано, что «обедаша братья на скупь, каждо с бояры своими»⁴⁸⁴.

Действительно, за 18 лет самостоятельного княжения у Ярославичей должны были на местах появиться собственные бояре, а в составлении «Правды» участвуют лишь киевляне. Кстати, число бояр — авторов кодекса вызвало недоумение уже в XII в. Так, в заголовке пространной редакции Русской Правды выпало имя Чудина и число советников-бояр согласовано с числом князей-законодателей. «По Ярославе же пакы собрашася сынови его. . . и мужи их». Знаменательно, что позднейшие летописцы видели в этих боярах мужей *всех трех князей*, хотя в действительности они являлись дружинниками только киевского князя.

Странное впечатление от подбора авторов «Правды» усиливается при сравнении с составом представителей церкви, присутствовавших при перенесении мощей Бориса и Глеба в Вышгороде в 1072 г. Помимо митрополита Георгия там были епископы Переяславский, Черниговский, Белгородский, Юрьевский и игумены многих монастырей.

Возникшие недоумения исчезнут, если согласиться с мнением исследователей, относящих время составления Правды Ярославичей к ближайшим годам после смерти Ярослава. Сам факт совещания братьев-триумфиров в 1054 г. или несколько позднее, кажется, не вызывает сомнений⁴⁸⁵. Им необходимо было решить ряд существенных вопросов, свя-

занных с новым порядком управления Русской землей и разделом владений. Кто же должен был гарантировать претворение в жизнь и дальнейшее соблюдение принятых решений? Летописи дают однозначный ответ: бояре, старшая дружина. Сподвижники Ярослава, его ближайшие советники, верхушка влиятельного киевского боярства — вот естественные наставники и блюстители согласованных действий молодых князей. Именно в их присутствии подлежало заключить ряд о Русской земле. Так предлагали поступить Олегу Святославичу в 1096 г. Святополк и Владимир: «Поиди к Киеву, да порядъ положим о Русьей земли перед епископы, и перед итумены, и перед *мужи отецъ нашихъ*»⁴⁸⁶.

Теперь понятно, почему в древнейших списках Правды Ярославичей авторы княжеского происхождения никак не отделены от составителей-князей: они *мужи* Ярослава, вторая равноправная сторона, располагавшая в тот момент реальной властью и силой.

Несколько мелких фактов подкрепляют сделанный вывод. Летописи не знают Перенегу. Вероятно, он сошел с политической сцены, так же как и Никифор Киянин, вскоре после утверждения «Правды». Появление Коснячка во главе княжеской администрации после 1068 г. маловероятно. Ведь против него прежде всего был направлен гнев киевлян, его двор подвергся разграблению. Вряд ли Изяслав, лишь с помощью поляков вернувшийся в столицу, вновь навязал народу потерявшего популярность воеводу. Наконец, уже с конца 70-х годов киевские летописцы перестают упоминать наших героев и их вниманием пользуются другие лица: Ратибор, Ян и Путята Вышатици, начало деятельности которых приходится на рубеж 60—70-х годов XI в.

Развернутый экскурс о времени составления Правды Ярославичей, помимо самостоятельного значения, важен для окончательного решения вопроса о личности Микулы (Николы)⁴⁸⁷ Чудина. Обнаружив его в числе ближайших бояр Ярослава Мудрого, мы можем с большой долей вероятности адресовать ему интереснейшую надпись «пришельца из Киева града» в новгородском Софийском соборе.

Предложенная интерпретация этого граффити проливает свет на один из самых затемненных периодов истории Новгорода. До сих пор оставалось загадкой: кто управлял вторым центром Руси после смерти Владимира? Согласно летописи и приписке к Остромирову евангелию, с 1054—1055 гг. Изяслав Ярославич «поручил» Новгород «своему близкому», посаднику Остромиру.

Теперь есть основания считать, что до этого момента новгородскими делами ведал Никола Чудин. Попытки «посадить» в Новгород в период между 1052 и 1054 г. кого-либо из князей опровергаются уже упомянутой припиской Остромира, свидетельствующей, что между Владимиром и Изяславом в городе других князей не было.

Весть о смерти Ярослава призвала Чудина обратно в Киев, где он участвовал в совещании князей, вместе с ними «делил» Русскую землю и провозгласил новый кодекс. Поэтому Изяслав, получив киевский стол и «урядившись» с братьями, немедленно отправился в Новгород, вновь

лишившийся княжеской администрации, и назначил посадником Остромира — представителя местного боярства.

Конечно, цепь рассуждений и выводов, исходным пунктом которой послужила надпись Николы, не является бесспорной. Ее отдельные звенья трудно аргументировать. Тождество «Николы пришельца» и Николы Чудина лишь предполагается. Однако изложенный вариант расшифровки и исторического осмысления данной записи в силу указанных соображений имеет право на существование.

Надпись № 183. Сохранилась в прориси ⁴⁸⁸. Это длинная (в 12 строк) надпись, из которых читаются лишь две первые (рис. 109):

О(Х)Ъ ОХ(Ъ) МНЪ Г(РЪ)ШЪ
(Н)ОХЖМОХ РЯ(БОУ) (Б)ЖНЖ

(Ох, ох, мне, грешному, рабу божию!).

В третьей от конца строке на прориси можно различить буквы П̄ под титлом (18). Перед ними — остатки букв также под титлом, из которых отчетливо читается буква Х. Возможно, перед нами остатки даты, где П̄ должно означать день, а предыдущие буквы-цифры — год события. Палеографические особенности надписи: О с высокой серединой и сомкнутыми петлями, Ж и ИЖ, «звездообразное» Ж, Н — аналогичное латинскому, Ъ — целиком уместающееся в строке, — позволяют датировать надпись не позже начала XII в. ⁴⁸⁹ Нет уверенности в прочтении даты: это может быть год от ̄Х̄ (6600/1092) до ̄ХӮΘ (6699/1191). Палеографические особенности позволяют отнести запись № 183 ближе к первой дате.

Надпись № 184. Сохранилась в прориси ⁴⁹⁰. Из отметки на кальке следует, что находилась она где-то на уровне пола. Это неясные отрывки (рис. 111):

...ПРОТОП(ОП)[Ъ]
{1}Г̄ ДН̄ НЯ С(ТЯГ)О ЯК(НА)[Ъ]
ЕПСКІЯ
КЪ УЯ ·Ѣ· ДЪ[НА]
{РЯ}ЗБОУЪБОУ

«... протопоп (?) июля в 13 день, на святого Акилы епископа, в час 6 дня, разболелся». Чтение «протопоп» недостоверно. От числа, обозначающего день, сохранилась только буква Г, но предыдущая буква-цифра (i — 10) восстанавливается легко, так как указало имя святого «Акилы епископа», день которого приходился на 13 июля. Палеографические наблюдения затруднены из-за нечеткой прориси. Однако можно отметить Ъ, целиком уместающееся в строке, У «бокальчиком». Вероятная дата надписи — XI—XII вв.

Надпись № 185. Сохранилась в прориси, находилась несколько ниже глаголической надписи Вояты (№ 10). Рядом с изображением креста читается (рис. 112):

ПОЛЖ--ГР(Ъ)Ш[Є]
НЪ ЧЛЪ ЯМН(Н)[Ъ]

(...грешен, писал. Аминь).

Имя писавшего неясно, можно различить буквы ПОЛ, отчетливо читается на прориси Ж, далее неясны приблизительно две буквы. Возможно, следует читать ПОЛЖДЪ—Полюд, очень распространенное в Новгороде имя⁴⁹¹. Надпись выполнена небрежно, что затрудняет датировку. Наличие Ж позволяет датировать надпись XI—XII вв.

Надпись № 186. Сохранилась в прориси (рис. 113):

ГН ПОМОЗН РИБ[О]Ж Г(Б)ОЕМОЖ ЛОЖЦ(Ъ)

(Господи, помози рабу своему Луке!)

На первый взгляд кажется, что на прориси в слове «рабу» на конце написан Ж. Однако значительное расстояние между буквами Б и предполагаемым Ж заставляет признать, что начертания, сходные с Ж, придает Ж случайная царапина, зарисованная копировщиком. В оригинале должно быть написано ОЖ. Кроме того, на конце имени, очевидно, копировщик вместо Ъ изобразил Ъ. Четкий геометрический устав надписи с правильными треугольными петлями Б Ъ позволяет датировать ее XI—XII вв.

Надписи № 187, 188. Сохранилась прорись надписи⁴⁹² (рис. 114):

СТ(Ъ)АНЪ ЧЛЪ РОЖН(А)ТНЦЬ
НИЗЛ(Р)[А]
ТИ ПЕИД[Ъ]

(Степан писал Рожнятичь).

Ниже похожим почерком приписано: «Назарята писал». Возможно, эти надписи начерчены одним и тем же человеком. Но так как Степан и Назарята (производное от Назара) — христианские имена, автограф Назаряты следует считать самостоятельной надписью. В этом убеждает и расположение надписей (вторая начинается значительно правее), и разное написание слова «писал». В отчестве «Рожнятичь» Ч соответственно новгородскому произношению заменено на Ц. Это отчество образовано от имени Рожнята. В писцовых книгах конца XV в. встречается отчество Рожнов, Рожичь⁴⁹³, а в польских источниках XIII в. — имя Raszon⁴⁹⁴.

Треугольные петли Ъ, Ь; И, тождественные латинскому; Ж, написанное в три приема, позволяют отнести надпись № 187 к XI—XII вв. Датировать надпись № 188 труднее. Но сходство ее почерка с предыдущей надписью позволяет предположить, что она относится к тому же времени.

Надпись № 189. Негатив фотосленка надписи хранится в архиве И. А. Шляпкина ⁴⁹⁵ (рис. 115):

ХОЛОПЪ ТѢШЬЦЕ
ВНЦЬ ПЬСЪ

(Холоп Тешцевиць писал). Судя по наличию отчества, Холоп — здесь не обозначение категории зависимого населения, а имя. Имя Холоп известно по писцовым книгам XV и XVII вв., принадлежало оно крестьянам и мелкому землевладельцу «своеземцу» ⁴⁹⁶. Наличие же отчества Тешцевиць ⁴⁹⁷ при имени Холоп в надписи № 189 заставляет предположить, что автор этой надписи был знатным человеком.

Эти недоумения исчезнут, если считать, что «Тешцевиць» — краткое притяжательное прилагательное этого отчества. Тогда эту надпись следует понимать так: «холоп Тешцевица писал». В таком случае надпись № 189 была бы свидетельством грамотности несвободного населения. Но мы слишком мало знаем об употреблении имен и отчеств в XI—XII вв. Возможно, отчества имели и люди незнатного происхождения, или имя Холоп могло принадлежать знатному человеку. Ведь известен в Новгороде середины XI в. поп Упырь Лихой, хотя на первый взгляд существование такого имени у лица духовного звания невероятно.

Большинство граффити называют именно имя писавшего, что, очевидно, было необходимым условием молитвенной записи. Во втором варианте прочтения имя писавшего остается неизвестным. Высказанные соображения склоняют принять первый вариант прочтения надписи, при котором «Холоп» является именем собственным.

Надпись выполнена человеком, привычным к письму. Автор надписи, очевидно, новгородец, о чем говорит мена Ч на Ц в отчестве. Перекладина Н горизонтальна, петли Ъ и Ь округлы, Ѣ целиком уместается в строке. Палеографическая дата надписи № 189 — XI—XII вв.

Надпись № 190. На том же негативе представлен слепок еще одной надписи. Под изображением святого, вероятно Димитрия, если судить по остаткам надписи (НМЦ), процарапаны следующие строки (рис. 116):

М(Ъ) ОК(ТѦ)[Е]
РА ПЕРЕСЯ[Е]
(В)СА ЛОХ
К(И)

(Месяца октября преставился Лука).

День смерти Луки не указан. Между первой и второй строкой видны мелкие буквы КЕ под титлом. Возможно, это обозначение дня (25), первоначально пропущенного автором надписи. Надпись выполнена небрежно. В названии месяца после буквы К на слепке видны две лигатуры Ѧ(Т+Ѧ). Аналогичная лигатура известна по двум граффити Местяты Жабчевича

(№ 68, 87). Очевидно, вторая лигатура появилась по ошибке, вместо буквы Б. Пропущена также буква Т в слове «преставился».

Наблюдения над палеографией надписи затруднены из-за небрежности почерка. Я с остроугольной головкой, петля Ъ треугольна, мачта буквы несколько выходит в верхнее межстрочное пространство, а коромысло ее лежит на уровне строки. На основании этих особенностей, а также необычной лигатуры, встреченной лишь в двух надписях, датированных 1050—1109 гг., можно и граффити № 190 отнести к XI—XII вв.

Надпись № 191. Слепок этой надписи представлен на том же негативе. Над неясным изображением человеческой фигуры и крестом надпись (рис. 117):

[ГН] ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕ...
МНХАИЛОУ

(... помози рабу своему Михаилу).

Р с маленькой головкой лишь немного выходит в нижнее межстрочное пространство, Я с остроугольной головкой. Вероятная дата надписи — XI—XII вв.

Надпись № 192. С этой надписи были сняты два отпечатка, представленные на разных негативах⁴⁸⁸. Причем на первом из них яснее отпечатались верхняя часть надписи, а на втором — нижняя. Тем не менее надпись полностью не читается, так как сохранилась фрагментарно (рис. 118):

... РАБЪ (Б)Н
БОУНЪ(Г)Ъ МН
(Р)ЕК(Ы) Я КР
... ЯН
... ПЕТРА
НА ...
СА ОКЪТА(Б)
РА

Насколько можно судить по сохранившимся отрывкам, в надписи называются два имени: МН(Р)ЕК(Ы) (мирское) — БОУНЪГЪ и крестильное (Иоанн). Но полностью оба имени прочесть не удастся. «Петра» — скорее всего имеется в виду день апостола Петра — 29 июня. Далее можно прочесть «октября». Очевидно, речь идет о двух событиях, происшедших 29 июня и в октябре. Более определенно говорить о содержании надписи нет данных. Граффити начертано четким уставом, буквы по пропорциям близки к квадрату. Петли Ъ, Ї, Ъ, Ь геометричны, перекладина Ю горизонтальна и расположена посередине буквы, что типично для устава XI—XIII вв.⁴⁸⁹ Ъ несколько выходит в верхнее межстрочное пространство, коромысло расположено вблизи от уровня строки. Очевидно, надпись № 192 следует датировать XI—XII вв.

- ¹ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 211—213, 249—251.
- ² Щепкин В. Н. Новгородские надписи-графити. «Древности», т. XIX, вып. 3. М., 1902, табл. I, 4; II, 8.
- ³ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. 1. Киев, 1966, с. 37, табл. IX, 3; с. 41, табл. IX, 2; с. 52, табл. XVII, XVIII, с. 126—127; фрагмент надписи состоит из трех букв **ѦѦѦ**, что в кириллице передается ГП и означает начало канонической формулы.
- ⁴ Мединцева А. А. Глаголические надписи из Софии Новгородской. СА, 1969, № 1, с. 199—210.
- ⁵ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 32.
- ⁶ Ягич И. В. Глаголическое письмо. ЭСФ, 3, СПб., 1911, табл. I и II.
- ⁷ Там же, табл. I, 1а—1в; II, 3а—3в.
- ⁸ Там же, с. 190.
- ⁹ Ягич И. В. Указ. соч., с. 181—182.
- ¹⁰ Сперанский М. Н. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. ЭСФ, 4/3, Л., 1929, с. 64—65; Щепкин В. Н. Новгородские надписи. . . , с. 41.
- ¹¹ Мединцева А. А. Указ. соч., с. 203—205.
- ¹² Ягич И. В. Указ. соч., с. 187, табл. I—III.
- ¹³ Щепкин В. Н. Новгородские надписи. . . , с. 40.
- ¹⁴ То обстоятельство, что надпись прочерчена по цеминочной обмозке, не может в данном случае уточнить дату надписи, так как Мартирьевская паперть была расписана только в конце XII в.
- ¹⁵ Щепкин В. Н. Новгородские надписи. . . , с. 34, 40—41.
- ¹⁶ Jagic V. Analecta romana. «Archiv für slavische Philologie», XXV. Berlin, 1903, sq. 32; он же. Глаголическое письмо. . . , с. 110.
- ¹⁷ Ягич И. В. Глаголическое письмо. . . , с. 183.
- ¹⁸ Vais J. Hlaholica na Rusi. Novgorodské sgrafity. «Byzantinoslavica», VII, 1937—1938, p. 187.
- ¹⁹ Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893.
- ²⁰ Щепкин В. Н. Новгородские надписи. . . , с. 40.
- ²¹ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 24—25, № 17.
- ²² Лихачев Д. С. Русские летописи. М.—Л., 1947, с. 212—214, № 17.
- ²³ Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 272.
- ²⁴ Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 106.
- ²⁵ Щепкин В. Н. Новгородские надписи. . . , с. 40.
- ²⁶ Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 249—250.
- ²⁷ Сперанский М. Н. Указ. соч., с. 63.
- ²⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 406—407.
- ²⁹ Сотникова М. П. Русская эпиграфика в советское время. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. III. Л., 1970, с. 101.
- ³⁰ НГБ (1951), с. 46.
- ³¹ Н1Л, М.—Л., 1950, с. 19.
- ³² См. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 229.
- ³³ Н1Л, с. 27.
- ³⁴ Суслов В. В. Новгородский Софийский собор. «Труды Х АС», т. III. М., 1900, протоколы, с. 71.
- ³⁵ Мясоедов В. К. Фрагменты фресковой росписи св. Софии Новгородской. ЗОРСА РАО, X, 1915, с. 15—34.
- ³⁶ Дмитриев Ю. Н. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование. — В кн.: Практика реставрационных работ. М., 1950, с. 152—153; он же. Заметки по технике русских стенных росписей XI—XII вв. — В кн.: Ежегодник Ин-та истории искусств. М., 1954, с. 271—276.
- ³⁷ Брюсова В. Г. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI—начало XII в.). СА, 1968, № 1, с. 103—106; она же. О технике стенописи Софии Новгородской. СА, 1974, № 1, с. 194—195.
- ³⁸ Лазарев В. Н. О росписи Софии Новгородской. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 7—61.
- ³⁹ Штендер Г. М. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1968, с. 98, прим. 74.
- ⁴⁰ Брюсова В. Г. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде. . . , с. 105, 111—113; она же. О технике стенописи Софии Новгородской, с. 192—195.

- ⁴¹ Брюсова В. Г. О датировке. . . , с. 107; она же. О технике стенописи Софии Новгородской, с. 195.
- ⁴² Брюсова В. Г. К истории стенописи Софийского собора Новгорода. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 108—125.
- ⁴³ Брюсова В. Г. О датировке. . . , с. 104, прим. 10.
- ⁴⁴ Мединцева А. А. Надписи с именем художника Стефана из Софии Новгородской. СА, 1970, № 4, с. 141—152; она же. Автографы художников из Софийского собора в Новгороде. — Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе слав. археологии. М., 1975.
- ⁴⁵ Архив ЛОИА, колл. 163, негатив № III, 16462.
- ⁴⁶ Там же, № 0, 69625.
- ⁴⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стб. 1776.
- ⁴⁸ Там же, т. I, стб. 807.
- ⁴⁹ Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, с. 239—240; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 257.
- ⁵⁰ Там же, с. 240.
- ⁵¹ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 113—114.
- ⁵² Там же, с. 111—112.
- ⁵³ Высоцкий С. А. Указ. соч., табл. VII; Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи. . . , табл. I—II, № 12, с. 24—34.
- ⁵⁴ Трусевич Я. И. Свод 260 азбук и образцов кириллицы и снимков рукописей X—XVIII вв., вып. 1. СПб., 1905, л. 1, № 7.
- ⁵⁵ Бережков Н. Г. Указ. соч., с. 218, 220, 229.
- ⁵⁶ Архив ЛОИА, негатив № III, 16469.
- ⁵⁷ Срезневский И. И. Указ. соч., т. II, стб. 1662. Например: «. . . и мы избавлены быхом от прельсти дьяволя» (Лаврентьевская летопись, л. 41 об. ПСРЛ, т. I, вып. 1—3. Л., 1926, стр. 119). Аналогия любезно указала сотрудник Института русского языка АН СССР Т. А. Сумникова. На фото клише, обнаруженном в архиве; И. А. Шляпкина уже после публикации этой надписи, читается слово *ГЕА*, что подтверждает восстановление предыдущего слова.
- ⁵⁸ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 112.
- ⁵⁹ Орлов А. С. Библиография русских надписей. М.—Л., 1952, № 9, с. 21, 219.
- ⁶⁰ Михайлов М. И. Памятники русской вещевой палеографии. СПб., 1913, с. 30.
- ⁶¹ Шляпкина И. А. Древнерусские кресты. I. Кресты Новгородские до XV в. СПб., 1906, с. 24, прим. 2.
- ⁶² Об обстоятельствах находки этого голосника говорится в «Кратком отчете» И. А. Шляпкина: «В ризнице. . . перекладывали своды, так как она грозила падением. Оказалось, что постройка ризницы, вероятно, современна собору и что старые своды ее были несколько иначе, чем нынешние. . . Сняты фотокопии с надписи и креста на голоснике, найденном в сводах ризницы среди других голосников. . . » (Архив ЛОИА, ф. 1, 1894/237, № 69 об.). В фотоархиве сохранились эти фотографии, на которых представлен голосник с автографом Стефана и рисунком (на № 16458 и № 16459).
- ⁶³ Патерик Киевско-Печерского монастыря. Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911, с. 120—125.
- ⁶⁴ Туников Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗОРСА РАО, т. VI. СПб., 1903, с. 512.
- ⁶⁵ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 113.
- ⁶⁶ Трусевич Я. И. Указ. соч.
- ⁶⁷ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 113.
- ⁶⁸ Дмитриев Ю. Н. Заметки по технике русских стенописей XI—XII вв., с. 244.
- ⁶⁹ Владимирский летописец. ПСРЛ, т. XIII, М., 1965, с. 141—142.
- ⁷⁰ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Указ. соч., с. 103—104.
- ⁷¹ Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, с. 100—108.
- ⁷² Дмитриев Ю. Н. Заметки по технике русских стенописей, с. 243—244.
- ⁷³ Сушков В. В. Краткое изложение исследований Новгородского Софийского собора. «Зодчий», вып. XI, ноябрь 1894, с. 88.
- ⁷⁴ Брюсова В. Г. О датировке древнейших фресок. . . , с. 104; она же. О технике

- стенописи Софии Новгородской, с. 192—193.
- ⁷⁶ Архив ЛОИА, ф. 1, 1894/237, л. 67.
- ⁷⁶ Дмитриев Ю. Н. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование, с. 153.
- ⁷⁷ Архив Академии художеств (Ленинград), дело В. В. Суслова, № А 14653.
- ⁷⁸ Там же, № А 23995.
- ⁷⁹ НГБ (1956—1957), с. 56—58.
- ⁸⁰ Там же, с. 56.
- ⁸¹ Белецкий А. А. Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской. — В кн.: Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, с. 179.
- ⁸² Дмитриев Ю. Н. Заметки по технике русских стенописей XI—XII вв., с. 271—276; Брюсова В. Г. О технике стенописи Софии Новгородской, с. 104—105.
- ⁸³ Брюсова В. Г. Указ. соч., с. 192—193.
- ⁸⁴ Обсуждение проекта стеной росписи Новгородского Софийского собора. МАР, № 21, СПб., 1897, с. 6.
- ⁸⁵ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 115.
- ⁸⁶ Там же, с. 112—113.
- ⁸⁷ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, с. 194.
- ⁸⁸ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 114—115.
- ⁸⁹ Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка, с. 109.
- ⁹⁰ Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской, табл. 31, 32, 48, 60.
- ⁹¹ Лазарев В. Н. Михайловские мозаики. М., 1966, табл. 4.
- ⁹² Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв. САИ, Е1—44, М., 1964. См. хронологический график для буквы «М».
- ⁹³ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 112.
- ⁹⁴ Лазарев В. Н. О росписи Софии Новгородской. См. надписи при изображении царя Соломона (с. 26) и Иеремии (с. 32), а также надписи на свитках в руках пророков (копии) на с. 20, 27, 29 и т. д.
- ⁹⁵ Там же, с. 40, см. надпись при изображении Даниила.
- ⁹⁶ Белецкий А. А. Указ. соч., с. 169, 170, 176, 178.
- ⁹⁷ Там же, с. 189—190.
- ⁹⁸ В настоящее время В. Г. Брюсовой готовится к печати монография по истории живописи новгородского Софийского собора, где будут опубликованы и эти копии. См. также: Брюсова В. Г. О технике стенописи. . . , с. 193.
- ⁹⁹ Калинин И. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877, с. 39.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 34.
- ¹⁰¹ Шляпкин И. А. Современные задачи изучения древнерусской вещевой и книжной письменности. Новгород, 1916, с. 14—15.
- ¹⁰² Архив ЛОИА, ф. 1, 1894/237, л. 68.
- ¹⁰³ Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 2.
- ¹⁰⁴ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 111—112.
- ¹⁰⁵ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи. . . , табл. III—IV, № 16, 17.
- ¹⁰⁶ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 111—112; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, с. 188.
- ¹⁰⁷ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115.
- ¹⁰⁸ Будилович А. С. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова. СПб., 1871, табл. III.
- ¹⁰⁹ Карский Е. Ф. Указ. соч., рис. на с. 207.
- ¹¹⁰ Рыбаков Б. А. Указ. соч., табл. I—II, № 7; Высоцкий С. А. Указ. соч., табл. XIII—XIV.
- ¹¹¹ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 386—389.
- ¹¹² Там же, с. 390.
- ¹¹³ Пользуясь случаем поблагодарить Б. Л. Фонкича, который взял на себя труд ознакомиться с этой надписью.
- ¹¹⁴ «Украинский историчный журнал», 1969, № 6, с. 119—121.
- ¹¹⁵ Высоцкий С. А. Автограф художника из Софийского собора в Киеве. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 124.
- ¹¹⁶ По определению Л. П. Жуковской.
- ¹¹⁷ Лазарев В. Н. О росписи Софии Новгородской, с. 22.
- ¹¹⁸ Архив Музея архитектуры при Институте им. И. Е. Репина (Академия художеств), № А 14633.
- ¹¹⁹ Черных П. Я. Указ. соч., с. 80; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка, с. 75—76.
- ¹²⁰ Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен, с. 569.
- ¹²¹ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, с. 188.
- ¹²² Гошев И. Старо-български глаголически и кирилски надписи. София, 1961, с. 105.

- 123 Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966, с. 7—10.
- 124 Архив ЛОИА, на № 111, 6721.
- 125 Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут. СА, 1967, № 2, с. 97.
- 126 Там же, с. 97—98.
- 127 Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 97.
- 128 Каменцева Е. И. Хронология, М., 1967, табл. 1.
- 129 НГБ (1956—1957), с. 51.
- 130 Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской, с. 27—28.
- 131 Черныш П. Я. Историческая грамматика русского языка, с. 82.
- 132 Архив Академии художеств, дело В. В. Суслова, папка 21—В—3, без инвентарного номера (калька, наклеенная на картон).
- 133 Шляпкин И. А. Древние русские кресты, I, с. 24, прим. 1.
- 134 Фотоархив ЛОИА, колл. 163, № II, 14125.
- 135 Архив Академии художеств, папка № 21—В—3, без инвентарного номера, на отдельном листе кальки.
- 136 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 112.
- 137 Автограф № 24 начерчен на декоративной арке хоров вблизи фресковых автографов художников.
- 138 Штендер Г. М. К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии, с. 209—212.
- 139 Архив ЛОИА, № II, 14125, местонахождение не указано.
- 140 Лазарев В. Н. О росписи Софии Новгородской, с. 26—27.
- 141 Фотоархив ЛОИА, № II, 14124. Так как фотографии сделаны с отпечатков на мастике, изображения на них представляют собой зеркальные изображения реально существующих рисунков. Поэтому, чтобы точно воспроизвести рисунки, негативы при печатании пришлось перевернуть обратной стороной вверх. Местонахождение этих рисунков не указано.
- 142 Брюсова В. Г. О технике стенописи Софии Новгородской, с. 200—203.
- 143 Там же, с. 201, рис. 1.
- 144 Брюсова В. Г. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде, с. 113.
- 145 НЛ, М —Л., 1950, с. 182—183.
- 146 Брюсова В. Г. Указ. соч., с. 112—113.
- 147 Логвин Г. Н. Новые наблюдения в Софии Киевской. — В кн.: Культура средневековой Руси, Л., 1974, с. 160.
- 148 Петров Н. И. «Типик» о церковном и настенном письме епископа Нектария из Сербского града Велеса, 1599, ЗРАО, новая серия, т. XI, вып. 1—2, СПб., 1899, с. 33—34.
- 149 Брюсова В. Г. О датировке..., с. 106.
- 150 Дмитриев Ю. Н. Заметки по технике русских стеновых росписей X—XII вв., с. 275.
- 151 НЗЛ, СПб., 1873, с. 145—146.
- 152 ПСРЛ, т. IX—X, М., 1965, с. 91.
- 153 Рыбаков Б. А. Ремесло. — В кн.: Культура древней Руси. М.—Л., 1948, с. 171—175; Лазарев В. Н. Древнерусские художники и методы их работы. — В кн.: Древнерусское искусство XV—начала XVI в. М., 1963, с. 8.
- 154 Штендер Г. М. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской, с. 98—104.
- 155 Монгайт А. Л. Об археологических работах в Софийском соборе Новгорода Великого. КСИИМК, XXI, с. 135—136; он же. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора Новгорода Великого. КСИИМК, XXIV, 1949, с. 96—98.
- 156 Черныш П. Я. Указ. соч., с. 117—118; Борковский В. И., Куанцов П. С. Указ. соч., с. 105—106.
- 157 Штендер Г. М. Указ. соч., с. 103.
- 158 Брюсова В. Г. О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде, с. 106.
- 159 НЛ, с. 225, 237.
- 160 Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 115.
- 161 Там же, с. 112—113.
- 162 На технику выполнения надписи мне указано Г. М. Штендером, который также считает ее автографом строителя.
- 163 Туликов Н. М. Указ. соч., с. 254—255.
- 164 Там же, с. 266. В форме «krol» это слово имеется в польском языке. См. Преображенский А. Г. Этимологический словарь древнерусского языка. М., 1958, с. 358—359.
- 165 Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 194.
- 166 Туликов Н. М. Указ. соч., с. 338.
- 167 Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской, табл. VII—VIII, рис. 2 и с. 34—37.

- 168 Трусевич Я. И. Изборник 1905 г., вып. 1, л. 1, № 2; Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 373.
- 169 Штендер Г. М. Указ. соч., с. 94 и рис. на с. 95.
- 170 НГБ (1951), с. 46.
- 171 Штендер Г. М. Указ. соч., с. 94.
- 172 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 150.
- 173 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 217.
- 174 Рисунок был обнаружен еще В. В. Сусловым. Во время последних реставрационно-археологических работ вновь был открыт этот участок стены. Фрагмент цеманочной штукатурки с надписями и рисунками снят со стены и в настоящее время находится в экспозиции Новгородского историко-художественного музея.
- 175 Штендер Г. М. К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии, с. 211—212.
- 176 Каргер М. К. Новгород Великий. М.—Л., 1961, с. 113—116; он же. Отчет об археологических раскопках в Новгородском Софийском соборе, 1955 г. Архив ИА, Р. 1, 1217, с. 28.
- 177 ПСРЛ, т. III, с. 214.
- 178 Каргер М. К. Памятники древнерусского зодчества. (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде). «Вестник АН СССР», 1970, № 9, с. 83—85.
- 179 Ильин М. А. Мастер Петр. «Архитектура СССР», 1953, вып. 2, с. 37—39; Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих. СА, 1957, № 1.
- 180 Каргер М. К. Указ. соч., с. 85.
- 181 См. Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952.
- 182 См. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, с. 283.
- 183 Каргер М. К. О деятельности зодчего Петра и Феофана Грека. ТОДРЛ, XIV, М.—Л., 1958, с. 565—568.
- 184 Тупиков Н. М. Указ. соч., стр. 407.
- 185 Там же, с. 444.
- 186 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб, 1903, стб. 934—937.
- 187 Там же, стб. 1107—1108.
- 188 Черныш П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, с. 261.
- 189 Срезневский И. И. Указ. соч., т. III, стб. 1704.
- 190 Монгайт А. Л. Раскопки в Старой Рязани. КСИИМК, 38, 1951, с. 18—19.
- 191 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 182.
- 192 Медынцева А. А. Новгородские надписи. . . , с. 9—10: имя было прочитано как «Сбород». Очевидно, более правильно чтение «Феодор».
- 193 Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 33.
- 194 Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 420.
- 195 Tassyski W. Najdawniejsze polskie imiona osobowe. Kraków, 1925.
- 196 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115.
- 197 Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 85.
- 198 Архив Музея архитектуры при Институте им. И. Е. Репина, дело В. В. Суслова, IV, а/4.
- 199 Архив ЛОИА, л. 35/2, № 1626, л. 24.
- 200 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стб. 1147.
- 201 Фотоархив ЛОИА, № III, 16469.
- 202 Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи. . . , табл. I—II, № 3, 4, 6, 12.
- 203 Жуковская Л. П. Палеография. — В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 24.
- 204 Петровский Н. М. О новгородских «Словенах». ИОРЯС, 1920, т. 25, с. 376.
- 205 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 97; Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 181.
- 206 Толстой И. И. Древнейшие русские монеты X—XI вв. СПб., 1893, с. 59.
- 207 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 125.
- 208 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 194.
- 209 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 188.
- 210 Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 78.
- 211 Там же, ф. 1, 1894/237, л. 27.
- 212 НЛД, с. 61.
- 213 Алексеев Л. В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, № 3. В статье перечислены все Богши, упоминаемые древнерусскими источниками.
- 214 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115.
- 215 НГБ (1955), с. 16—17.
- 216 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 109—110.
- 217 Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен, с. 260—261.
- 218 НГБ (1953—1954), с. 34—35.
- 219 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стб. 1602.
- 220 Абрамович Д. Киево-Печерский патерик. Киев, 1931, с. 5—12, 172—173.

- 221 Лазарев В. Н. Михайловские мозаики. М., 1966, с. 21.
- 222 О паломниках домонгольского времени см.: Вадворнов Г. И. Миниатюра из евангелия попа Домки и черты восточнохристианского искусства в новгородской живописи XI—XII вв. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968, с. 218—222.
- 223 Житие и хождение Даниила Русьские земли игумена. 1106—1107 гг. «Православный палестинский сборник», вып. 3 и 9, СПб., 1885.
- 224 Абрамович Д. Указ. соч., с. 19.
- 225 Цит. по: Вадворнову Г. И. Указ. соч., с. 221.
- 226 Там же, с. 220.
- 227 РИБ, т. VI, стб. 61—62, § 22.
- 228 Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 18.
- 229 Там же, ф. 1, 1894/237, л. 69 об.
- 230 Срезневский И. И. Указ. соч., т. III, стб. 1195.
- 231 Щепкин В. Н. Новгородские надписи-граффити, с. 39.
- 232 Рыбаков В. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 23—24.
- 233 См. комментарий к надписи № 11.
- 234 Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958, с. 384.
- 235 Срезневский И. И. Указ. соч., т. III, стб. 1410.
- 236 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 203—204.
- 237 Срезневский И. И. Указ. соч., т. I, стб. 830—831.
- 238 Арцизовский А. В., Киселев С. В. К истории восстания смердов 1071 г. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7—8; Арцизовский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальско-Смоленской земле. «Проблемы истории капиталистических обществ», 1934; № 11—12; Мавродин В. В. К вопросу о восстании смердов. Там же, № 6; Воронин Н. Н. Восстание смердов в XI в. «Исторический журнал», 1940, № 2; Греков Б. Д. Киевская Русь, М.—Л., 1949, с. 486, 488; Мартынов М. Н. Восстание смердов на Волге и Шекне во второй половине XI в. «Уч. зап. Вологодского пед. ин-та», т. IV, 1948; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; Мавродин В. В. Народные восстания в древней Руси. М., 1961.
- 239 Рыбаков В. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 16—18.
- 240 ПВЛ, т. I, с. 120—121; Н1Л, с. 196.
- 241 См. комментарий к надписям № 79, 80.
- 242 Рыбаков В. А. Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи). — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 63.
- 243 Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 110—112.
- 244 Щепкин В. Н. Новгородские надписи-граффити, с. 26—27.
- 245 Голубинский Е. История русской церкви, т. 1, 2-я половина, с. 791—792.
- 246 ПСРЛ, т. IX—X, с. 68.
- 247 Там же, с. 152.
- 248 Голубинский Е. Указ. соч., т. I, 2-я половина, с. 792.
- 249 Иванов И. Богомилски книги и легенди. София, 1925, с. 39—40.
- 250 Попруженко М. Г. Коама Пресвитер и новгородский еретик XV в. — В кн.: Сборник в честь на проф. Милетич. София, 1933, с. 321—332; Зимин А. А. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв. — В кн. История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 96.
- 251 Никольский Н. М. О древнерусском христианстве. «Русская мысль», 1913, июнь, с. 1—23.
- 252 Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.), М., 1960, с. 109.
- 253 Никольский Н. М. Указ. соч., с. 18—22.
- 254 Лазарев В. Н. Мозаики Софии Киевской, с. 31—33.
- 255 Ангелов Д. Богомилство в Болгарии. М., 1954, с. 61—62.
- 256 ПВЛ, ч. 1, с. 118; Н1Л, с. 193—194.
- 257 Мельников П. И. (Печерский). Очерки мордвы. «Русский вестник», 1867, т. 71, с. 231, прим. на с. 240; Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1889, с. 110; Иванов И. Богомилски книги и легенди, с. 39.
- 258 Жужундава О. Г. Из истории общественно-политической жизни Древнерусского государства. Автореферат канд. дисс. Тбилиси, 1964, с. 15—

- 16; он же. Классовая борьба в Киевской Руси конца XI в. «Вестник Отделения общественных наук Академии наук Груз. ССР», 1963, № 3.
- 268 Иванов И. Указ. соч., с. 24—27; Ангелов Д. Указ. соч., с. 180—199.
- 269 Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха, с. 110.
- 270 Галковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II, М., 1913, с. 96—98.
- 271 Рыбаков Б. А. Основные проблемы изучения славянского язычества. — В кн.: Доклады на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 5—9; он же. Русская эпиграфика X—XIV вв., с. 63; он же. Языческое мировоззрение русского средневековья. «Вопросы истории», 1974, № 1, с. 29.
- 272 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, СПб., 1893, стб. 599.
- 273 Ангелов Д. Указ. соч., с. 50—51.
- 274 Гошев И. Старо-български глаголически и кирилски надписи. София, 1961, с. 79—83.
- 275 Срезневский И. И. Указ. соч., стб. 3. Даль В. указывает и другое значение этого слова: изготовить, починить. См. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1955, с. 256.
- 276 Срезневский И. И. Указ. соч., т. I, стб. 1367.
- 277 Там же, стб. 1361.
- 278 Голубинский Е. История русской церкви, т. I, 2-я половина, с. 686.
- 279 Черныш П. Я. Указ. соч., с. 136.
- 280 Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 121.
- 281 Д. С. Лизачев. Софийский временник и новгородский политический переворот 1136 г. «Исторические записки», 1948, № 25, с. 248.
- 282 Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи, с. 30.
- 283 Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I, М., 1970, с. 54—56.
- 284 Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 120.
- 285 Срезневский И. И. Указ. соч., т. I, стб. 773.
- 286 Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, с. 188.
- 287 Срезневский И. И. Указ. соч., т. I, стб. 1369.
- 288 Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 132.
- 289 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 112.
- 290 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 112—113.
- 291 ННЛ, с. 37.
- 292 Черныш П. Я. Указ. соч., с. 82.
- 293 Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 329; Tazguski W. Указ. соч., с. 85.
- 294 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115.
- 295 Срезневский И. И. Указ. соч., т. I, стб. 317.
- 296 См., например, грамоты № 240, 241, 296, НГБ (1956—1957), с. 62—63, 125—126; № 404, НГБ (1958—1961), с. 104—106.
- 297 Срезневский И. И. Указ. соч., т. II, стб. 5.
- 298 Там же, т. III, стб. 186—187.
- 299 Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., № 45—47, 54.
- 300 Карнеева М. Язык служебной минеи 1095 г. «Русский филологический вестник», 1917, вып. 3-4. Комарович В. Язык служебной октябрьской минеи 1096 г. ИОРЯС, т. XXX, 1925. И. И. Срезневский указывает написание «вредовъннаго» в памятнике XI в. — «XIII слов Григория Назианзина» по списку публичной библиотеки (Срезневский И. И. Указ. соч., т. I, стб. 317).
- 301 НГБ (1956—1957), с. 34—35.
- 302 Там же, с. 134—155.
- 303 Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 199.
- 304 ПСРЛ, т. III, с. 225.
- 305 Щепкин В. Н. Новгородские надписи-graffiti, с. 115.
- 306 Там же, с. 112.
- 307 ННЛ, с. 19.
- 308 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 26—46.
- 309 Там же, с. 26.
- 310 НГБ (1958—1961), с. 82.
- 311 Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 60.
- 312 Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 116.
- 313 Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 40.
- 314 Щепкин В. Н. Новгородские надписи-graffiti, с. 36—37.
- 315 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 44.
- 316 Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., с. 124.
- 317 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 44.
- 318 Филин Ф. П. Указ. соч., с. 268.
- 319 Фотоархив ЛОИА, колл. 163.

- 311 В. Н. Щепкин предположил, что оно имеет не русское и не славянское происхождение (Указ. соч., с. 43).
- 312 Там же, с. 35.
- 313 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 191.
- 314 Заимов И. Битолски надпис на Иван Владислав. София, 1970, с. 40, рис. 3.
- 315 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 32.
- 316 Н1Л, с. 20, 204.
- 317 Высоцкий С. А. Указ. соч., с. 130.
- 318 Туников Н. М. Указ. соч., с. 90, 113; Tazyski W. Указ. соч., с. 67; Vozen. Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 205.
- 319 Архив ЛОИА, ф. 1, 1894/237, л. 69.
- 320 Щепкин В. Н. Новгородские надписи-graffiti, с. 33.
- 322 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стб. 1419.
- 323 См. указатель личных имен к Н1Л, с. 574.
- 324 Новгородские летописи. СПб., 1888, с. 1196.
- 325 Антонова В. И. Древнерусская живопись в Государственной Третьяковской галерее. — В кн. Антонова В. И., Мнеева Н. Е. Каталог древнерусской живописи, т. I, М., 1963, с. 9, прим. 5.
- 326 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 109; Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 181.
- 327 Толстой И. И. Древнейшие русские монеты X—XI вв., с. 59.
- 328 Карский Е. Ф. Указ. соч., рис. на с. 125.
- 329 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 39.
- 330 Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 108—110.
- 331 Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи. . . , табл. III—IV, № 16—17.
- 332 Шляпкин И. А. Современные задачи изучения древнерусской вещевой и книжной письменности, с. 4—5. Касаясь этой надписи, И. А. Шляпкин ничего не говорит о восстановлении их. Возможно, в то время эти надписи, или одна из них, были лучшей сохранности.
- 333 Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, с. 98—99.
- 334 Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874, с. 90—107.
- 335 Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии. — В кн.: Греков Б. Д. Избранные труды, т. IV, М., 1960, с. 40—41.
- 336 Каптерев Н. Указ. соч., с. 94—95.
- 337 Высоцкий С. А. Указ. соч., с. 58—59.
- 338 Куза А. В. Кто был наследником Остромира в Новгороде. — В кн.: Славяне в Русь. с. 299—301.
- 339 Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 50—53.
- 340 Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XVI вв. СПб., 1885, с. 120. Эту приписку И. В. Ягич считает более поздней (XIII—XIV вв.) Ягич И. В. Служебные мины за сентябрь, октябрь и ноябрь. СПб., 1886, с. XI.
- 341 Высоцкий С. А. Указ. соч., с. 18—24.
- 342 Обнорский С. П. Исследование о языке мины за ноябрь 1097 г. ИОРЯС, 1924, т. XX, с. 180. Автор ссылается на аналогичные написания в Маринском евангелии, Саввиной книге, Супрасльской рукописи.
- 343 Памятники российской словесности XVII в., изданные К. Калайдовичем. М., 1821, с. 202.
- 344 Срезневский И. И. Славяно-русская палеография, с. 114.
- 345 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стб. 1721.
- 346 Там же, стб. 1775.
- 347 Там же, стб. 934.
- 348 Архив ЛОИА, негатив № III, 16461.
- 349 Там же, № III, 7305.
- 350 Туников Н. М. Указ. соч., с. 388, 421, 473.
- 351 Tazyski W. Указ. соч.
- 352 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стб. 2.
- 353 Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 75—76. Последний из этих трех братьев — Ефрем Новоторжанин, по преданию, построил близ Торжка странноприимный дом, а затем (1030 г.) Борисоглебский монастырь.
- 354 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стб. 629 и т. I, стб. 1027—1029.
- 355 Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 114—115.
- 356 Там же, с. 112.
- 357 Там же, с. 113—114.
- 358 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 188; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956, с. 156.

- 359 Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966, с. 7—10.
- 360 Седов В. В. Языческая братчина в древнем Новгороде, КСИИМК, 65, с. 138—141.
- 361 Там же, Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. КСИИМК, вып. 68, с. 20—30; Миронова В. Г. Языческое жертвоприношение в Новгороде. СА, 1967, № 1, с. 215—227.
- 362 Седов В. В. Языческая братчина в древнем Новгороде.
- 363 Миронова В. Г. Указ. соч., с. 224—225.
- 364 Там же, с. 224.
- 365 Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде, с. 21.
- 366 АСЭИ, т. III, № 25, с. 44—46; Исследования о состоянии рыболовства в России, т. IX. СПб., 1867, с. 44.
- 367 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 125.
- 368 Срезневский И. И. Славяно-русская палеография, с. 124—125.
- 369 НГБ (1951), с. 38—39.
- 370 НГБ (1952), с. 82.
- 371 НГБ (1953—1954), с. 48—50, 53.
- 372 НГБ (1956—1957), с. 16, 36—37, 42—44, 49—51, 54, 60, 62—66, 112—114, 125—126.
- 373 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стб. 184—185.
- 374 Там же, стб. 185.
- 375 Там же, т. I, стб. 978; т. II, стб. 79. См. значение «зимусь», «летось».
- 376 Борковский В. И., Кузнецов П. С. Указ. соч., с. 436.
- 377 И в XV—XVI вв. дважды в год — к Филиппову заговенью (14 ноября) и к большому мясному (перед великим постом) — всем служащим в Софийском доме людям, не только причту, раздавались деньги. См. Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии, с. 58.
- 378 Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья, М., 1956, с. 38—40.
- 379 Там же, с. 40—41.
- 380 Тихомиров М. Н. Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953, с. 82.
- 381 Там же, с. 85.
- 382 Туликова Н. М. Указ. соч., с. 712.
- 383 Там же, с. 473.
- 384 Фотоархив ЛОИА, негатив, № III, 16462.
- 385 Tazguski W. Указ. соч. с. 109.
- 386 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 191.
- 387 Архив ЛОИА, ф. 35—2, № 1626, л. 28.
- 388 Фотоархив ЛОИА, колл. 163.
- 389 Tazguski W. Указ. соч., с. 93.
- 390 Фотоархив ЛОИА, негатив № III, 6717.
- 391 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стб. 139.
- 392 Там же, стб. 764.
- 393 Архив ЛОИА, колл. 163, № 16471—73.
- 394 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 273—274.
- 395 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стб. 26.
- 396 Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 110—112.
- 397 НГБ, с. 473.
- 398 Рыбаков Б. А. Именные надписи XII ст., с. 59.
- 399 НГБ, с. 213.
- 400 Брюсова В. Г. К истории стенописи Софийского собора Новгорода, с. 108—125.
- 401 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стб. 764—765.
- 402 Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 16—18.
- 403 НГБ, с. 25.
- 404 Черныш Н. Я. Указ. соч., с. 125.
- 405 Архив ЛОИА, колл. 163, № 16460, 16465—66, 7.696.35, 0.69644.
- 406 Архив Академии художеств, дело В. В. Суслова, папка 21—В—3 (без инвентарного номера).
- 407 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 182.
- 408 Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия, София, 1952, с. 92.
- 409 Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 182.
- 410 Фотоархив ЛОИА, негатив № III, 7303.
- 411 Высоцкий С. А. Указ. соч., с. 124.
- 412 Рождественская Г. В. Об особенностях палеографии надписей граффити XI—XIV вв., с. 96.
- 413 Там же.
- 414 Щепкин В. Н. Указ. соч., прим. 43 на с. 113.
- 415 Там же, с. 109—110.
- 416 Кирпичников А. Н. Древнейший русский подлинный меч. СА, 1958, № 4.
- 417 Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 132.
- 418 Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 26140.

- 419 Там же, негатив № III, 7303.
 420 НГБ (1958—1961), с. 25.
 421 НГБ (1952), с. 72.
 422 *Высоцкий С. А.* Указ. соч., с. 56—58, 73—81; *Рыбаков В. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв., № 14, с. 22—23.
 423 Фотоархив ЛОИА, коп. 163.
 424 Н1Л, с. 29.
 425 Фотоархив ЛОИА, негатив № III, 6716.
 426 Там же, № 6715.
 427 Там же, № II, 26134.
 428 *Щепкин В. Н.* Указ. соч., с. 115.
 429 *Сидоров В. Н.* Указ. соч., с. 7—10.
 430 Фотоархив ЛОИА, негатив № 7306.
 431 *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 10, № 2.
 432 *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 142.
 433 Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 14125.
 434 *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 204.
 435 НГБ (1952), с. 62—63.
 436 Там же, с. 81—82.
 437 *Taszycki W.* Указ. соч., с. 88.
 438 НГБ (1956—1957), с. 54.
 439 *Куза А. В., Мединцева А. А.* Запись Николы из новгородского Софийского собора. СА, 1976, № 1.
 440 Архив ЛОИА, разд. III, № 6720.
 441 На реконструкции отсутствующие буквы и части букв даны пунктиром, причем их начертания полностью соответствуют одной из сохранившихся букв надписи.
 442 Предложено Л. П. Жуковской.
 443 Буквы ЦН (ЮДОТЮРЪЦН) и МЪИ (КОЗЪМЪИ) реконструированы Л. П. Жуковской.
 444 *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография, с. 205.
 445 *Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография, с. 116, 119, 121, 123.
 446 *Щепкин В. Н.* Русская палеография, с. 112.
 447 *Жуковская Л. П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, с. 98—99.
 448 *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка, с. 97—98.
 449 *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 183—184.
 450 Н1Л, с. 27.
 451 Там же, с. 89.
 452 Никоновская летопись, ПСРЛ, т. IX—X, М., 1965, с. 91.
 453 *Лизачев Д. С.* Комментарии к Повести временных лет. ПВЛ, т. II, М.—Л., 1955, с. 390—391.
 454 К тому же даже поздние источники не сообщают о существовании в Киеве держки Козьмы и Демьяна.
 455 *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, с. 492. «Того же лета о Господине дне повиде Витовт с силою Литовскою» — Тверская летопись, 6903 г.
 456 *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Указ. соч., с. 430.
 457 *Срезневский И. И.* Указ. соч., т. I, с. 760. «Коиими же ногами походиша по дну храма святого...», «искаше дну нити...»
 458 *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Указ. соч., с. 442.
 459 *Вершинский Д. М.* Месяцеслов православно-кафолической церкви. СПб., 1856, с. 266.
 460 *Язич И. В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь, СПб., 1886.
 461 *Востокос А. Х.* Остромирово евангелие 1056—1057 гг. СПб., 1843, лл. 281, об., 239, об., 231 об.
 462 Н1Л, с. 16, 181.
 463 НЗЛ, СПб., 1879, с. 180.
 464 *Брюсова В. Г.* О дне освящения Софийского собора в Новгороде. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 111—113.
 465 Н1Л, с. 181.
 466 ПВЛ, ч. I, с. 101.
 467 Там же, с. 110.
 468 Н1Л, с. 181; ПВЛ, ч. I, с. 104, ч. II, с. 382, 383.
 469 Н1Л, с. 420.
 470 ПСРЛ, т. V, с. 138.
 471 Н1Л, с. 16, 181.
 472 *Петровский Н. М.* О новгородских «словах». ИОРЯС, 1920, т. 25, с. 376.
 473 *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892, с. 33.
 474 ПВЛ, ч. I, с. 40, 114, 121, 132.
 475 Н1Л, с. 177.
 476 См. *Каргер М. К.* К характеристике древнерусского летописца. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955.
 477 Н1Л, с. 197. См. также ПВЛ, ч. II, с. 406—407.
 478 См. Устав Владимира Мономаха в составе пространной редакции Русской Правды. ПРП, т. I.
 479 ПВЛ, ч. I, с. 132.

- ⁴⁸⁰ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941, с. 62—70; Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950, с. 293—303; Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда. — В кн.: Новосельцев Н. А., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 185—186.
- ⁴⁸¹ Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 64—65.
- ⁴⁸² Зимин А. А. К истории текста Краткой редакции Русской Правды. «Труды Московского историко-архивного ин-та», т. 7, 1954; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964, с. 105.
- ⁴⁸³ ПВЛ, ч. I, с. 40, 114.
- ⁴⁸⁴ Там же, с. 121.
- ⁴⁸⁵ Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 169—175.
- ⁴⁸⁶ ПВЛ, ч. I, с. 170.
- ⁴⁸⁷ Миколой Чудин назван в новгородских списках Правды Ярославичей. Там же Никифор Княнин именуется Микифором.
- ⁴⁸⁸ Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 6718.
- ⁴⁸⁹ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 112—113; Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 188.
- ⁴⁹⁰ Фотоархив ЛОИА, негатив № 6712.
- ⁴⁹¹ Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 24.
- ⁴⁹² Фотоархив ЛОИА, № 6721.
- ⁴⁹³ Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 781—782.
- ⁴⁹⁴ Taszycki W. Указ. соч., с. 91.
- ⁴⁹⁵ Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 14129.
- ⁴⁹⁶ Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 472.
- ⁴⁹⁷ Очевидно, от имени, сходного с именами ТЫШЯТИ, ТЫШНАИ; см. там же, с. 462.
- ⁴⁹⁸ Фотоархив ЛОИА, № 14123, № 14128.
- ⁴⁹⁹ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115.

** Глава вторая **

НАДПИСИ

«Иоаким писал с Аврамом в лето $\Xi\chi\theta\Delta$ 6674 (1166 г.)» или в $\Xi\chi\theta\theta$ 6679 (1171 г.), или 6670 (1162 г.). Это одна из немногих надписей, содержащая в тексте точную дату. К сожалению, конец даты поврежден. Отчетливо читается θ (70) на месте десятков, затем следует неясный зачеркнутый знак — Δ или θ . Плохая сохранность этой буквы и выбоина в штукатурке там, где должно быть титло, заставляет сомневаться в восстановлении буквы, обозначающей число единиц. Надпись может датироваться от 1162 (6670) до 1171 (6679) г., но наиболее вероятна дата — 1162 г.

Палеографические наблюдения подтверждают дату, содержащуюся в тексте надписи: Ψ в виде «цветка лилии» типично для XII в., коромысло Υ лежит уже на уровне строки, что также характерно для этого времени ¹.

Иоаким и Аврам оставили еще одну надпись, очевидно такого же содержания (конец ее поврежден). Она тоже находится на стене лестничной башни, но уже на самом верху, перед выходом на крышу собора (надпись № 194, рис. 120).

НѦКНМЪ Ψ ΛЪ ХОД...
 СЪ АВРАМОМЪ ϵ [Υ] Λ...

ХОД в конце первой строки можно понять как начало слова «ходячи». Почерк надписей № 193 и 194 идентичен. Очевидно, обе надписи сделаны одновременно, по случаю «хождения» Иоакима с Аврамом на кровлю Софии.

Надпись № 195 (рис. 121) процарапана несколько выше надписи № 193. Она почти стерта, можно разобрать следующие слова:

ДОМОСЛАВЕ (ж)ГНН(ΥΕ)
 Ψ ΛΥΙ ΝΙ Λ ΚΟΝΙ ΕΔΕ...

Очевидно, это автограф Домослава (Угринича?) с указанием дня (на Якова), когда он был оставлен.

Перекаладина Π горизонтальна, Υ в виде «бокальчика». Наставить на чтении Υ Ι на конце слова «псал» трудно. Возможно, это Υ , которому случайная царапина придает вид Υ Ι. Данных для палеографических наблюдений недостаточно, но, если судить по сохранившимся буквам, надпись № 193 можно отнести к XII в.

Надпись № 196 (рис. 121) прочерчена несколько ниже предыдущей и тоже очень плохо сохранилась. Можно различить только:

СТΕΕΝ... Ψ ΛЪ
 ΠΟΝΟΜΑΡЬ ΕΕ...

Имя восстановить трудно, от него осталось только начало: «Стеви... писал, пономарь». Надпись оставлена пономарем из причта Софии. Для палеографических наблюдений мало данных. Предположительно можно отнести автограф пономаря к XII в.

Надпись № 197 (рис. 79) находится на центральном столбе лестничной башни между третьей и четвертой площадками. Она сильно повреждена насечками под позднейшую штукатурку. Но сохранилась прорись этой

надписи, сделанная во время реставрационных работ под руководством В. В. Суслова еще до повреждения надписи². С помощью этой прориси можно восстановить утраченные буквы:

(А)РОПА[Ъ]ТА Д(Р)ОЖНИ ПЕИ[Н] РАДОУ...

ИН[Ъ]... Д(Р)Ъ(Н)... (Т)РЪ РАДИГОГ...

(Ярополча дружина писали: Радочень, Андрей (?), Петру (?), Радигост). Эта надпись — коллективный автограф дружинников князя Ярополка. В конце первой строки имя Радочень приписано другим почерком. «Андрей» написано с большим промежутком между Ё и Д, очевидно из-за трещины, которая уже существовала в то время, когда писалась надпись. Ъ на конце имени Петр хорошо сохранилось и в настоящее время. Очевидно, это имя представляет собой производное от «Петр».

Трещины в штукатурке кажутся похожими на О между буквами Р и Я в имени Радигост и на З в слове «писали», что нашло отражение и на прориси из архива И. А. Шляпкина. Исследования надписи в натуре позволяют утверждать, что это буквообразные трещины, не имеющие отношения к надписи. В слове АРОПАТА после плавного А написан Ъ (Ѣ на прориси), очевидно, под влиянием старославянских форм; Т вместо У скорее всего отражает индивидуальные особенности речи автора надписи.

Палеография надписи довольно архаична: Ж из трех пересекающихся палочек, Н с горизонтальной перекладиной, Н в виде латинского, У в виде бокальчика — это признаки XI—XII вв. Буква Ъ целиком умещается в строке, что типично для XI и еще встречается в первой половине XII в.³ Написание АРОПАТА с Ъ после А говорит о сохранении сильного Ъ перед плавным А, который в этом положении превратился в О главным образом во второй половине XII в.⁴ В слове ПЕИЛИ слабый Ъ уже отсутствует. По совокупности палеографических и фонетических признаков надпись № 197 можно датировать XII в., возможно не позже середины XII в.

Палеографическая датировка этой надписи может быть уточнена исторически. В пей упоминается дружина князя Ярополка. Ярополк — довольно редкое имя для новгородских князей. На протяжении XI—XIII вв. по сведениям новгородских летописей в Новгороде было всего три князя с таким именем. Один из них — Ярополк, участник Раковорской битвы, упоминается в летописи под 1269 г.⁵

Но палеография надписи указывает на более раннее время. Два других княжили в Новгороде во второй половине XII в. Первый из них, Ярополк Ростиславич, внук Юрия Долгорукого, впервые появился в Новгороде вместе с братом Мстиславом зимой 6685 (1177 г.). Этому предшествовал неудачный поход братьев на Суздаль, когда они были захвачены в плен. Далее в летописи следует рассказ о «слеплении» братьев «от строя своего Всеволода» и их чудесном прозрении в Смоленске, в церкви святых мучеников Бориса и Глеба. В 1177 г. они были приняты новгородцами, после чего в Новгороде остался княжить Мстислав, а Ярополк был посажен на княжение в Новом Торге. Снова Ярополк приходит в Новгород

в 6686 (1178) г. после смерти Мстислава. Но в том же году новгородцы «показывают путь» этому князю ⁶.

Таким образом, дружина Ярополка Ростиславича могла расписаться на стене Софийского собора в 1177 или 1178 г.

Другой князь, Ярополк Ярославич, появился в Новгороде в марте 6705 (1197) г. и княжил всего лишь шесть месяцев ⁷.

Следовательно, дата надписи № 197 может быть 1177 или 1178 г., если считать, что в ней упоминается дружина Ярополка Ростиславича, или март—август 1197 г., если ее оставила дружина Ярополка Ярославича.

К сожалению, двадцать лет разницы, которые прошли между этими двумя княжениями, почти не отражаются в палеографии. Но все-таки, если учитывать архаические палеографические и фонетические черты этой надписи, наиболее вероятно, что она оставлена дружиной Ярополка Ярославича. Об этом говорит и упоминание о дружине Ярополка, как бы в противовес другой дружине (его брата Мстислава). Это могло быть в 1177 г.

Надпись № 198 (рис. 80) процарапана по цемяночной штукатурке центрального столба лестничной башни, несколько выше второй площадки: **НЛЕМЕРЕ ЧЛЪ** (Илеме́ре писал). Имя Илеме́ре по древнерусским источникам не известно. Но в летописях озеро Ильмень имеет форму «Илмерь» (до XVI в.), что восходит к финскому «озеро, делающее погоду» ⁸. Очевидно, «Илеме́ре» — производное от этого названия.

Для палеографических наблюдений данных мало. Н с горизонтальной перекладиной, петля Ъ еще треугольна. Скорее всего, надпись № 198 относится к XII в.

Надпись № 199 (рис. 122) находится на центральном столбе лестничной башни, пятью ступенями выше десятой площадки. Она была прочерчена очень тонкими штрихами, некоторые из них стерлись с течением времени. Кроме того, надпись повреждена насечками. Сохранившаяся прорись лишь частично может дополнить утраченные буквы ⁹:

ГОЛОЛЕ ЖЕЛЕЗНЪУ
КИМАН(Ъ)Н ПРЪ
СН МЕД(Н)ЛА
ГОЛОВИ АН(О)
ВЯ (У)ЕЛОСТЬ [Е]Ъ ЗОЛ — Ъ
СБ — АННД... ВО РОЖИ
БЕЕЕ СОТОНА ТИТЕ(МЪ)
ТИРЪ НО ДОБРЪ ЯКО
НЕНА(А)...
АБЕЕДЛ...
Б(Ъ)УТН — — ЯМНННЪ

Графика надписи настолько своеобразна, что необходимо остановиться на начертании отдельных букв и необычных лигатур. Буква Г пишется

таким образом, что напоминает Т (см. начало 4-й строки, где чтение Г бесспорно). Головка буквы И пишется в виде двух параллельных косых черточек, иногда эта буква начерчена в зеркальном варианте. Встречены лигатуры: Њ (Н + Ъ) — первая строка; Ъ (П + Ъ) — вторая строка, Ѧ (Д + Ю) — пятая строка; Ж (З + К) — шестая строка; Ъ (Т + Ъ) — пятая строка.

Кроме того, ограничительные штрихи часто объединяют соседние буквы. Ограничительный штрих К сближает ее с Ъ. Часты разноформатные буквы, линия строки не выдержана, строчки иногда находят одна на другую. Создается впечатление, что автор надписи сознательно стремился затруднить ее прочтение.

Перечисленные особенности надписи, так же как и плохая сохранность, позволяют полностью прочесть только первые пять строк: «Гололе Же-лезничъ, камянии перси, медяная голова, липова челюсть, в золоте. . .» Первое слово читается ГОЛОЛЕ, а не ГОЛОДЕ (на Д пятую букву этого слова делает похожей случайная царапина).

Из последующего текста можно разобрать слово «руки», где З и К образуют своеобразную лигатуру. Седьмая строка читается полностью, хотя контекст не ясен: «бесе сотона татем» (мн. число от слова «тать» — грабитель), затем: «. . . добр ако. . .». Бесспорно чтение последнего слова — «аминь».

Для выяснения смысла надписи очень важны ее первые пять строк, чтение которых не вызывает сомнения. Их содержание находит аналогии в текстах загадок, относящихся к церкви, колоколу, колокольному звону. Например, загадка о церкви из сборника Д. Садовникова:

В поле стожок,
Золотой вершок.
Около фигурки
Серебряные,
Маковна позолоченная.

Или загадка о колоколе:

Вода железная,
Берега медяные ¹⁰.

Еще одна загадка о колоколье: «Стоит долина, золотая вершина» ¹¹.
Есть загадки, в которых имитируется колокольный звон:

Взойду я на гой-гой, ударю дживарь, дживарь,
Милые детки, собирайтесь в одну клетку ¹².

Взойду я на гой, гой, гой.
Вдарю я в бери-берду ногой и рукой ¹³ и т. д.

Эти последние две загадки поясняют и неясное слово «гололе». Очевидно, это тоже имитация колокольного звона (го-ло-ле).

Таким образом, надпись № 199 — загадка, в которой под словами «Гололе Железничъ» имеется в виду колокол или колоколье. К сожалению, плохая сохранность и своеобразная графика надписи не позволяют

восстановить ее дальнейший связный текст. Однако те отдельные слова, которые можно прочесть, не противоречат такому толкованию. Упоминаются бесы, сатана, тати, которые, очевидно, боятся колокольного звона.

Своеобразная графика этой надписи затрудняет не только чтение, но и ее датировку. У «бокальчиком», геометрические петли **Ъ** и **Ѣ**, **Н** с горизонтальной перекладиной являются признаками XI—XII вв. Однако написание **Ж** в пять приемов, **Е**, типичное уже для памятников полуустава¹⁴, заставляют датировать надпись № 199 более поздним временем.

В слове **ПЬРСН** сохраняется сильный **Ъ**, который начал превращаться в гласный полного образования со второй половины XII в.¹⁵ Но написание **МЕДАНІА** с **Є** вместо **Ѣ** типично для более позднего времени, хотя отдельные случаи замены этимологического **Ѣ** буквой **Є** встречаются еще в памятниках XI в.¹⁶ В берестяных грамотах самые ранние случаи замены **Ѣ** буквой **Є** как в начале слова и после гласного, так и после согласного, встречаются в грамотах XII в., в основном второй половины века¹⁷.

В надписи № 199 характерное начертание имеет **І**, головка которого образуется двумя параллельными линиями. Аналогии такому начертанию имеются в берестяных грамотах, относящихся преимущественно к XIII в. (№ 198—200, 203, 206, 207, 213¹⁸, 330¹⁹), в нескольких грамотах конца XII—начала XIII в. (№ 87²⁰, 223, 228²¹) и в одной грамоте с очень широкой стратиграфической датой (1134—1224) (№ 240)²².

Таким образом, эта специфическая форма **І** встречается в берестяных грамотах конца XII—XIII в. Совокупность палеографических и фонетических признаков датирует надпись № 199 концом XII—XIII в.

Итак, в загадке скорее всего идет речь о колоколе. Очевидно, имеется в виду колокол или колокола Софии. О колоколах Софии сохранилось летописное свидетельство, относящееся к XI в. Под 6574 г. (1066) в Новгородской первой летописи имеется следующее известие: «Приде Всеслав и взя Новгород, с женами и с детьми, и колоколы съима у святыя Софие»²³. Однако предполагают, что в то время для колоколов не было специальной колокольни²⁴. О специальной колокольне в летописи сообщается только под 6945 (1437 г.)²⁵.

Архитектурные исследования Софийского собора показали, что еще в XI в. южная стена южной паперти на высоте хоров открывалась на площадь двумя арочными проемами различных размеров, предназначенными, очевидно, для колоколов различной величины²⁶. Возможно, что именно в них висели колокола, снятые Всеславом Полоцким. Предполагают также, что в южной галерее, открытой на вечевую площадь, находился и вечевой колокол²⁷.

Таким образом, в загадке могла идти речь и о вечевом колоколе. Нужно отметить, что сама загадка сложилась вне Новгорода. В этом убеждает упоминание «медяной», т. е. позолоченной главы. В Новгородской Софии центральная глава была позолочена лишь в 1508 г.²⁸ Автор, записавший загадку, возможно и не новгородец, так как он правильно употребляет **У** (Железничь, челюсть). Но хотя сама загадка сложилась вне Новгорода, в ее варианте, записанном на стене лестничной башни

Софии, ведущей к колоколам, имеются в виду именно колокола или вечевой колокол Софии.

Надпись № 200 (рис. 10) находилась на косяке одного из окон на лестнице, в настоящее время не сохранилась ²⁹.

ХОТЕЦЬ ПЛѢ
Е^{АК}Ъ БѢЕ ТО О СТІ
Ѧ СОФЬЕ ИЗБАЕН МЯ БѢДЫ

(Хотец писал в беде тот. О святая Софья, избави мя от беды). Из палеографических особенностей нужно отметить Ъ, коромысло которого лежит на уровне строки, а мачта немного выступает за этот уровень. Петли букв Б и Ё набухли, но петли Ъ еще геометричны, что может датировать надпись XII—XIII вв. ³⁰

По фонетическим данным (написание ТО вместо ТѢ возможно только на почве утраты слабого редуцированного І, который сохранялся до конца XII в. ³¹, а также утраты редуцированного Ъ ³²) надпись также относится приблизительно к началу XIII в.

2

НАДПИСИ ИЗ МАРТИРЬЕВСКОЙ ПАПЕРТИ,
ПРОЦАРАПАННЫЕ ПО ФРЕСКОВОЙ ЖИВОПИСИ

На сохранившейся в этой паперти фресковой росписи находится несколько граффити. Однотипность декоративной росписи в нижнем поясе стенописи, так же как и однородность штукатурного грунта и красочных пигментов, говорит о единовременном ее исполнении. Согласно недавним исследованиям, эта роспись была выполнена в самом конце XII в. (1195—1196 гг.) ³³. Поэтому все надписи, процарапанные по фресковой штукатурке, не могут датироваться ранее этого времени.

Надпись № 201 (рис. 123) процарапана на западной стене Мартирьевской паперти, на несколько сантиметров ниже современного пола:

МОЛНТЕСЯ
КОСТАТЕ

(Молитесь Костяте). Это граффити нацарапано неумелой рукой, имеет несколько ошибок: Я вместо Ѧ (МОЛНТЕСЯ), в имени Костяте вместо Е сначала было написано Т. Костята (Коста) — новгородская форма от имени Константин. Надпись интересна тем, что призывает молиться Константину. Очевидно, имеется в виду находившееся здесь же, в Мартирьевской паперти, фресковое изображение царя Константина.

Надпись не может быть датирована ранее конца XII в. Для палеографической датировки данных мало. Можно отметить лишь Н с горизонтальной перекладиной, расположенной посередине буквы. С учетом даты фресковой живописи, по которой процарапана эта надпись, ее можно отнести к XIII в. Фреска Константина и Елены, сохранившаяся до сего времени, была выполнена в середине XI в. Следовательно, это изображение или было сохранено, или повторено при исполнении новой росписи в конце XII в.

Надпись № 202 (рис. 124) прочерчена по северной стене Мартирьевской паперти на 30 см ниже современного пола. Над примитивным рисунком поднявшегося на задние лапы зверя надпись:

ЯЖ ВОЗЫШЛАЖЕА
ГН

Не совсем ясно, что она означает. Две буквы во второй строке, очевидно, означают сокращенно записанное слово «господи», хотя титло над ними отсутствует. ЯЖ (аже, ажъ) — «даже» (народное «ажъ, ажно») ³⁴. ВОЗЫШЛАЖЕА — очевидно производное от ВЪЗНТИ, ВЪЗЫТИ (современное «взойти») ³⁵.

Очевидно, надпись имеет отношение к рисунку поднявшегося на дыбы зверя. В ней употреблен Ж. Между тем само местонахождение надписи, которое датирует ее не ранее конца XII в., и палеографические особенности (утратившее симметрию Ж, написанное в пять приемов, набухшие петли Ё ³⁶) говорят о XIII—XIV вв. и находятся в противоречии с наличием этой архаичной буквы.

Нет оснований датировать эту надпись концом XIV — первой половиной XV в., когда под влиянием южнославянской графики эта буква снова появляется в памятниках русской письменности «красоты ради, а не истины» ³⁷.

Таким образом, эта надпись, датирующаяся концом XII — началом XIV в. (скорее всего XIII в.), является в некотором роде исключением по употреблению в ней Ж. Эта буква, довольно часто присутствующая в надписях второй половины XI — начала XII в., не встречается в граффити более позднего времени. В течение первой половины XII в. исчезает она и из рукописей ³⁸.

Но на бересте эта буква употребляется и позже. Ж встречен в девяти грамотах. Одна из них (№ 194) ³⁹ стратиграфической даты не имеет, другая (№ 160) найдена в 19-м строительном ярусе (1134—1161) ⁴⁰ и наличие Ж в ней вполне оправдано ее ранней датой. Пять грамот (№ 150, 151 ⁴¹, 224, 296 ⁴², 332 ⁴³) найдены в слоях 15—16-го ярусов (1197—1238). Грамота № 240 ⁴⁴ имеет очень широкую стратиграфическую дату (1161—1224), а грамота № 379 найдена в слоях 17—18-го ярусов (1161—1197) ⁴⁵.

Таким образом, большинство этих грамот встречено в слоях с дедростратиграфической датой 1197—1238, причем грамота № 240 также может датироваться этим временем, а № 379 найдена в слоях соседних

ярусов (1161—1197 гг.). Следовательно, нужно признать, что в конце XII—начале XIII в. Ж снова получил некоторое распространение в графике берестяных грамот.

Вероятно, этим же временем нужно датировать надпись № 203.

Для рукописных памятников конца XII—начала XIII в. это явление исследователями не отмечается. Очевидно, на появление этой буквы в письме рубежа XII—XIII вв. повлияли какие-то местные новгородские условия. Архаизация почерка проявилась в некоторых грамотах конца XII—начала XIII в. не только в том, что снова стал употребляться Ж. В перечисленных выше грамотах присутствуют и другие черты древней графики: Ё с высокой серединой, начертание Ж в три приема, Ь, целиком уместающееся в строке, Р с прямоугольной головкой. Последняя форма имеется не только в грамотах с Ж, но и в других. В появлении этой формы в грамотах можно отметить ту же закономерность, что и для Ж (см. комментарий к надписи № 146). Но Р с прямоугольной головкой появилось несколько раньше и исчезло позже, чем Ж, что объясняется, вероятно, особенностями письма по бересте.

Эти же особенности являются причиной того, что графике берестяных текстов свойственно некоторое «запаздывание» по сравнению с графикой рукописей⁴⁶. Это делает особенно показательными примеры с употреблением Ж, появление которого нельзя объяснить особенностями начертаний на бересте.

Но наряду с архаизацией почерка в перечисленных грамотах можно отметить черты, свойственные более позднему времени. Например, в письме № 296 (1197—1224) вместе с Ж, Р с прямоугольной головкой имеются начертания, характерные для XIII в.: М, накрытое поперечной чертой, и Ж, написанное в пять приемов.⁴⁷

Трудно понять причины, по которым в конце XII—начале XIII в. произошла некоторая архаизация почерка, наблюдающаяся в части грамот этого времени. Очевидно, проявлением этой архаизации является и наличие Ж в граффити № 203. Но, насколько можно судить по граффити новгородского Софийского собора и новгородских церквей более позднего времени, архаизация почерка, наиболее ярко проявляющаяся в употреблении Ж, меньше свойственна надписям-граффити, чем берестяным грамотам. Эта буква, очень часто встречающаяся в надписях, датирующихся до 1108—1112 гг., встречена только раз в надписи № 202, дата которой не может быть ранее рубежа XII—XIII вв. Отсутствует Ж и в надписях-граффити новгородских церквей, построенных в более позднее время. Очевидно, причина этого явления находится в разном социальном составе авторов граффити и грамот: на стенах церквей чаще расписывались люди духовного звания, в то время как большинство грамот написано мирянами.

Очевидно, архаизация почерка вызвана употреблением старых образцов XI в. для обучения письму. Невозможно точно датировать это явление, что помогло бы определить его конкретно-исторические причины. Но нужно отметить, что интересующие нас грамоты находятся на рубеже

двух периодов, характеризующих размещение грамот по слоям: число их, достигнув наибольшего количества в 16-м ярусе, начинает уменьшаться в 15-м и сокращается больше чем вдвое в 14-м ярусе (1238—1268 гг.)⁴⁸. Причина этого явления находится в конкретных исторических условиях начала XIII в.; в первые десятилетия не прекращались походы новгородцев в Прибалтику, в 1215—1216, 1229—1230 и 1251 гг. в Новгородских землях свирепствовал страшный голод; кроме того, нашествие монголов в 1237 г., хотя и не затронуло непосредственно Новгород, поставило его в тяжелое положение. Поэтому причины сокращения числа грамот в слоях, датирующихся первыми десятилетиями XIII в., вполне ясны: физическое истребление значительной части новгородцев и серьезные экономические затруднения⁴⁹.

Трудно сказать, не являются ли эти события новгородской истории причиной архаизации графики некоторой части берестяных грамот. Если судить по их дендрохронологической датировке, эта архаизация возникла все же несколько раньше, в период пайбольшого расцвета письменности, на рубеже XII—XIII вв. (соответствует слоям 16-го яруса — 1197—1224 гг.).

Необходимы более детальные исследования этого явления, но уже сейчас необходимо его учитывать при датировке и берестяных грамот, и надписей-граффити.

Надпись № 203 (рис. 126) процарапана по фресковой живописи западной лопатки западной пилястры северной стены Мартирьевской паперти на несколько сантиметров ниже уровня современного пола. Граффити состоит из двух надписей, выполненных одной рукой, но разделенных горизонтальными линиями. Каждая строчка надписи была зачеркнута аккуратной чертой; кроме того, обе надписи перечеркнуты несколькими перекрещивающимися штрихами. Все это, так же как и утраты фресковой штукатурки, весьма затрудняет прочтение.

... (КН)ТЄ ПШ
 РО(ГЄ КЪ) ПЄУН
 ГРНДЬБЯ БЪ
 КОРАБАН

 ПЕРЕСЕЛЪКА
 ПЯР[Є В]Ъ ДОУБРО
 БЄ ПОСТ[ЯВН] КА
 ШОУ ПО[СТ]ЯВН ПН
 РОГЄ ТОУ НДН

Первое слово надписи прочтению не поддается, от него остались лишь буквы ТЄ, чтение которых все же сомнительно. ППРОГЄ — «пирог», ситный хлеб⁵⁰, ПЄУН — «очаг, печь»⁵¹, ГРНДЬБЯ — собирательное от «гридь» — княжеские воины⁵².

Перевод первой части: «...пирог в печи, гридьба в корабли». Очевидно, это запись поговорки: «как сидят пироги в печи, так и гридьба в корабли».

Вторая часть записи восстанавливается полностью: ПЯРѢ — производное от глагола ПЯРНТИ — «парить, летать»⁵³. Перевод: «Перепелка парит в дубраве, поставила кашу, поставила пироги, туда иди». В этой шуточной песенке, очевидно предназначенной для детей, прослеживается связь с известной «Сорокой» из детского фольклора:

Сорока, сорока,
Сорока-белобока,
Кашку варила,
На порог скакала,
Гостей созывала и т. д.⁵⁴

Слова «ту иди» в конце надписи указывают на то, что эта песенка могла использоваться как считалка.

Палеографические особенности надписи: треугольные петли Ъ, Р — по определению А. В. Арциховского, «в виде тросточки», характерное для берестяных грамот XII в.⁵⁵, симметричное У с округлой чашечкой, датируемое XI—XII вв.⁵⁶, — не позволяют датировать надпись № 203 позже первой половины XIII в. Так как надпись процарапана по фресковой живописи конца XII в., дата ее — конец XII—первая половина XIII в.

Как уже говорилось, эта надпись тщательно зачеркнута, скорее всего церковной цензурой, так как явно светское ее содержание не имело никакого отношения ни к религии, ни к церковным событиям. Однако сам цензор, зачеркнувший строки о гридьбе и о перепелке, не посчитал за грех надарапать на церковной стене ниже этих надписей свою (надпись № 204), достаточно выразительную (рис. 126):

ОУСОХННТЕ
ТИ РОУКИ

(Усохните те руки).

Еще ниже (надпись № 205) благочестивый вздох (рис. 126):

ОХЪ
ДШЕ
ГРЪ

(Ох, душе грешной!).

Эти две последние надписи поясняют, почему большинство дошедших до нас граффити имеют богослужебное значение: надписи светского содержания уничтожались церковными служителями и появлялись лишь при отсутствии их контроля⁵⁷.

Несколько правее этой группы надписей находится еще одна, достаточно обширная и заметная, но тем не менее не зачеркнутая (*надпись № 206*, рис. 125).

Н РЕКОУ О ДОУШЕ МО
 (У)ЕМ(ОУ) ЛЕЖИШН
 УЕМОУ НЕ КОСТИ
 НЕШН УЕМОУ НЕ
 МОЛШНГА ГОСПОДОУ СВОЕМОУ
 ДЬН(Ь)ЕН ЛОЕН
 Я ДОБРА Н[И]ВН
 ДОУ
 (У)ЕМОУ ДОБ(РО)
 ЗАВНДОУЕ Я
 ГАМЯ ДОБРО НЕ
 ТКОРАУН

Это текст, который читается почти полностью, имеет соответствия с кондаком Романа Сладкопевца ⁵⁸: «И реку: о душа моя, чему лежишь, чему не восстанешь, чему не молишься господу своему (днями и ночами?). . . А добра науцаешь (?) ⁵⁹. Чему добра жаждешь, сама добро не твори?»

Надпись выполнена четким своеобразным почерком, характерной особенностью которого являются отчеркивания верхних частей букв. Н всюду с горизонтальной перекладной, Ъ передано через ОУ, петли Ъ, Ь геометричны, У симметрично, с глубокой округлой чашечкой. Все эти признаки более характерны для XII, чем для XIII в. Однако Ж написано уже в пять приемов, петли Я оплыли, что типично уже для XIII в. ⁶⁰ В граффити № 206 несколько раз встречена своеобразная форма буквы Е, левая сторона которой вертикальна, верхняя и нижняя линии горизонтальны, а правая часть состоит из двух линий, изломанных под тупым углом. На бересте такая форма появляется в середине XII в., широко распространяется в XIII в. и исчезает в первой половине XIV в. ⁶¹ Учитывая дату фресковой росписи и данные палеографии, надпись № 206 нужно датировать XIII в.

Несколько ниже группы надписей № 203—206 по той же фресковой живописи прочерчена *надпись № 207* (рис. 127):

ГН ПОМОЗН РЯБОУ БЕО
 ЕМОУ ТОХАДРОУ СЪБЪСЕВ
 ВН(У)ОУ ЛМВНО

(Господи, помози рабу своему Тудору Сбыславичу! Аминь.). В отчестве после первого **Г** отчетливо читается **Ъ**, затем **Б**. В написании **В** вместо **Д** скорее всего отразились индивидуальные особенности речи самого Тудора. В надписи последовательно употребляется **ОѦ** для обозначения **Ъ**, перекидывающаяся **Н** горизонтальна, однако петли **Б**, **В**, **Ъ** уже несколько оплыли. Ничего нельзя сказать о форме **У**, так как эта буква повреждена выбоиной в штукатурке. Это могло быть и **Ц**, соответственно новгородскому произношению заменявшее **У**. На конце слова **ѦМННЪ** вместо **Ъ** написано **О**, что является признаком неупорядоченного употребления **Ъ** и **О**, особенно свойственного для берестяных грамот XIII в.⁶² Таким образом, наиболее вероятная дата надписи № 207 — XIII в., возможно первая половина XIII в.

Имя Тудор, как предполагает Н. М. Тупиков, то же, что христианское «Федор»⁶³. В Новгороде по летописным данным был известен Федор Сбыславич, упомянутый под 6776 (1268 г.), в год неудачного похода новгородцев к Раковору, когда «много в земле их потратиша, а города не взяша; застротиша же с города мужа добра Федора Сбыславича и иныхъ 6 человек. . .»⁶⁴

Датировка надписи, совпадение имени и отчества позволяют высказать предположение, что граффити № 207 — автограф новгородца Федора Сбыславича, «мужа добра».

НАДПИСИ КОНЦА XII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В. Для некоторой части надписей, процарапанных по фресковой живописи Мартирьевской паперти, представляется возможным уточнить архитектурно-стратиграфическую дату. Речь идет о надписях, процарапанных по фреске, представляющей собой композицию «Деисус» на северной стене паперти, в простенке между пилястрами. Эта фреска, как предполагают, была выполнена во время работ по переустройству Мартирьевской паперти в 1195—1196 г. по инициативе архиепископа Мартирия над местом его будущего погребения⁶⁵. Крышка саркофага этого погребения совпадала с уровнем древнего пола. Позднее, не позже середины XIII в., если судить по материалу, над этой гробницей был выстроен высокий саркофаг из плинфы, который закрыл фреску «Деисус» на половину ее высоты⁶⁶.

Таким образом, надписи, процарапанные по этой фресковой композиции, должны датироваться временем от выполнения росписи (конец XII в.) до построения гробницы (середина XIII в.). В. Г. Брюсова предполагает, что в гробнице из плинфы мог быть захоронен архиепископ Антоний, который умер в 1232 г. и был погребен в Мартирьевской паперти⁶⁷.

Доказать это предположение трудно. Во всяком случае, надписи, процарапанные по этой живописи, должны датироваться не позже середины XIII в., так как фреска с изображением Деисуса после постройки гробницы стала недосягаемой для посетителей собора.

Надпись № 208 (рис. 128) прочерчена на восточной грани пилястры, рядом с изображением Петра:

О БТЫ
ПЕТРЕ ПРО
БТИ БДИ
ЖЬ КСЕ БАН
КО ТИ БЪ
ГРЪШН
ХО РЯ[БОУ]
БКОЕМ[ОУ]
ГРНГО
РНІ ЯМНО

(О святой Петре! Прости и отпусти все, что тебе согрешил, рабу своему Григорию. Аминь).

Перекладина Н горизонтальна, Н тождественно латинскому, но Ж — несимметрично и имеет аналогии в памятниках XIII в., так же как и начертания буквы К⁶⁸. О XIII в. свидетельствуют написание О вместо Ъ (в словах ЯМНО, БЪГРЪШНО). Таким образом, палеография и орфография подтверждают архитектурно-стратиграфическую дату этой надписи — первая половина XIII в.

Надпись № 209 (рис. 129) прочерчена по правую руку изображения Петра:

О БТЫ ПЕТРЕ
ПРОСТИ Н Б
ДЯЖЬ К[ББ]
БАНКО ТИ
БЪГРЪШН
ХЪ Р(Я)[Б]ОУ
БКОЕМОУ
МНХАН
ЛОУ ЯМНЪ

(О святой Петре, прости и отпусти все, что тебе согрешил, рабу своему Михаилу. Аминь.). Это такая же молитвенная надпись, обращенная к святому Петру. Петли Ъ еще не оплыли, перекладина Н горизонтальна, Ж обозначено через ОУ. Буква Ж повреждена, поэтому трудно определить способ ее написания, однако верх ее уже сильно сокращен, что говорит о XIII в. Буква Ъ заметно выходит из строки, а коромысло ее лежит на уровне строки, что также типично для XIII в.⁶⁹

Надпись № 210 (рис. 130) прочерчена между нимбами Петра и архангела Михаила. Это такая же молитвенная формула, подобная предыдущим, но обращенная не к Петру, а к Михаилу:

С̄ТЪ МІХАЛА ПРО
СТІ И ЪДИ МОНОГО
ТН СЪГРѢШЬХЪ
АМННО ДОМА
ШЬКА Ш̄АЪ МЪІСА
ТІННЦЪ Ш̄
ВЬЦА АМННО

«Святый Михала, прости и отпусти много, что тебе согрешил. Аминь. Домашка писал Мыслятиниць ПЬВЬЦА. Аминь».

По сравнению с предыдущими данная надпись написана более небрежно: Михала вместо Михаил, отсутствует «олико» и т. д. Вызывает затруднение перевод предпоследнего слова, хотя читается оно совершенно отчетливо: ШЬВЬЦА. Скорее всего его нужно перевести «швеца» — портного или сапожника²⁰. То есть: «святый Михала, прости... (Домашку) швеца».

Петли **Ъ** и **Ѣ** в некоторых случаях уже набухли, но иногда еще сохраняют свой геометрический характер. Буква **Ѣ** целиком уместается в строке, коромысло ее лежит ниже уровня строки. Эта форма в надписи № 210 является анахронизмом, так же как и сохранение слабого **Ъ** в приставке **СЪ**. Написание **АМННО** с **О** вместо **Ъ** и **МОНОГО** с **О** на месте этимологического **Ѣ** свидетельствует о том, что надпись относится ко времени «неупорядоченного» употребления **Ъ** и **О** и подтверждает архитектурно-стратиграфическую дату этой надписи — первая половина XIII в.

3

НАДПИСИ ИЗ РИЗНИЦЫ

Выше говорилось о фотографиях из архива И. А. Шляпкина, на которых представлены надписи, сохранившиеся на стене ризницы. Среди них помимо надписей XI в. имеются и более поздние.

Надписи № 211, 212 (рис. 97) взаимосвязаны, хотя и выполнены разными лицами. Автограф № 211.

ГН ПОМО
ЗН РІБОХ
СКОЕМОХ
ТЕБРЕДА
ТЕ ГРѢШЕ
НОУМОХ ОХ
БОГОМОХ АМНЪ

(Господи, помози рабу своему Тверedyте грешному, убогому). Под этой надписью процарапана вторая (№ 212) иным почерком и более мелкими буквами:

(Т)ОУТЕКА ПЛО ТЕ(ЕР)ЕДА
УЕ ЕНРОТЪКА РАДЪКО

«Тутека» — тут. И. И. Срезневский указывает в таком значении слово «тутове»⁷¹. У Вл. Даля в этом же смысле приведено «тутока» (вост. наречие)⁷².

Перевод надписи № 212: «Тут писал Радко, сиротка Твердислава». «Сиротка» могло означать не только сироту, но и холопа, крестьянина, нищего, бедняка⁷³. Но сочетание этих двух надписей позволяет перевести это слово в современном смысле: совершенно ясно, что они написаны отцом и малолетним сыном. Очевидно, вторая оставлена некоторое время спустя, уже после смерти Твердислава.

Обе надписи почти одновременны, но в почерке Радко должны найти большее выражение черты современной ему графики, в то время как в почерке Твердислава могут сохраниться и архаические начертания. В обеих надписях Н с горизонтальной перекадиной, петли Ъ геометричны, З передается через ОХ. В надписи Твердыты вертикальная линия Ъ выходит за уровень строки, а коромысло расположено близко от этого уровня. В автографе Радко У с округлой чашечкой, но симметрия этой буквы уже несколько нарушена.

В обеих надписях достаточно сильно проявляются черты графики XII в. В автографе Твердислава имя передано как ТЫРЕДАТЕ. Таким образом, в этом слове (от древнерусского ТЫРА) нашло отражение так называемое «второе полногласие». Это явление в письменных памятниках, почти исключительно северо-западных, начинает встречаться с XIII в.⁷⁴

В надписи Твердислава Е написано вместо Ё (в слове «грешному»), что является признаком «неупорядоченного» употребления Е и Ё, типичного для XIII в. (если Е в этом слове не вызвано аналогией с формой ГРЪШЕНЬ⁷⁵). В надписи Радко на конце слова «писал» употреблено О вместо Ё. Сочетание архаической графики, особенно характерной для надписи Твердыты, с орфографией и фонетикой, свойственной XIII в., датирует эти надписи скорее всего первой половиной XIII в.

Эти автографы начерчены в ризнице Софийского собора, в недоступном для простых прихожан месте. Имя Твердыты (Твердислав) было очень широко распространено в Новгороде. По летописным данным в Новгороде известно несколько Твердиславов, живших в первой половине XIII в. (Твердислав Михайлович — посадник, Твердислав Моисеевич — новгородский боярин и т. д.⁷⁶). Остается неизвестным, был ли у кого-нибудь из них сын Радко (Радослав). Поэтому в настоящее время нет оснований связывать эти надписи с какими-либо историческими лицами.

Возможно, этим же Твердытой оставлена надпись № 213 (рис. 97), прочерченная несколько левее предыдущих:

**ТВЕРДЯТА
Ψ(Ъ)**

Очевидно, она означает искаженное: «Твердята писал».

Надпись № 214 (рис. 97) находится несколько ниже предыдущей: **БОРНОГО ΨАЪ**. О вместо Ъ на конце слова «писал» датирует ее XIII в.

Надпись № 215. Сохранилось фото клише граффити⁷⁷, некогда находившегося на западной стене ризницы⁷⁸ (рис. 131):

**ДОБРО
ШЬКННО**

(притяжательное прилагательное от имени Доброшка). В русских источниках встречаются имена: Добрило, Доброгост, Доброслав, Добрыня⁷⁹, а в польских — и имя Доброшка (Dobrośca)⁸⁰. Н с горизонтальной перекладной, перекладина Н доходит почти до низа правой мачты, Ъ с треугольной петлей. Эти признаки типичны для графики XI—XII вв. Особенностью почерка является изогнутость центральной мачты Ъ, причем Ъ имеет навес не горизонтальный, а наклонный к началу строки, параллельный нижней черте петли. Сама петля занимает почти всю букву.

Только в смоленских граффити первой половины XIII в. встречаются изогнутые вертикальные линии букв⁸¹. Возможная дата надписи № 215 — XII—XIII вв.

Надпись № 216 была также процарапана на западной стене ризницы. Сохранилось фото клише надписи⁸² (рис. 132):

**РАД(О)
КОВО**

(Радково — притяжательное прилагательное от имени Радко). Возможно, обе надписи, прочерченные по западной стене ризницы, обозначали местонахождение какого-то имущества, принадлежавшего Доброшке и Радко (может быть, предметов облачения?).

Надпись выполнена небрежно, что затрудняет палеографические наблюдения. Петли Ъ приблизительно равновелики, но верх К сильно сокращен, что является признаком XIII в.⁸³. Обращает внимание Ъ, далеко выходящее в верхнее межстрочное пространство. Скорее всего это не Ъ, а О, которому случайная царапина придает вид Ъ. Эта царапина видна и в нижнем межстрочном пространстве. В таком случае надпись можно отнести к XIII в., так как именно в это время новгородцы особенно часто путали Ъ и О⁸⁴.

Надпись № 217. Находилась на южной стене ризницы⁸⁵. Сохранилось фото клише надписи⁸⁶. На слепке отчетливо виден рисунок, напо-

минающий княжеский знак. Между отрогами трезубца прочерчена надпись (рис. 133):

ХО РО
Т(Ъ) ЗЪВ
(К)[Е] ЯДН
ЦЬ Ѡ

(Хотке Розвадиць писал).

Имя читается с трудом. Вероятно, это «Хотке» — производное от имени Хот. Отчество Розвадиць читается хорошо. Новгородское цоканье отразилось в замене Ч на Ц. В Новгороде с XIV в. (первое упоминание относится к 1311 г.)⁸⁷ известна Розважа улица. Очевидно, и название улицы, и отчество автора надписи № 217 происходят от одного имени: Розвад. Это имя известно по польским источникам XII в.⁸⁸

Б с равновеликими петлями, Н с горизонтальной перекладиной, Б и Ъ с геометрическими петлями⁸⁹, — это признаки XI—XII вв., но З с хвостом, образующим закругление, — признак XIII в.⁹⁰ Наиболее вероятная дата надписи № 217 — XII—XIII вв.

Надпись № 218. Сохранилась лишь в прориси, на которой ее местонахождение не указано⁹¹.

ПОМ[О]ЗН Р(Я)БОУ
Е[Е]ЮЕМ(ОУ) (ВРЕ)—А
ДЪАКОУ

(Помози рабу своему. . . дьяку). Имя не читается. Автор надписи — дьяк, очевидно из причта Софии. Палеографические наблюдения затруд-

П С М
О Н Ч О А
А Б А К О У
Н Р С Б О У
Е Р Е А Т
Надпись 218

нены плохой сохранностью надписи. Слово «дьяк» написано через Ѡ. Это написание возможно на почве утраты слабого редуцированного Ѡ, сохранявшегося до конца XII в.⁹² Вероятная дата надписи — XIII в.

- ¹ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 112—113.
- ² Архив ЛОИА, № III, 7307.
- ³ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 110—112.
- ⁴ Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка, с. 118.
- ⁵ НЛ, с. 86.
- ⁶ НЛ, с. 35—36.
- ⁷ НЛ, с. 43.
- ⁸ Попова А. И. Топонимическое изучение Восточной Европы. «Советское финно-угроведение», 1. Л., 1948, с. 107, 108.
- ⁹ Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 25554.
- ¹⁰ Садовников Д. Загадки русского народа. СПб., 1901, № 992, 1014.
- ¹¹ Загадки. Памятники русского фольклора. Л., 1968, № 5026, с. 149.
- ¹² Там же, № 5014, с. 149.
- ¹³ Там же, № 5084, с. 150.
- ¹⁴ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 110—112, 115; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 182, 188.
- ¹⁵ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка, с. 99.
- ¹⁶ Черных Н. Я. Указ. соч., с. 125.
- ¹⁷ Борковский В. И. Лингвистические данные новгородских грамот на бересте. НГБ (1956—1957), с. 185.
- ¹⁸ НГБ (1956—1957), с. 16—28, 34.
- ¹⁹ Там же, с. 17.
- ²⁰ НГБ (1953—1954), с. 12.
- ²¹ НГБ (1956—1957), с. 45—47, 51—52.
- ²² Там же, с. 62—63.
- ²³ НЛ, с. 17.
- ²⁴ Крушельницкий Ю. Э. Звонница Софийского собора. — В кн.: Практика реставрационных работ. М., 1950, с. 88.
- ²⁵ НЛ, с. 49.
- ²⁶ Брунов Н., Травин Н. Архитектура Софийского собора в Новгороде. «Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР», вып. 7, 1947, с. 26—29.
- ²⁷ Брюсова В. Г. К истории стенописи Софийского собора Новгорода, с. 119.
- ²⁸ Семенов А. И. Софийский собор — древнейший исторический памятник Новгорода. Новгород, 1962, с. 12.
- ²⁹ Фотоархив ЛОИА, негатив № III, 16462.
- ³⁰ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 114—115.
- ³¹ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Указ. соч., с. 103—104.
- ³² Жуковская Л. П. Палеография. — В кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955, с. 100—108.
- ³³ Брюсова В. Г. Указ. соч., с. 110, 119—121.
- ³⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стб. 8—9.
- ³⁵ Там же, стб. 359.
- ³⁶ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 114—115.
- ³⁷ Там же, с. 130.
- ³⁸ Там же, с. 113—114.
- ³⁹ НГБ (1955), с. 75—76.
- ⁴⁰ Там же, с. 42—43.
- ⁴¹ Там же, с. 28—29.
- ⁴² НГБ (1956—1957), с. 46—47, 125—126.
- ⁴³ НГБ (1958—1961), с. 20—21.
- ⁴⁴ НГБ (1956—1957), с. 125—126.
- ⁴⁵ НГБ (1958—1961), с. 78—79.
- ⁴⁶ Щепкина М. В. Ред. на кн.: Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте. — «Вопросы истории», 1954, № 4, с. 159, 160; Жуковская Л. П. Указ. соч., с. 76—77.
- ⁴⁷ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115—116.
- ⁴⁸ Коновалов А. А. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания. СА, 1966, № 2, с. 62—63.
- ⁴⁹ Там же, с. 64—65.
- ⁵⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стб. 933.
- ⁵¹ Там же, стб. 929.
- ⁵² Там же, т. I, стб. 592.
- ⁵³ Там же, т. III, стб. 881.
- ⁵⁴ Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957, № 28, с. 206.
- ⁵⁵ НГБ (1955), с. 53.
- ⁵⁶ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115.
- ⁵⁷ В киевском Софийском соборе большинство надписей фольклорного характера обнаружено в жертвеннике, где находились молодые служки и клирошане, на стене, недоступной для глаз людей, находившихся в соседнем помещении. Многие надписи также тщательно зачеркнуты. См. Рибак Б. А. Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі, с. 55.
- ⁵⁸ Рождественская Т. В. Граффити XI—XIV вв. и история русского языка

- старшего периода. «Вопросы языкознания», 1972, № 3, с. 113.
- ⁶⁹ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стб. 267—268; см. значение «навидити» — наупцать, внушать.
- ⁷⁰ *Щепкин В. Н.* Указ. соч., с. 115; *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 188.
- ⁷¹ НГБ (1958—1961), с. 10.
- ⁷² *Жуковская Л. П.* Указ. соч., с. 105.
- ⁷³ *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗОРСА РАО, т. VI, СПб., 1903, с. 460.
- ⁷⁴ Н1Л, с. 85.
- ⁷⁵ *Брюсова В. Г.* Указ. соч., с. 122; *Дмитриев Ю. Н.* Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование, с. 153.
- ⁷⁶ *Брюсова В. Г.* Указ. соч., прим. 29 на с. 122; *Дмитриев Ю. Н.* Указ. соч., с. 148—149.
- ⁷⁷ *Брюсова В. Г.* Указ. соч., прим. 29 на с. 122.
- ⁷⁸ *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 36.
- ⁷⁹ *Щепкин В. Н.* Указ. соч., с. 116.
- ⁸⁰ *Срезневский И. И.* Указ. соч., т. III, стб. 1601.
- ⁸¹ *Срезневский И. И.* Указ. соч., т. III, стб. 1039.
- ⁸² *Даль В.* Толковый словарь великорусского языка, т. IV. М., 1955.
- ⁸³ *Срезневский И. И.* Указ. соч., т. III, стб. 1039.
- ⁸⁴ *Черныш П. Я.* Указ. соч., с. 120.
- ⁸⁵ *Щепкин В. Н.* Новгородские надписи-граффити, с. 41.
- ⁸⁶ См. указатель личных имен к Н1Л, с. 591.
- ⁸⁷ Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 13.
- ⁸⁸ Там же, ф. 1, 1894/237, перечень надписей, № 48.
- ⁸⁹ *Тупиков Н. М.* Указ. соч., с. 184—185.
- ⁹⁰ *Taszycki W.* Najdawniejsze polskie imiona osobowe. Kraków, 1925, s. 71.
- ⁹¹ *Воронин Н. Н.* Смоленские граффити. СА, 1964, № 2.
- ⁹² Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 46.
- ⁹³ *Щепкин В. Н.* Новгородские надписи-граффити, с. 116.
- ⁹⁴ *Жуковская Л. П.* Новгородские бере-
стяные грамоты. М., 1959, с. 105.
- ⁹⁵ Архив ЛОИА, ф. 1, 1894/237, перечень
надписей, № 40.
- ⁹⁶ Там же, ф. 35/2, № 1626, л. 13.
- ⁹⁷ Н1Л, с. 93.
- ⁹⁸ *Taszycki W.* Указ. соч., с. 93 (Rozvad).
- ⁹⁹ *Щепкин В. Н.* Указ. соч., с. 114—
116.
- ¹⁰⁰ *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 192.
- ¹⁰¹ Фотоархив ЛОИА, негатив № 25557.
- ¹⁰² *Борковский В. И., Кузнецов П. С.*
Указ. соч., с. 101—102.

** Глава третъя **

НАДПИСИ

Надпись № 221. Сохранилось клише этой надписи⁶. В перечне И. А. Шляпкина она обозначена № 21 и указано местоположение: «лестница»⁶ (рис. 134):

НН
КОѢ
РѢ

Содержание ее не вполне ясно. Возможно, это имя. В русских источниках с XV в. известно имя Кур⁷. Не исключено, что эту надпись следует читать НН КОУРѢ: КОУРѢ — петух, КЪРѢИ — обозначение времени, когда поют петухи⁸. Н тождественно латинскому, петля Ъ треугольна, Ѣ обозначено посредством ОѢ. Наиболее вероятная дата надписи — XI—XII вв., но не исключено ее появление и в XIII в.

ПОМЕЩЕНИЯ ВТОРОГО ЭТАЖА СОБОРА. Надпись № 222 (рис. 136). Прочерчена на одной из граней северного граненого столба на хорах. Читать ее следует справа налево: ННМН.

Ъ на конце отсутствует, Н имеет форму латинского, перекадина Н горизонтальна. Наиболее вероятная дата — XI—XII вв., но эти же признаки в граффити могут встречаться и в более позднее время.

Надпись № 223. Находилась на «восточной стене»⁹. Сохранилась в прориси (рис. 137):

(Т)ОУДОР——Ъ
МОЛИБ——СТЪ БО
ѠНН ОУГРН(Н)ЦЪ
ГРѢ(Ц)НООН РОУКОЮ

(Тудор (или Тудорко) молится святой Софии, Угриниць, грешною рукою). В отчестве — характерная для Новгорода замена Ч на Ц. Петли Ъ и Ь на прориси несколько оплыли, перекадина Ъ находится вблизи верхнего уровня строки, а мачта несколько выходит в верхнее межстрочное пространство. Перекадина Н горизонтальна, Ѣ три раза передано через ОѢ. На прориси можно различить «зеркальное» Ю, которое в древнерусских летописях встречается лишь в XI в.¹⁰ В берестяных грамотах такое написание встречается и позднее (рубеж XII—XIII вв.)¹¹, но обязательно в грамотах с архаической графикой. Нет данных датировать надпись № 223 позже этого времени.

Тудор или Тудорко — это, очевидно, то же, что Федор, Федорко¹². Угриниць — отчество от имени Угрии. В Новгороде в начале XII в. (1119—1128 гг.) писец Угриниць переписал для новгородского Юрьевского монастыря евангелие, о чем сохранилась приписка на обороте последнего листа:

изъ грѣшныи Ѡдодоръ напи
хъ Ѡи Ѡе роукою грѣшноу
стоумоу мѣкоу гебургеи въ

МЯНЕСТЫРЬ НОВОГОРОДОУ ПРИ
КЪРНАЦѢ НГОУМЕНѢ. Н СЛѢБѢ НКО
НОМѢ. ОУГРИНИЦѢ ЧИЛѢ.

Исследователи склонны видеть в Федоре заказчика или вкладчика, а не писца, так как в конце приписки написано: Угриницъ писал¹³. Текст приписки «написах грешною рукою» указывает все же, что Федор был не заказчиком, а писцом рукописи. Угриницъ — отчество или второе, языческое имя Федора, производное от отчества, как в граффити № 223, где писец тоже написал свое отчество почти в конце надписи.

Возникает вопрос, не является ли Федор Угриницъ — писец Юрьевского евангелия и Тудор (Федор) Угриницъ — автор граффити, начерченного на хорах Софийского собора, одним и тем же лицом? Датировка надписи, так же как и некоторые текстологические совпадения («грешною рукою»), написание отчества отдельно от имени, Ц, последовательно заменявшее Ч в обеих надписях, не противоречат такому предположению. Однако неточная прорись надписи не позволяет ни уточнить датировку граффити, ни сравнить почерк его автора с почерком писца Юрьевского евангелия. Текстологические совпадения большого значения не имеют, так как они были достаточно распространенным литературным штампом.

Надпись № 224. Сохранилась в прориси, находилась на «восточной стене»¹⁴. Рядом с рисунком «процветшего» креста с монограммами: $\overline{\text{IC}}\overline{\text{X}}\overline{\text{C}}\overline{\text{H}}\overline{\text{N}}\overline{\text{H}}\overline{\text{K}}\overline{\text{I}}$ — две надписи, начерченные одним и тем же почерком (рис. 135):

$\overline{\text{ГН}}\overline{(\text{П})}\overline{\text{ОМ}}\overline{\text{ОЗ}}\overline{(\text{Н})}$
 $\overline{\text{С}}\overline{(\text{Е})}\overline{\text{ОЮМ}}\overline{(\text{ОХ})}\overline{\text{МН}}\dots\overline{\text{Л}}\overline{(\text{ОХ})}$

(Господи, помози (рабу) своему Михаилу (?)
Под рисунком креста подпись:

$\overline{\text{МНХ}}\overline{\text{АЛ}}\overline{(\text{Ъ})}\overline{\text{П}}\overline{(\text{Ъ})}\overline{\text{С}}\overline{\text{АЛ}}\overline{\text{Ъ}}$
 $\overline{\text{ЛЮД}}\overline{\text{ГОСТН}}\overline{(\text{ННУ}}\overline{\text{Ъ})}$

(Михал писал, Людгостиницъ).

Людгостиницъ — очевидно, отчество от имени Людгост. В польских источниках встречено имя Любгост¹⁵. В древнем Новгороде была улица Людгоца¹⁶, название которой, очевидно, происходит от того же имени Людгост. Возможно, также и в надписи № 224 Людгостиницъ — это не отчество, а обозначение улицы, на которой жил Михал. Треугольные петли $\overline{\text{Ъ}}$ позволяют датировать надпись XI—XII вв., но возможно отнести ее и к XIII в.

Надпись № 225. Зафиксирована на той же кальке, что и предыдущая (рис. 135):

$\overline{\text{СЛ}}\dots\overline{\text{Б}}\overline{\text{УОХ}}\dots$
 $\overline{\text{БОЛОДН}}\overline{\text{МНР}}\overline{(\text{Ъ})}\overline{\text{О}}\overline{(\text{Т})}\overline{(\text{Р})}\overline{\text{ОК}}\overline{\text{Ъ}}$

Можно прочесть лишь «Володимир отрок» — отрок Владимира или отрок Владимир. Наиболее вероятное чтение — «отрок Владимира», по аналогии с надписью № 167 — «Глебова отрока». Очевидно, это автограф младшего дружинника князя Владимира. Четких палеографических примет нет: если судить по У «бокальчиком», треугольным петлям Ъ, Ь, надпись можно датировать XI—XII вв., но недостоверная прорись не позволяет настаивать ни на чтении, ни на датировке.

Надпись № 226. Находилась на «восточной стене»¹⁷: ПЯЕЪЛЪ ПЪ-
С(Я)ЛЪ (Павел писал). Следует отметить сохранение слабого Ь в слове «писал», обозначенного на прориси посредством Ъ. Петли Ъ на прориси округлы и несколько набухли. Трудно сказать, каковы они были в оригинале надписи. Палеографическая дата — XI—XIII вв. (рис. 138).

Надпись № 227. Сохранилась прорись на кальке, где указано ее местоположение: «восточная стена»¹⁸ (рис. 139): ЛЯЗЪКЪ Ѡ (Лазке писал).

В берестяной грамоте № 105 встречено имя ЛЯЗЪКЪ¹⁹, а по летописям известно отчество суздальского воеводы — Лазковичь²⁰. Для палеографических наблюдений данных мало. Можно отметить лишь Ъ с треугольной петлей.

Надпись № 228. Находилась, как следует из указания на кальке, на «восточной стене»²¹ (рис. 140):

ГН ПОМОЗН Р(Я)БОЖ СКО
(С)МОЖ КОЗМЪ ЯМННЪ

(Господи, помози рабу своему Козьме). В третьей строке неясные знаки.

Петля Ъ треугольна, перекладина Ъ лежит на уровне строки, а мачта буквы выходит в верхнее межстрочное пространство. На прориси З в первой строке имеет форму с закругленным хвостом, что становится обычным в XIII в.²² Палеографическая дата надписи — XI—XIII вв.

Надпись № 229. Сохранилась в прориси²³, находилась на «восточной стене» (рис. 141):

ЪНЪ РЯБОЖ (Б)ЖН[Ю]
ОКЛЄКЄ...

(...рабу божью, оклеветанному?).

Имя не читается. Из палеографических особенностей можно отметить Ж из трех пересекающихся палочек, треугольные петли Ъ. Это признаки устава XI—XII вв. Но Б и Ё имеют квадратную петлю. Возможно, это ошибка копировщика, в оригинале могли быть изображены буквы Б и Ё с «набухшими» петлями.

Надпись № 230. Сохранилась в прориси, находилась на «восточной стене»²⁴ (рис. 142):

ОНОЖФ(Р)НН
Н... — ЛЯРЦ—
БЪТ(Я)МЄ МН...
ТЄ ПОІЄЛ

В первой строке читается имя Онуфрий, вторая неясна, в третьей можно различить: [ОКАЕ]ЕТТЯАЕ — «оклеветали». Очевидно, содержание надписи близко предыдущей: это молитвенная запись «оклеветанного» человека. Обращает внимание, что вместо Е в слове «оклеветали» написано Ъ. Перекладина Ъ расположена близко к уровню строки, мачта несколько выходит в верхнее межстрочное пространство. Перекладина Н наклонна и кончается немного ниже середины правой мачты. Возможная дата надписи — XI—XIII вв.

Надпись № 231. В архиве И. А. Шляпкина имеется фото клише надписи²⁶ и ее прорись²⁶, на которой отмечено: «южная стена, до пола хор — 4 фута». Надпись представляет собой одно слово (рис. 143): М(Н)ЗАТЯ. Скорее всего это имя. Возможно, следует читать МАЗАТЯ — производное от имени Максим.

Надпись можно датировать от XI до XIII в.

Надпись № 232 также находилась на «южной стене»²⁷, сохранилась в прориси (рис. 144):

МГ(П)Я Г(Е)НЕЯ
РЯ ЕЪ. Я ДНЪ
НА СТАГ(О)

(Месяца января, в 1 день, на святого...). Надпись не окончена. Ц имеет «зеркальную» форму, как в некоторых берестяных грамотах. В графике берестяных грамот имеет аналогию и П с треугольной головкой и горизонтальной отсечкой. И на пергамене, и на бересте такая форма встречается в XI—XII вв., но на бересте она продолжает употребляться в XIII в., хотя и значительно реже²⁸. Петли Ё и Ъ треугольны, перекладина Н наклонна и доходит до нижнего конца правой мачты.

РИЗНИЦА. Надпись № 233 находилась на южной стене ризницы²⁹: ДОМАСЯ Ψ (Домаса писал) (рис. 145).

Домаса — очевидно, имя мужское, в польских источниках XII—XIII вв. встречены мужские имена Домашь, Домашка (Domaś, Domaśca)³⁰. Одна из надписей новгородского Софийского собора (№ 210) написана Домашкой Мыслятиничем. Очевидно, написание Г вместо Ш в надписи № 233 — диалектная черта, свойственная в основном древнепсковской письменности³¹. Обращает внимание написание Ψ в виде З, дополненного третьей чертой посередине чашечки. Очевидно, это индивидуальная особенность почерка. Надпись может датироваться от XI до XIII в.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НЕИЗВЕСТНО. Надпись № 234. Сохранилась фотография пленки надписи³²:

Я Б Г Д Б.

Это буквы, имеющие числовое значение от 1 до 5. Над каждой буквой — титло в виде черточки. Очевидно, это упражнение в письме.

Надпись 234

Я Б Г Д Б

Я с остроугольной головкой, Б имеет форму, часто встречающуюся в графике берестяных грамот: левая сторона буквы вертикальна, верхняя и нижняя горизонтальны, правая изломана под тупым углом. На бересте такое Б появилось в середине XII в. и употреблялось до начала XIV в.³³

Надпись № 235. Сохранилась только в прориси³⁴ (рис. 146):

...Н ПО(М)[О]З(Н) РЯ(Б)[О]У БР[ОБ]
(М)ОУ ФБОД[ОР]ОУ [РЯБОУ] БВО(БМОУ) [БЯ]БНАН[О]У
ГН ПОМОЗ(Н) РЯБ[ОУ] [Б]ВОБМО[У] (Б)БНАНУ

Можно прочесть: «Господи, помози рабу своему Феодору, рабу своему Василию». Ниже тем же почерком: «Господи, помози рабу своему Василию». Это молитвенные записи о помощи двум лицам — Феодору и Василию. Надпись небрежна, к тому же плохой сохранности. Четких палеографических примет нет. Перекладина Н горизонтальна, расположена посередине буквы, Б с равновеликими петлями. Однако в последней строке вместо ОУ, очевидно, было изображено У, так как для ОУ на прориси нет места.

Надпись № 236. Сохранилась в прориси³⁵ (рис. 147):

ГН ПОМОЗН РЯБОУ БВОБМОУ БУМ(Н)ОНОУ

(Господи, помози рабу своему Симеону).

Перекладина Н горизонтальна, но Н на прориси имеет современный вид. Петля Б несколько оплыла. Возможно, это ошибки копировщика.

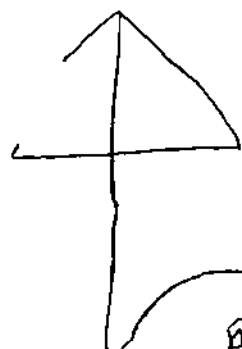
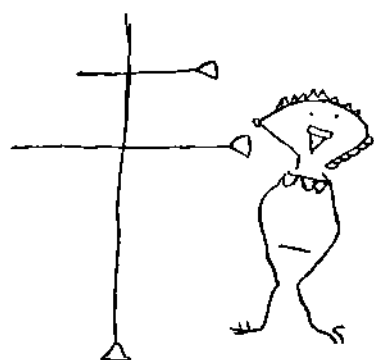
Надпись № 237. Сохранилась в прориси³⁶ (рис. 109):

ОУЪ ОУЪ ТЪЦЬНО ВЛАДКО
Н(Б) ДАДАТЬ Н...
ПРЯБЫ РНЗЪ М...
ЖБ—БНТЬ ВЛ...

Читается только начало: «Ох, ох, тошно, владыка, не дадут...» Это какая-то просьба, обращенная к новгородскому владыке, но, к сожалению, дальнейшее содержание надписи не ясно.

Надпись выполнена тесным уставом, высота букв значительно больше ширины. Петли Ё, Ъ геометричны, Ж в начале четвертой строки — из трех пересекающихся черточек, но верх его значительно сокращен, так же как и буквы Б. Перекладина Н наклонна и кончается приблизительно посередине правой мачты. Палеографическая дата надписи — от XI до XIII в.

- ¹ Фотоархив ЛОИА, негатив № 16462.
- ² *Taszycki W.* Указ. соч., с. 85.
- ³ *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. 1. Киев, 1966, с. 115.
- ⁴ НЛД, с. 581.
- ⁵ Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 16.
- ⁶ Там же, № ф. 1, 1894/237, перечень надписей.
- ⁷ *Тупиков Н. М.* Указ. соч., с. 275—276.
- ⁸ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стб. 1379—1380.
- ⁹ Фотоархив ЛОИА, негатив № 7302.
- ¹⁰ *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 206.
- ¹¹ НГБ (1956—1957), грамота № 225, с. 47; № 296, с. 125—126.
- ¹² *Тупиков Н. М.* Указ. соч., с. 460.
- ¹³ *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 286; *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956, с. 138.
- ¹⁴ Фотоархив ЛОИА, негатив № 6716.
- ¹⁵ *Taszycki W.* Указ. соч., с. 80.
- ¹⁶ НЛД, с. 606.
- ¹⁷ Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 26132.
- ¹⁸ Там же, негатив № 6114.
- ¹⁹ НГБ (1953—1954), с. 34.
- ²⁰ *Тупиков Н. М.* Указ. соч., с. 672.
- ²¹ Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 26136.
- ²² *Карский Е. Ф.* Указ. соч., с. 192.
- ²³ Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 26138.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 34.
- ²⁶ Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 26140.
- ²⁷ Там же, № II, 26137.
- ²⁸ НГБ (1958—1961), с. 36.
- ²⁹ Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 107. Там же перечень снимков с надписей И. А. Шляпкина, № 45.
- ³⁰ *Taszycki W.* Указ. соч., с. 72.
- ³¹ *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 267—268.
- ³² Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 14125.
- ³³ НГБ (1958—1961), с. 10.
- ³⁴ Фотоархив ЛОИА, колл. 163.
- ³⁵ Там же, № 25553.
- ³⁶ Фотоархив ЛОИА, негатив № III, 6718.

** Раздел второй **

НАДПИСИ
второй половины XIII—XIV в.
Палеография

Глава четвертая

НАДПИСИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—XIV в.
ЛЕСТНИЧНОЙ БАШНИ
И РИЗНИЦЫ

Глава пятая

ПАЛЕОГРАФИЯ
НАДПИСЕЙ-ГРАФФИТИ

** Глава четвертая **

НАДПИСИ

Надпись № 239. Находилась на стене лестничной башни, на уровне седьмой площадки. Сохранилось только фото клише надписи ³ (рис. 149):

СЬ(М)ОКЯ Ш[А]Ю
НЯ КЯП(О)НО Р
МРН ДЬС(И)ЛЪ

Первые две строки читаются легко: «Семка писал, на канун. . .» Последняя строка прочтению не поддается. «Канонъ» — в данном случае должно означать «накануне» ⁴. Очевидно, дальше должно следовать указание на какой-либо церковный праздник.

Петля **Ь** в первой строке набухшая, в конце последней строки сохраняет треугольную форму. Из палеографических особенностей важна форма **И** с широкой округлой петлей, наклонной спинкой и ограничительным штрихом сверху (встречено дважды, в третьем случае петля остроугольна). Это редкая форма. Близкую аналогию представляет **И** в надписи на кресте архиепископа Антония (до 1211 г.) ⁵ и в берестяной грамоте № 375, не имеющей стратиграфической даты (по палеографическим наблюдениям она датируется XIV—XV вв. ⁶). В граффити три раза употреблено **О** вместо **Ь** (ШАО, НАКЯНОНО, СЬМОКЯ). Эта особенность в наибольшей мере свойственна грамотам XIII в. и лишь частично имеет место в грамотах XII и XIV вв. ⁷

Учитывая эти особенности, наиболее вероятной датой для надписи № 239 нужно признать XIII в., может быть начало XIV в.

Надпись № 240. Была прочерчена на откосе одного из окон лестничной башни ⁸. Выполнена мелким почерком, почти стерта (рис. 10):

НЕЯНОКЕ П[А]...КО
ЬШЕ(НЪ)
.....
..... НЪ КО...
..... ГРЪ
ШЪНЪН

Можно различить: «Иванокѣ писалъ...грѣшен...грѣшнѣй». Вся середина надписи нечитаема.

Плохая сохранность надписи затрудняет палеографические наблюдения. Можно отметить **Н** с горизонтальной перекладиной, но петли **Ь**, **Ъ** уже оплыли, что является признаком XIII в. ⁹; перекладина **Н** наклонна и кончается приблизительно посередине буквы, что тоже типично для XIII в. ¹⁰ **И** имеет наклонную спинку и сильно набухшую петлю, по форме несколько напоминает **И** из предыдущей надписи. В надписи есть случай замены **Ъ/О** (НЕЯНОКЕ), что тоже с наибольшей вероятностью датирует надпись XIII в.

Надпись № 241. Находится на стене лестничной башни, между седьмой и восьмой площадками. Внутри рисунка креста крестообразно расположена надпись (рис. 150):

Е
Н
П
СПАЕХ
Е
Х
Е

В поперечном рукаве креста читается: СПАЕХ, но в целом смысл надписи неясен. Из палеографических особенностей обращает внимание Н с наклонной перекладной, доходящей до середины правой мачты. Дважды встречено простое Х, что в берестяных грамотах становится обычным с XIII в.¹¹ Наиболее вероятная дата надписи — XIII в.

Надпись № 242 (рис. 152) находится на центральном столбе лестничной башни, на уровне седьмой площадки:

НВАНЪ РЕПЬЕВ[Ъ]
ЩА(Ъ)

(Иван Репьев писал). Репьев — очевидно, фамилия. Верхняя часть Е сокращена, Ъ выходит из строки, коромысло этой буквы расположено приблизительно на уровне строки. Перекладина Н уже несколько наклонна. Эти признаки, так же как и утрата слабого І¹², датируют надпись не ранее XIII в.

Надпись № 243. Находилась на стене лестничной башни, в настоящее время утрачена. Сохранилась в прориси¹³. Это остатки небрежной надписи (рис. 151):

... (М)ОЗН РИБОХЪ СВОЕМ(ОУ) Л(П)ЗОРЕВН

(...помози рабу своему Лазореву). Перекладина Н горизонтальна, но верх буквы Е сильно сокращен, Р с маленькой головкой, далеко выходящее за нижний уровень строки, находит аналогии в предыдущей надписи. Очевидно, надпись относится к тому же времени, хотя плохая сохранность надписи (дошедшей к тому же в неточной прориси) не позволяет настаивать на такой датировке.

Надпись № 244 (рис. 153) находится несколько выше надписи № 242. Это отрывок, написанный с многочисленными сокращениями и выносными буквами:

...НН ТРНО ЧА ОУ(НТА) ПРРУТА ОУ ПР ДЪННА ЗЪН ЕТИ ПРГ

Можно различить «Триодь (?)»¹⁴. . . пречиста у престола господня, златого святого престола». Очевидно, это остатки богослужебного текста.

Буква \mathfrak{X} с мелкой треугольной чашечкой типична для XIII в.¹⁵. Большое количество сокращений и выносных букв, над которыми обязательно начерчено титло (в том числе над \mathfrak{A} и \mathfrak{T}), также датируют надпись XIII в.¹⁶

Надпись № 245. Сохранилось фото клише надписи¹⁷. Местонахождение самой надписи выяснить не удалось (рис. 154):

ДОМЯНЪ
НИ П . . .
ГНЬ . . .

Читаются только два слова: имя Доман и в третьей строке ГНЬ (господень). Имя Доман встречено в польских источниках XII—XIII вв.¹⁸

Наклонная перекладина \mathfrak{H} кончается приблизительно посередине правой мачты, петля \mathfrak{h} набухла. Эти наблюдения дают некоторые основания датировать надпись XIII в.

Надпись № 246. Сохранилась фотография эстампажа этой надписи¹⁹. Местонахождение ее не указано (рис. 156):

ПО ВЕЛИЦѢ ДНѢ
· $\overline{\mathfrak{E}}$ · $\overline{\mathfrak{H}}$ · $\overline{\mathfrak{C}}$ · $\overline{\mathfrak{N}}$ · $\overline{\mathfrak{G}}$ ·
ПАДЕ ДО КО
ЛѢНІА

(По велице дне, на 5 неделе, снег паде до колена). Буквы \mathfrak{MO} между второй и третьей строкой к надписи отношения не имеют. Граффити выполнено крупными, близко стоящими одна к другой буквами, высота которых приблизительно в два раза больше их ширины. Это типично для устава XIII—XIV вв.²⁰

Верхняя часть \mathfrak{B} сильно сокращена, перекладина \mathfrak{H} уже отлога и касается середины правой мачты, что также характерно для XIII в.²¹ Однако перекладина \mathfrak{H} еще горизонтальна, петли \mathfrak{h} и \mathfrak{T} треугольны. Архаичную форму имеет \mathfrak{F} , четыре раза употребленный в этой надписи. Все четыре раза \mathfrak{F} целиком умещается в строке, а коромысло его расположено значительно ниже этого уровня.

Очевидно, эволюция начертания этой буквы в эпиграфических памятниках отличается от эволюции начертаний ее в памятниках рукописных. Это подтверждает и материал берестяных грамот. \mathfrak{F} , целиком умещающийся в строке, типичен для рукописей XI—первой половины XII в. и встречается в грамотах этого времени. Но такая форма продолжает бытовать и в грамотах более позднего времени: во второй половине XII в. — грамоты № 9²², 155²³, 380²⁴, в XIII в. — грамотах № 62²⁵, 198, 293²⁶, 332²⁷ и особенно часто в грамотах рубежа XIII—XIV, XIV вв. — № 98—100, 131²⁸, 140, 179, 184, 187²⁹, 252, 278, 281, 283, 286³⁰, 325³¹.

Наиболее показательными в этом отношении являются грамота № 278, где такая форма \mathfrak{F} встречена 14 раз, и грамота № 284, где она встречена 9 раз. Но все-таки \mathfrak{F} в этих грамотах, хотя и целиком умещается в строке,

отличается от формы, типичной для XI—первой половины XII в.: мачта Ъ почти перпендикулярна линии строки, в некоторых случаях даже наклонна к началу строки, а коромысло почти примыкает к петле. Иногда коромысло наклонно к началу строки.

И. И. Срезневский отмечает такое начертание в договорной грамоте Великого Новгорода с немцами (около 1375 г.)³². Очевидно, Ъ, целиком уместающийся в строке, не всегда является признаком древности эпиграфического памятника, и нужно учитывать и форму Ъ, и общий стиль почерка.

В надписи № 246 начертание этой буквы также отличается от форм, типичных для XI—XII вв.; мачта перпендикулярна к строке, коромысло наклонно к концу строки (в двух случаях) и имеет довольно длинный ограничительный штрих. По совокупности палеографических признаков эту надпись следует датировать концом XIII—XIV в.

В надписи № 246 говорится о том, что на пятой неделе после пасхи «снег паде до колена». Как известно, пасха — переходящий праздник и празднуется не ранее 22 марта и не позднее 25 апреля (пасхальный предел)³³. Следовательно, надпись могла быть оставлена между концом апреля и концом мая. По новгородским летописям известно, например, что в 1523 г. на Троицын день, который приходился в этот год на 24 мая, «пала тучя снега велика. Да лежал снег на земли 4 дни»³⁴. Но таких сведений, относящихся к XIII—XIV вв., не сохранилось.

Надпись № 247 (рис. 155), очевидно, также находилась на стене лестничной башни. В архиве И. А. Шляпкина имеется фотография эстампажа этой надписи³⁵. Это граффити выполнено крупными буквами (до 4—5 см высотой), общая его длина — около 80 см.

ОХЪ ЪШЬНО БЛАДКО НЪТЪ ПОРЪДЪ ДЬЯКОМЪ)
И ДЪНН СПЛАЮЮ ОХЪ ЖЕНАТЫМЪ
(ДЬЯКОМЪ)Ъ)

Владыко — обращение к новгородскому архиепископу. ПОРЪДЪ — распорядок, уговор, в данном случае, очевидно, совпадает по смыслу со значением «устройство, порядок»³⁶. ДЪНН должно быть равнозначно ННАДЪ — «где-нибудь»³⁷. Надпись переводится так: «Ох, тошно, владыка! Нету порядка (устройства) дякам. А сплаю (вымолю) где-нибудь? Ох, жена-тым дякам».

Высота букв приблизительно в два раза больше ширины, они близко расположены одна от другой. Встречены лигатура Ъ=ТО, сочетания разноформатных букв. Эти признаки датируют надпись не ранее XIII в.³⁸. Но имеются и архаичные начертания: Ъ целиком уместается в строке, коромысло его лежит ниже этого уровня, Ж симметрично и написано в три приема, У с округлой мелкой чашечкой. Все эти признаки характерны для устава XI—XII вв.³⁹ Однако нижние петли букв несколько набухли, переключная И кончается выше середины правой мачты, что встречается в XIII в. И с высокой переключной в рукописных памятни-

ках появляется только в конце XIV в.⁴⁰ Совокупность палеографических признаков позволяет датировать эту надпись второй половиной XIII—первой половиной XIV в.

Содержание ее — жалоба на плохое устройство дьяков, обращенная к владыке новгородской епархии, — живо напоминает конкретно-историческую обстановку второй половины XIII—начала XIV в. Памятники церковной истории того времени указывают на существование антицерковного движения, в котором нашел выражение стихийный протест демократических кругов против феодальной эксплуатации. В этом движении наряду с мирянами участвует и низшее духовенство, которое также подвергалось феодальной эксплуатации со стороны высших слоев духовенства⁴¹. Попытками свести это движение в русло церковных реформ «сверху», путем ликвидации наиболее вопиющих злоупотреблений, были Владимирский церковный собор 1274 г. и Переяславский собор 1312 г. В частности, в постановлениях Владимирского собора зафиксирована норма (7 гривен) оплаты за возведение в сан священника и дьякона, которая должна была выплачиваться епископу⁴².

Крупная надпись, прочерченная на стене храма Софии, была обращена к владыке — новгородскому епископу от имени дьяков притча Софии — лиц низшего духовного звания⁴³. Это еще вполне легальная форма протеста, своеобразная челобитная. Эта жалоба — очевидно, одна из многих устных и письменных жалоб на «неустройство» низшего духовенства, о которых митрополит Кирилл говорил на Владимирском соборе: «Аз Кюрил, смиренный митрополит всея Руси, много убо видением и слышанием неустройство церквах, ово сиде държаща, ово инако, несогласия много и грубости, или неустроением пастушескимъ, или обычаемъ неразумия, или неприхожаниемъ епископ, или от неразумныхъ правилъ церковныхъ⁴⁴».

Это «неустройство» низших слоев духовенства, подвергавшегося эксплуатации вместе с мирянами, позднее вынудило его перейти от «легальных» способов борьбы к критике самого института церкви. Из своей среды низшее духовенство поставляло затем активных сторонников и идеологов антицерковного и антифеодального движения.

Надпись № 248. Находилась на западной стене ризницы⁴⁵. Это всего лишь три буквы (рис. 157): КРГ. Возможно, это слово «крест», написанное под титулом. Но титула на фото клише не видно. Буквы вытянутых пропорций, расположены близко одна к другой, что обычно для почерков XIII—XIV вв.⁴⁶

Надпись № 249 (рис. 158) находилась на стене ризницы, в настоящее время не сохранилась. Имеется лишь ее фотография⁴⁷. Надпись сильно повреждена трещинами и утратами штукатурки.

ПРГ——Я ЯКОС—Е
Р . . . ЕЪ ПР(Е)УНСТЪН Н [Д]ОСТОИНЪН
Е . . . ГО—Р ДОСТОИНО
СЕТЪ

Это отрывки текста богослужебного назначения. Особенностью этой надписи является начертание ЪН, которое на первый взгляд напоминает очень архаичное ЪИ, встречающееся иногда в русских рукописях⁴⁸. Но в данном случае это своеобразная лигатура Ъ и Н. Петли Ъ набухли, Ъ выходит из уровня строки. Чашечка У еще округла, но перекладина Н уже наклонна, расположена в середине буквы. По совокупности признаков надпись можно датировать XIII—XIV вв.

Надпись № 250 находилась на стене ризницы. В архиве И. А. Шляпкина имеется фотография этой надписи⁴⁹ (рис. 160):

СѢТЯИ БѢ[Я] [П]ОМ(О)ЗИ МН
ГРѢШЬНОУМОУ ПРИП
ДЯ(Ю)ЩОУМОУ КЪ ТБѢ
ПОДЪ КРОУ ТБ(ОН) СѢТ
ГОУРНЕ С(Н)МОНЕ... ПЛЕ(Л)ОН

Первые четыре строки надписи читаются полностью: «Святая богородица, помози ми грешному, припадающему к тебе, под кров твой святыи» и представляют собой молитвенную запись, обращенную к богородице, дополненную, по всей вероятности, тремя именами. Имена удастся прочесть лишь предположительно: Гурий, Симои, Павел (?).

Горизонтальная перекладина И лежит в верхней трети буквы, что является признаком XIV в. Вертикальная мачта буквы Ъ далеко вышла из строки, коромысло ее лежит или на уровне строки (в середине слова), или значительно выше (в конце слова). Перекладина Н наклонна и расположена в середине буквы. Эта форма появляется с XIII в.⁵⁰ Совокупность палеографических признаков дает дату — конец XIII—XIV в.

Надпись № 251. Сохранилась фотография эстампажа⁵¹. Местонахождение надписи неизвестно. Это отрывок из трех строк (рис. 161):

НѢ ГРѢ(Ш)Е
Е(Ъ?)ДѢ(Ш)——
... (Г)Е——

Прочтению не поддается. Перекладина Н наклонна, доходит до середины правой мачты. Р в виде «ножа викингского типа», что типично для берестяных грамот XIV в.⁵² Е имеет «ступенчатую» форму. Это особенность «русского» полуустава конца XIV в.⁵³ Очевидно, не ранее этого времени датируется и надпись № 251.

Надпись № 252. Была опубликована В. Н. Щепкиным среди надписей XI—XII вв., но, очевидно, датируется значительно более поздним временем. На слепке, обозначенном В. Н. Щепкиным № XXV, среди других надписей прочитано:

ЕО ЮРІ
(ЕО) ДЕОРѢ

Издатель надписи отмечает: «Е не вполне ясно, от О видна только левая часть с двумя параллельными язычками»⁵⁴.

На слепке можно различить:

(С)Є(ЦЬ) ВО ГЮР(Ь)[Є]

(КЄ) ДВОРѢ

Речь идет о каком-то событии, происходившем «во Юрьеве дворе». Одинаковые начертания Р и близкие по форме К позволяют связывать эти две строки в одну надпись, но отчетливо читается лишь слово ДВОРѢ.

Эта надпись по палеографии резко отличается от всех других, изданных В. Н. Щепкиным. Прежде всего нужно отметить так называемое «ступенчатое» К, появившееся в «русском» полууставе в конце XIV в.⁵⁵ Обычна эта форма и в берестяных грамотах XIV—XV вв.⁵⁶ Возможно, что это случайная форма, появившаяся из-за небрежности почерка, тем более что ясно выраженную «ступенчатую» форму К имеет только во второй строке. В первой строке надписи, насколько можно судить по слепку, верхняя петля К кончается несколько ниже середины буквы, не доходя до мачты.

К этому же времени относится и специфическая форма Р, встреченная дважды: по определению А. В. Арциховского, «в виде ножа викингского типа», с выпуклой спинкой, прямым лезвием и прямой ножкой. А. В. Арциховский отмечает, что такая форма встречена в письме берестяных грамот XIV в. и некоторых пергаменных рукописях того же времени⁵⁷.

Мачта Ё выходит за уровень строки, а коромысло лежит близко к этому уровню. Такая форма Ё появляется в некоторых рукописях уже в XI в.⁵⁸ Перекладина Ю горизонтальна и расположена несколько ниже середины буквы (варианты с высокой перекладиной появляются в XIV в.)⁵⁹. Своеобразную форму имеет Д, головка которого представляет вытянутый прямоугольник. В графике берестяных грамот такая форма встречается не только в XIV в.⁶⁰, но и в другое время — на рубеже XI—XII вв.⁶¹, в грамотах XIII в. встречены близкие формы⁶². В новгородских граффити близкая форма Д применяется в граффити № 206 (XIII в.).

Таким образом, формы К и Р заставляют усомниться в датировке надписи XII в., так как эти формы становятся типичными лишь в XIV в. Форма остальных букв не противоречит датировке их XIV в. Местонахождение самой надписи неизвестно. Возможно, эта надпись появилась значительно позже остальных, при позднейшем ремонте, или на лестнице, хорах храма, где стены не покрывались росписью.

Надпись № 253 (рис. 159) находится на стене лестничной башни, на уровне третьей лестничной площадки. Процарапана крупными буквами:

ДВОРЕЦКІН

КЄ ШЕСТН

Поверх ее процарапаны еще буквы З и З, не имеющие отношения к надписи.

Дворецкий — первое лицо в доме святой Софии. На него возлагалось управление всем архиерейским домом и служащими, а также управление архиерейскими землями со всеми жившими на них людьми⁶³. Обязан-

ности дворецкого — не хозяйственные, а административные: он руководит, наблюдает, контролирует всех служащих при дворе лиц. Поместья дворецких всегда находились неподалеку от города⁶⁴. Первые документальные сведения о дворецких относятся к сравнительно позднему времени, (1456 и 1462 гг.), но Б. Д. Греков считает, что эта должность возникла в архиерейских домах в более древнее время⁶⁵.

Надпись № 253 очень коротка, но можно отметить следующие палеографические особенности. В ней дважды употреблено Н. В одном случае оно тождественно современному рукописному — начерк, появившийся во второй половине XIV в. и распространившийся в XV в.⁶⁶, во втором случае переключатель Н горизонтален и расположена посередине буквы.

Правописание ИН появилось под южнославянским влиянием в конце XIV—первых десятилетиях XV в.⁶⁷ Начертание Б с несколько наклонной переключательной, параллельной нижней черте, также встречается в XV в.⁶⁸ Таким образом, палеография и правописание надписи № 252 не позволяют датировать ее ранее конца XIV—начала XV в., а возможно, ее следует датировать и более поздним временем.

О чем же говорится в этой краткой записи о дворецком, столь важном лице в управлении Софийского двора? БѢ ШЕСТИ равнозначно «без чести», «бесчестие». Это слово употреблялось как в современном смысле, так и в смысле наказания за оскорбление чести⁶⁹.

Смысл этой короткой надписи становится ясным при сопоставлении с берестяной грамотой № 67⁷⁰. Контекст этой грамоты: «Иди, господине, ко Тимофью. Жирослав бѣ чести. Лише дворяни (САБТ)» — Л. В. Черепнин перевел не «Жирослав без чести» или «Жирослав обесчещен», как это делалось ранее, а «Жирослав бесчестит». То есть Жирослав не пострадавшее лицо, а человек, нарушающий правовые нормы. Он бесчестит, посылает «дворян» — слуг в чужие владения, и они там бесчинствуют⁷¹. Свое толкование Л. В. Черепнин подтвердил ссылками на «Правосудие митрополичье»⁷² и уставную грамоту Василия I Двинской земле, в которой говорится: «А кто кого излает боярина, или до крови ударит, или на нем синева будут, и наместники судят ему по его отечеству бесчестие; тако же и слуге»⁷³.

Возможно, и надпись № 253 нужно переводить не «дворецкий обесчещен», а «дворецкий бесчестит». Очевидно, дворецкий владычного двора допустил произвол. Иначе трудно объяснить присутствие этой большой и заметной надписи, не уничтоженной цензурой, на стене лестничной башни Софии.

¹ Тупиков Н. М. Указ. соч., с. 430.

² Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967, с. 115—116.

³ Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 22.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стб. 1190—1191.

⁵ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., табл. VII—VIII, № 35.

⁶ НГБ (1958—1961), с. 74.

⁷ Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты, с. 105.

⁸ Фотоархив ЛОИА, негатив № 16462.

- ⁹ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 114—115.
- ¹⁰ Там же, с. 115.
- ¹¹ НГБ (1958—1961). с. 25.
- ¹² Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка, с. 101—102.
- ¹³ Фотоархив ЛОИА, негатив № II, 26142.
- ¹⁴ Богослужебная книга. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 998.
- ¹⁵ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115.
- ¹⁶ Там же, с. 134.
- ¹⁷ Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 59.
- ¹⁸ Газульский В. Указ. соч., с. 72.
- ¹⁹ Архив ЛОИА, д. 163, № III, 6633.
- ²⁰ Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. Курс первый. СПб., 1901, с. 39; Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115.
- ²¹ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115—116.
- ²² НГБ (1953—1954), с. 40—43.
- ²³ НГБ (1955), с. 34—36.
- ²⁴ НГБ (1958—1961), с. 81.
- ²⁵ НГБ (1952), с. 63—64.
- ²⁶ НГБ (1956—1957), с. 16, 122.
- ²⁷ НГБ (1958—1961), с. 20—21.
- ²⁸ НГБ (1953—1954), с. 25—29, 68—71.
- ²⁹ НГБ (1955), с. 16, 64—65, 68—72.
- ³⁰ НГБ (1956—1957), с. 78—80, 104—105, 107—109, 110—111, 112—114.
- ³¹ НГБ (1958—1961), с. 14.
- ³² Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, с. 248.
- ³³ Каменцева Е. И. Хронология. М., 1967, с. 99.
- ³⁴ НЭЛ, ПСРЛ, XXX, с. 202.
- ³⁵ Фотоархив ЛОИА, № III, 6662.
- ³⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, стр. 1225—1226.
- ³⁷ Там же, т. I, стр. 1100.
- ³⁸ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 44, 116.
- ³⁹ Там же, с. 110—112.
- ⁴⁰ Там же, с. 115.
- ⁴¹ Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 85—116.
- ⁴² Там же, с. 96.
- ⁴³ В данном случае имеются в виду дьяки духовного звания, а не чиновники Софийского дома, так как последние были настолько важными лицами, что пошлины в их пользу, как следует из источников XVI—начала XVII в., были лишь в два раза меньше пошлин в пользу владыки. См. Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии, с. 48.
- ⁴⁴ РИБ, т. VI, СПб., 1880, стр. 85.
- ⁴⁵ Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 70.
- ⁴⁶ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 116.
- ⁴⁷ Архив ЛОИА, колл. 163, № 16466.
- ⁴⁸ Карский Е. Ф. Указ. соч., с. 204.
- ⁴⁹ Архив ЛОИА, колл. 163, № 16465.
- ⁵⁰ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 115.
- ⁵¹ Архив ЛОИА, ф. 35/2, № 1626, л. 86.
- ⁵² НГБ (1955), с. 58; НГБ (1956—1957), с. 86—87.
- ⁵³ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 119.
- ⁵⁴ Щепкин В. Н. Новгородские надписи-графити, с. 30.
- ⁵⁵ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 119.
- ⁵⁶ НГБ (1955), с. 71—72.
- ⁵⁷ НГБ (1955), с. 58; НГБ (1956—1957), с. 86—87.
- ⁵⁸ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 112.
- ⁵⁹ Там же, с. 115.
- ⁶⁰ № 173, НГБ (1955), с. 58—59; № 261, НГБ (1956—1957), с. 88—89; № 271, там же, с. 96—97.
- ⁶¹ № 121, НГБ (1953—1954), с. 54; № 241, НГБ (1956—1957), с. 63—64.
- ⁶² № 227, НГБ (1956—1957), с. 49—51; № 344, НГБ (1958—1961), с. 32—33.
- ⁶³ Каптерев Н. Светские архиерейские чиновники в древней Руси. М., 1874, с. 22.
- ⁶⁴ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии, с. 45—47.
- ⁶⁵ Там же, с. 45.
- ⁶⁶ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 119; НГБ (1955), с. 55.
- ⁶⁷ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 125—127, 129—130.
- ⁶⁸ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956, с. 244, табл. 4.
- ⁶⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 65, 68, 82.
- ⁷⁰ НГБ (1952), с. 66—68. Грамота найдена в слоях 11-го яруса (1299—1313 гг.).
- ⁷¹ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник, с. 340—342.
- ⁷² АФЭХ, ч. 1, с. 170, № 187.
- ⁷³ АСЭИ, т. III, с. 22, № 8.

** Глава пятая **

ПАЛЕОГРАФИЯ

В этом проявляется сходство граффити с берестяными грамотами, но в отличие от последних среди авторов граффити больший процент должны составлять представители причта и княжеской администрации.

Исследователями граффити, начиная с В. Н. Щепкина, было установлено, что основные начертания букв и их эволюция в основном соответствуют буквенным начертаниям памятников, написанных чернилами. Особенно близким по начертаниям к надписям-граффити оказалось письмо берестяных грамот.

Но графике этих надписей свойственны определенные особенности, отличающие их от рукописных памятников и создающие дополнительные трудности для датировки.

Поэтому особую ценность приобретают надписи, содержащие дату в тексте или датируемые по упоминанию известных исторических лиц или событий. Среди граффити новгородского Софийского собора имеется только три надписи с датой в тексте.

Около тридцати надписей сравнительно точно датируется косвенными данными. Архитектурная стратиграфия помогает проверить и уточнить палеографическую и историческую датировку большого числа надписей (см. табл. I).

Из 253 надписей², известных к настоящему времени, 192 относятся к XI—первой половине XII в. Среди них одна содержит дату в тексте, 28 сравнительно точно датируются косвенными данными, 111 датируются 1050—1109(12) гг. на основании архитектурно-стратиграфических показаний, 52 надписи отнесены к XI—первой половине XII в. на основании данных палеографии (см. табл. I). Как известно, только несколько десятков новгородских берестяных грамот (целых и обрывков) найдены в слоях, датируемых 1055—1134 гг., а из сотни опубликованных граффити Софии Киевской только около двух десятков относятся к XI — началу XII в.³ Поэтому вполне очевиден интерес, который представляют древнейшие надписи новгородского Софийского собора в первую очередь для палеографических наблюдений.

Конечно, не все эти надписи равноценны. Многие из них плохо сохранились, другие слишком кратки и традиционны по содержанию. Для палеографических исследований ценность многих надписей снижается из-за того, что их подлинники или уничтожены, или в настоящее время недоступны. Поэтому наибольший интерес представляют надписи, сохранившиеся до наших дней, палеографическая датировка которых может быть проверена историческими или архитектурно-стратиграфическими данными. Таких надписей известно 68 (см. табл. I). Сведения этой группы надписей дополняются 64 надписями с архитектурно-стратиграфической датой 1050—1109(12) гг., сохранившимися в фотографиях. Фотографии подвергались ретуши, что заставляет иногда усомниться в начертаниях некоторых букв, хотя ретуширование и проводилось под наблюдением И. А. Шляпкина. К тому же 59 надписей из этой группы отнесены к 1050—1109(12) гг. лишь на основании общих сведений, содержащихся в письмах В. В. Суслова (надписи, изданные В. Н. Щепкиным). Наименьший ин-

интерес для палеографических наблюдений представляют прорисы 28 надписей, хотя среди них есть граффити, датирующиеся сравнительно узким промежуток времени (см. табл. I). Но и эти надписи могут быть полезны для некоторых наблюдений (например, употребление Ж, некоторых характерных начертаний).

Менее значительную группу составляют надписи второй половины XII—первой половины XIII в. Их известно 26. Две имеют дату в тексте, одна датируется на основании исторических данных, десять по своему местоположению не могли появиться ранее конца XII в. (из них три относятся к первой половине XIII в. на основании данных архитектурной стратиграфии). Еще четыре надписи в группе граффити XII—XIII вв. датируются только палеографически. Все перечисленные надписи сохранились до настоящего времени. Кроме того, известны по фотографиям еще восемь надписей этого времени и одна — по прориси (см. табл. I).

Очевидно, не может быть использована для палеографических наблюдений целая группа надписей (19) с широкой палеографической датировкой XI—XIII вв., которая не может быть уточнена на основании каких-либо других данных.

Немногочисленны надписи XIII—XIV вв. Их всего 16. Из них 5 сохранились в подлинниках, 10 известны по фотографиям и 1 — по прориси. Все они датируются только на основании палеографических наблюдений.

Таким образом, эпиграфический материал новгородского Софийского собора дает возможность исследовать особенности буквенных начертаний граффити на протяжении XI—XIV вв. Особенно показательными являются данные надписей древнейшего периода (XI—XII вв.), представленных в большом количестве. Наблюдения над палеографией граффити могут быть дополнены материалом новгородских берестяных грамот, что особенно важно для надписей XIII и XIV вв., собственные материалы которых недостаточны для определенных выводов.

Среди древнейших граффити новгородского Софийского собора выделяются несколько надписей, в которых представлены начертания, свойственные «первоначальной» кириллице, известной только по древнейшим эпиграфическим памятникам. Таких надписей восемь (№ 55, 81, 109, 142, 168, 169, 172, 176). Две из них написаны одним и тем же человеком (№ 168 и 169), две (№ 172 и 176) сохранились лишь в прориси. Во всех этих надписях встречено типичное для древнейшей кириллицы начертание А — с маленькой треугольной головкой и наклонной к началу строки спинкой³. Ни в одной из новгородских берестяных грамот нет такой формы, отсутствует она и в киевских граффити (некоторую аналогию представляет лишь А из граффити 1052 г.)⁴.

Имеются и другие, характерные для этого типа письма формы: Д (№ 142, 172), целиком уместяющееся в строке, Р с маленькой округлой или треугольной головкой, также не выходящее за нижний уровень строки (№ 142, 172, 176), Е с равновеликой верхней и нижней частями (№ 168, 169), Б с горизонтальным навесом и петлей, занимающей половину буквы

(№ 81, 168, 169, 172, 176). Две надписи (№ 55 и 109) по местоположению датируются до росписи 1109(12) г., остальные архитектурно-стратиграфической даты не имеют. Тем не менее перечисленные выше особенности графики, находящие соответствие в эпиграфических памятниках первой половины XI в., позволяют отнести эти надписи к древнейшим и датировать их не позже второй половины XI в. (см. комментарий к надписи № 172).

В то же время нужно отметить, что надписи, относящиеся к эпохе строительства и первому этапу украшения храма Софии живописью (№ 18—26, 29—34), по своей графике больше тяготеют к древнерусским рукописям второй половины XI в. Очевидно, можно говорить о двух письменных традициях, отразившихся в надписях середины XI в.

На материале рукописей хорошо разработана хронология начертаний некоторых букв. Рукописные памятники XI в. отличаются от XII в. всего лишь несколько букв. В. Н. Щепкин в качестве признаков XI в. называет Ъ, целиком уместающееся в строке, крестовидное пси, омегу с высокой серединой, наличие юса большого и юсов йотированных. Многие эти особенности свойственны и древнейшей группе новгородских граффити, датированных до 1109(12) г. В 14 надписях этой группы (№ 24, 26, 29, 32, 44, 59, 60, 79, 80, 87, 93, 129, 131, 140) Ъ имеет типичную для XI в. форму. Среди других же надписей этой группы встречается Ъ несколько иного начертания, которое стало типичным уже для XII в.: мачта несколько возвышается над уровнем строки, а коромысло приближается к ее уровню. Такое же написание отмечается В. Н. Щепкиным для некоторых рукописей XI в.⁶ В надписях, датируемых косвенными данными приблизительно 1050 г. (№ 24, 26, 29, 32), встречена лишь древнейшая форма. Ъ, целиком уместающееся в строке, изредка продолжает употребляться и в граффити более позднего времени (№ 208, 210 — первая половина XIII в.; № 246, 247 — XIII—XIV вв.). Такое явление в рукописях исследователями не отмечается. Не зафиксировано оно и в киевских граффити. В последних эволюция начертания Ъ полностью соответствует эволюции ее в письменных памятниках: коромысло этой буквы в XI—XIV вв. неуклонно поднимается вверх⁶.

В граффити № 197, скорее всего датируемом 1177 г., архаичная форма Ъ вполне могла сохраниться как пережиток, но наличие ее в других надписях, датируемых XIII и XIV вв., не может быть случайным, что подтверждается материалом берестяных грамот. Ъ, целиком уместающееся в строке, типично для грамот XI—первой половины XII в., но также продолжает встречаться и в грамотах более позднего времени: на протяжении XII, XIII и особенно часто на рубеже XIII—XIV и XIV вв. (см. комментарий к надписи № 246). Нужно отметить, что Ъ в это время, хотя целиком уместается в строке, существенно отличается от древнейшего начертания: мачта почти перпендикулярна линии строки, в некоторых случаях даже наклонна к началу строки, коромысло почти примыкает к петле, иногда оно не параллельно уровню строки и имеет довольно длинный ограничительный штрих. Такую форму Ъ имеет в грамотах

XIV в. и в надписи № 246, датируемой XIII—XIV вв. В надписи № 208 (первая половина XIII в.) хотя коромысло Ъ лежит значительно ниже уровня строки, мачта несколько выступает в верхнее межстрочное пространство. Коромысло имеет длинный ограничительный штрих, петля утратила правильную форму. В надписи № 210 (первая половина XIII в.) Ъ, мало отличается от древнейшей формы. Однако орфография надписи и архитектурно-стратиграфические показания, начертания некоторых других букв датируют надпись не ранее начала XIII в.

Очевидно, для новгородских надписей Ъ, целиком уместящееся в строке, не всегда является признаком древности надписи. Особенно важно при этом учитывать общий стиль почерка.

Среди новгородских граффити ни разу не встречено «крестовидное» Ѱ, типичное для рукописей XI в., и только в одной из надписей (№ 193 — 1162 г.) имеется Ѱ в виде «цветка лилии», являющееся характерным признаком рукописей XII в.⁷ Часто встречающееся в надписях-граффити Ѱ имеет своеобразную форму: вертикальный стебель оканчивается вверху на одном уровне с боковыми чертами, которые или сходятся под острым углом, или имеют округлую форму. В надписи № 194, начерченной тем же автором, что и вышеупомянутая надпись № 193, Ѱ начерчено с округлой чашечкой и стержнем, оканчивающимся на одном уровне с боковыми чертами. Эта форма с боковыми чертами, сходящимися под острым углом, или с округлой чашечкой встречена в надписях XI в., рубежа XI—XII вв., XII—XIII вв., XIII—XIV вв. Проследить какую-либо хронологическую закономерность в употреблении этих начертаний на протяжении XI—XIV вв. не удастся.

У в надписях XI—XII вв. имеет форму «бокальчика» с округлой и симметричной чашечкой. Исключение представляет начертание У в надписи № 59 (до 1108—1112 гг.), чашечка которого почти прямоугольна. У с прямоугольной чашечкой имеется в надписи на Тмутараканском камне⁸. Кроме того, в надписи № 47 (до 1109—1112 гг.) верхняя часть У имеет форму круга. Оригинал надписи не сохранился. Возможно, что это начертание появилось в результате ретуширования фотографии надписи.

Омега встречена в 11 надписях XI—XII вв. и в 3, датированных первой половиной XIII в. В первой группе палеографическая датировка может быть проверена архитектурно-стратиграфическими или историческими данными у 8 надписей (№ 16, 19, 21, 81, 117, 122, 123, 129). Во всех этих надписях отличительной особенностью омеги является высокая середина. Такое же архаичное начертание имеет омега в надписи № 183, сохранившейся в прориси. В граффити № 170, не имеющем архитектурно-стратиграфической даты, середина омеги несколько ниже боковых черт и петли сильно разведены. В надписи № 171 омега плохой сохранности, по сохранившимся чертам можно предположить, что середина ее уже несколько понижена.

Таким образом, начертания омеги в группе древнейших надписей не отличаются от начертаний ее в рукописях того же времени.

Среди надписей с архитектурно-стратиграфической датой — первая половина XIII в. один раз встречается омега с широкими округлыми петлями и пониженной серединой (граффити № 209) и два раза (№ 208 и 210) — омега с высокой серединой.

В надписи № 210, датированной первой половиной XIII в., эта буква имеет своеобразную форму: середина ее высока, но петли не округлые, сомкнутые, а остроугольные: буква написана четырьмя почти прямыми линиями, изломанными под острым углом.

В берестяных грамотах омега часто употребляется для обозначения предлога «от». Благодаря этому обстоятельству, а также специфике письма по бересте она часто пишется таким образом, что середина ее смыкается с ножкой и приобретает форму, трудно отличимую от древнейшей. Все же в употреблении омеги с высокой серединой можно отметить следующую закономерность: она встречается в девяти грамотах XI—первой половины XII в., в одной грамоте середины—второй половины XII в., в одиннадцати грамотах конца XII—первых десятилетий XIII в., в двух — середины и второй половины XIII в., в одной — первой половины XIV в., в восьми — второй половины XIV—начала XV в.

Таким образом, омега с высокой серединой встречается в грамотах XI—первой половины XII в., что обычно и для рукописей, но снова довольно частым ее употребление становится в конце XII—начале XIII в., что исследователями рукописей не отмечается. Но при сравнении начертаний омеги с высокой серединой в древнейших грамотах с начертаниями ее на рубеже XII—XIII вв. обнаруживается некоторая разница. В десяти грамотах XI — первой половины XII в. омега имеет следующие начертания: с округлыми, тесно примыкающими друг к другу петлями (Ω), в виде полукруга, в середину которого опущена прямая линия (⊖); в виде угла, также разделенного прямой линией (∇).

Во второй группе грамот также встречается омега с округлыми, тесно сомкнутыми петлями; в грамоте № 9, найденной в слоях 16-го яруса (1177—1197 гг.)⁹. Но пример этой грамоты не может быть показателен, так как и палеографами, и историками языка она относится к первой половине XII в.¹⁰ В трех грамотах — № 82¹¹, № 165¹² (17-й ярус — 1177—1197 гг.) и № 332¹³ (15—16-й ярус — 1197—1238 гг.) Ω имеет вид полукруга с опущенной в середину прямой линией, в шести остроугольные петли ее образованы ломаной линией (№ 87, 113¹⁴, 199, 201 того же автора, что № 199, 224, 227)¹⁵. Все эти грамоты найдены в слоях 15-, 16-, 17-го ярусов (1177—1238 гг.). Такую же форму омега имеет в грамоте № 123 (17—18-й ярус)¹⁶. Продолжает встречаться омега такого начертания и в более поздних грамотах, но значительно реже: № 198 (середина — вторая половина XIII в.)¹⁷, в грамоте № 299 (первая половина XV в.)¹⁸.

Таким образом, омега с высокой серединой встречается в грамотах не только XI—начала XII в., но и в конце XII—начале XIII в. Особо часто в грамотах этого периода встречается омега с высокой сере-

диной и остроугольными петлями. Близкое начертание имеет омега в граффити № 210. Следовательно, омега с высокой серединой не всегда может указывать на древнейший период. В особенности это наблюдение относится к форме, образованной одной ломаной линией (W).

Юс большой является отличительной особенностью рукописных памятных XI в. и постепенно исчезает из них в течение первой половины XII в. В новгородских граффити XI—начала XII в. эта буква встречается довольно часто, заменяя собой Ѣ. В более поздних надписях юс большой исчезает. Исключение представляет надпись, прочерченная по фресковой живописи Мартирьевской паперти, датирующаяся скорее всего XIII в. Можно было бы объяснить появление этой архаичной буквы случайным явлением, если бы данные немногочисленных граффити XIII в. из Новгородской Софии не дополнялись сведениями берестяных грамот. Из девяти грамот, в которых встречается эта буква, одна датируется первой половиной XII в., пять найдены в слоях 15—16-го ярусов (1197—1238 гг.), одна имеет очень широкую стратиграфическую дату (1161—1224 гг.) и одна — в слоях 17—18-го ярусов, что соответствует 1161—1197 гг. (см. комментарий к надписи № 202). Следовательно, нужно признать, что в письме грамот конца XII—начала XIII в. юс большой получил некоторое распространение.

Такое же явление отмечается для древнейшей формы Ж, написанной в три взмаха, что является типичным для рукописей XI—XII вв., особенно для XI в.¹⁹ В граффити древнейшего периода, датированных 1050—1108(12) гг., эта буква встречена 17 раз (№ 12, 19, 21, 22, 32, 59, 65, 77, 82, 87, 97, 104, 115, 117, 132, 133, 139). В 15 надписях эта буква имеет древнейшее начертание. Исключение представляет форма в надписи № 21 (1050 г.) и № 32 (1050 г.). В последней из них Ж симметрично, а написание ее в пять приемов, по-видимому, вызвано декоративным характером надписи (см. комментарий к граффити № 32). Подпись-граффити художника Сежира (№ 21) известна лишь по фотографии, поэтому проследить способ начертания довольно трудно; можно утверждать, что Ж несколько утратило симметрию.

Следовательно, в древнейших надписях XI—начала XII в. Ж, как правило, имеет старинную форму, хотя встречены единичные случаи других написаний. В группе граффити XII—XIII вв. Ж встречена шесть раз: № 197, 199, 202, 206, 208, 209. В пяти случаях она имеет уже форму, характерную для более позднего времени: она утратила симметрию и написана в пять приемов (надпись № 202 — не ранее XII в., № 206, 208, 209 — первая половина XIII в., № 199 — имеет лишь палеографическую дату). В надписи № 197 (1177—1178 гг. ?) встречено Ж, написанное в три приема. Такую же форму имеет эта буква в надписи № 247, датирующейся XIII—XIV вв. В надписи № 197 присутствие ранней формы вполне объяснимо, но наличие ее в надписи № 247, относящейся к концу XIII—первой половине XIV в., находится в противоречии со стилем почерка этой надписи.

В берестяных грамотах Ж, написанное в три приема, встречается не часто. Эта форма присутствует всего в одиннадцати грамотах, имеющих

стратиграфическую дату (учтены не только «звездообразные» формы, но и написанные в три приема другими, характерными для XI—XII вв. способами: мачта, дуга вверху, дуга внизу; мачта, две изогнутые боковые линии). Из одиннадцати грамот семь найдены в слоях не моложе 20-го яруса (т. е. датируются не позже первых десятилетий XII в.): № 109²⁰, 238, 241, 246, свинцовая грамота²¹, 335, 336²², одна (№ 105) — в слоях 19-го яруса (1134—1161 гг.)²³, одна имеет очень широкую стратиграфическую дату (№ 240—1134—1224 гг.)²⁴ и две встречены в слоях 15—16-го ярусов (1197—1238 гг.): № 150²⁵ и № 332²⁶. Следовательно, для этой архаичной формы отмечается то же явление, что и для юса большого: она снова встречается в грамотах конца XII—начала XIII в.

Таким образом, хронология начертаний некоторых букв в надписях-граффити несколько иная, чем в памятниках, написанных чернилами. Если в древнейший период (XI—начало XII в.) буквенные начертания и граффити и берестяных грамот мало чем отличаются от начертаний аналогичных букв в рукописях²⁷, то в дальнейшем наблюдаются следующие различия: некоторые архаичные типы букв, исчезнувшие из рукописей в течение первой половины XII в., продолжают встречаться в письме берестяных грамот и граффити во второй половине XII в. и особенно часто в конце XII—начале XIII в. Это относится к употреблению юса большого, Ж, написанного в три замаха, омега с высокой серединой, менее выражено это явление для ятя, целиком уместящегося в строке. «Архаизация» почерка в конце XII—начале XIII в. больше характерна для берестяных грамот, чем граффити. Но, возможно, граффити этого времени известно пока еще слишком мало, чтобы «архаизация» почерка могла проявиться в них в такой же степени, как и в берестяных грамотах.

Пока трудно объяснить ее причины. Возможно, что употребление многих архаичных начертаний вызывал способ письма по бересте и сухой штукатурке, требовавший четких и простых линий. Но это наблюдение не может относиться к юсу большому, написать который ничуть не проще, чем ОЖ или Ѥ. Возможно, что в конце XII в. почему-либо снова стали использоваться для обучения письму старые рукописи и азбуки. Но не исключено, что благодаря большей «традиционности»²⁸ письма по бересте и штукатурке многие архаичные начертания, исчезнувшие из рукописных памятников, продолжали изредка встречаться в письме берестяных грамот и граффити второй половины XII в.; с увеличением количества грамот это явление проявляется в большей степени. Но нужно отметить, что эти архаические начертания не исчезают и в грамотах 15-го яруса (1124—1238 гг.), в то время как количество грамот, найденных в этом ярусе, сильно сокращается²⁹.

Это явление «архаизации» почерка на рубеже XII—XIII вв. нуждается в специальном исследовании и новых материалах, чтобы можно было выяснить его причины и степень проявления в разных группах новгородских памятников, но уже сейчас его нужно учитывать и при датировке грамот, и при датировке граффити. Поэтому важны показания лингви-

стики, стратиграфии для берестяных грамот и архитектурной стратиграфии для граффити.

В киевских надписях-граффити, так же как и в новгородских берестяных грамотах, эволюция букв Н, И, Ю, Ю, как правило, не отражает эволюции этих букв в почерках рукописей³⁰. В известной мере это свойственно и новгородским граффити. Особенно это касается формы Н — «иже» с горизонтальной перекладиной, расположенной посередине буквы. Такое начертание встречается не только в надписях XI—XII вв., но и в более позднее время. Например, в граффити № 207, 208, 209 (первая половина XIII в.), № 242 (XIII—XIV вв.). В то же время уже в надписях, датирующихся серединой XI в. (№ 21, 29) отмечена форма Н с наклонной перекладиной, доходящей до середины правой мачты (в обеих надписях наряду с архаичной формой Н — с перекладиной, доходящей до конца правой мачты). Но архаичная форма встречается и в поздних надписях (например, № 239 — XIII—XIV вв.). Поэтому лишь при наличии других характерных типов можно привлекать начертания Н в качестве датирующего признака. Но в надписях XIII—XIV вв., несмотря на их немногочисленность, появляются начертания Н, Ю, И с приподнятыми перекладинами, как и в почерках рукописей того же времени (№ 245, 246, 247, 250).

Почти отсутствуют надписи, выполненные так называемым «русским полууставом», отличительными особенностями которого являются «червь» с утраченной ножкой, «якорное» Ё, «ступенчатое» Е и т. д.³¹ Лишь в двух надписях (№ 251 и 252) встречено «ступенчатое» Е.

Между тем во многих берестяных грамотах и в новгородских граффити конца XIV в. из церкви Федора Стратилата³² представлен этот тип письма. Очевидно, отсутствие его среди граффити Софийского собора объясняется тем, что в этом храме почти не сохранились надписи конца XIV в.

Насколько можно судить по надписям, процарапанным иногда по штукатурке очень плохой сохранности, в граффити не употребляются надстрочные знаки разного рода. Эта же особенность отмечается исследователями и для письма берестяных грамот³³. Отсутствуют и разделительные знаки, только в одной надписи (№ 82) точками выделен предлог ѿ. В надписи № 172 употребляются две точки в качестве разделительных знаков. Сокращаются в основном слова богослужебного назначения, но употребление титла все же производится более последовательно, чем в берестяных грамотах³⁴. Возможно, это объясняется назначением многих надписей, содержащих традиционные молитвенные формулы, в социальном составе авторов граффити.

Буквы, обозначающие цифры, встречены в тринадцати надписях. Но только в пяти из них (№ 17, 82, 146, 193, 234) прочтение их не вызывает сомнения. Шесть надписей (№ 137, 140, 183, 184, 232, 238) или плохой сохранности, или известны по неточным прорисам. Две надписи (№ 33 и 34) относятся к цифровым пометкам лишь предположительно. В двух надписях (№ 82 и 146) хорошей сохранности цифры с обеих сторон выделены точками, но титлы над ними не проставлены. По всей вероятности, отсутствует титло над датой в надписи № 140 (начало даты не сохранилось).

Следовательно, написание букв-цифр в граффити отличается иногда теми же особенностями, что и в берестяных грамотах, в которых буква, обозначающая цифру, должна быть обязательно выделена с обеих сторон точками, но постановка титла над ней не была обязательной³⁵. В остальных надписях, за исключением № 33 и 34, титла над буквами, обозначающими цифру, проставлены.

Для многих берестяных грамот характерно отсутствие регламентации при переносе слов со строки на строку³⁶. В надписях-граффити этого явления нет. Обычно авторы граффити избегали переноса слов, что было легко достижимо при письме по неограниченной плоскости стены. В тех случаях, когда они прибегали к переносу (в 68 надписях), они переносили слова по слогам, причем слоги обязательно оканчиваются на гласный либо на Ъ, Ё. Исключение составляет перенос *Г/РОЕМОУ* в надписи 1050—1108 гг. (№ 59), что, возможно, объясняется выбоиной, следующей за буквой *Г*. *Ѓ/ДІЖЬ* в надписи первой половины XIII в. (№ 209), *Ў/ДЪ* в граффити № 142 (XI в.), *РО/ЗЪК/ДН/ЦЪ* — надпись № 217 (XII—XIII вв.).

Надписям-граффити свойственны некоторые особенности, отличающие их и от письма рукописей, и от берестяных грамот. В некоторых надписях XI—XII вв. встречаются своеобразные лигатуры: *А=Т+я* (№ 68, 87). Целый набор необычных лигатур представлен в надписи-загадке (№ 199).

Часто в надписях все буквы или некоторые (в надписи № 66 буквы, обозначающие начало некоторых слов) выполнены двойным контуром. Среди граффити новгородского Софийского собора известно 12 надписей, прочерченных полностью или частично двойным контуром (№ 21, 22, 32, 81, 99, 125, 143, 148, 157, 160, 163, 164). Все они датируются XI—XII вв.

От заглавных надписей, выполненных двойным контуром в рукописях XIV в.³⁷, они отличаются и формой и пропорциями. Эта особенность граффити сближает их с надписями на предметах, например с надписями при изображении святых на новгородских кратирах и «курсунских» иконах³⁸, и буквами-инициалами и заголовками в рукописях XI—XII вв. Возможно, в этой особенности граффити в некоторых надписях на предметах искусства проявляется общее тяготение эпиграфики XI—XII вв. к рукописной традиции³⁹.

Таким образом, буквенные начертания надписей-граффити в основном соответствуют начертаниям рукописей, но имеют свои специфические особенности, особенно четко проявляющиеся в «запаздывании» многих буквенных форм. Наиболее близки граффити по начертаниям берестяным грамотам, что позволяет при датировке опираться на их обширный палеографический материал. Графике некоторых надписей присущи черты, сближающие их с орнаментальными надписями на предметах прикладного искусства. Таковы общие наблюдения над эволюцией почерков граффити XI—XIV вв. Спецификой эпиграфического материала из Софии Новгородской является то, что наиболее полно представлены граффити древ-

нейшего времени — второй половины XI—первой половины XII в., причем палеографическая датировка многих надписей может быть проверена и уточнена архитектурно-стратиграфическими данными. Исследования граффити более позднего времени из других новгородских памятников архитектуры позволят дополнить и проверить сведения сравнительно немногочисленных надписей этого времени из Софийского собора.

- ¹ Медведев А. Ф. Древнерусские писала X—XV вв. СА, 1960, № 2, с. 63—88.
- ² В статье автора «Палеография граффити Новгородского Софийского собора» материалом для наблюдений послужили 119 надписей (см. «Проблемы палеографии и кодологии в СССР». М., 1974).
- ³ К ним нужно добавить опубликованные недавно С. А. Высоцким 13 надписей XI в. и 61 — XII в. См. Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.
- ⁴ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. 1. Киев, 1966, табл. III, I.
- ⁵ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 112—114.
- ⁶ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи, с. 126.
- ⁷ Щепкин В. Н. Русская палеография с. 113.
- ⁸ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., № 5.
- ⁹ НГБ (1951), с. 40—42.
- ¹⁰ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955 (см. статьи: Жуковская Л. П. Палеография, с. 54; Аванесов Р. И. Фонетика, с. 81).
- ¹¹ НГБ (1952), с. 81—82.
- ¹² НГБ (1955), с. 51—52.
- ¹³ НГБ (1958—1961), с. 20—21, 22.
- ¹⁴ НГБ (1953—1954), с. 12—13, 45—46.
- ¹⁵ НГБ (1956—1957), с. 17—20; 22—23; 46—47; 48—51.
- ¹⁶ Там же, с. 231—232.
- ¹⁷ Там же, с. 16—17.
- ¹⁸ Там же, с. 129—130.
- ¹⁹ Щепкин В. Н. Новгородские надписи-граффити, с. 35; он же. Русская палеография, с. 115; Срезневский И. И. Славяно-русская палеография, с. 124; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, с. 188.
- ²⁰ НГБ (1953—1954), с. 38—41.
- ²¹ НГБ (1956—1957), с. 60, 63—64, 67—69, 154—155.
- ²² НГБ (1958—1961), с. 23—26.
- ²³ НГБ (1953—1954), с. 34—35.
- ²⁴ НГБ (1956—1957), с. 62—63.
- ²⁵ НГБ (1955), с. 28—29.
- ²⁶ НГБ (1958—1961), с. 20—21.
- ²⁷ Т. В. Рождественская отмечает также близость новгородских почерков надписей XI—XII вв. к киевским граффити того же времени. См. Рождественская Т. В. Об особенностях палеографии новгородских надписей-граффити XI—XIV вв. — В кн.: Лингвистические исследования. 1972 г., ч. 1. М., 1973, с. 100.
- ²⁸ Большая традиционность берестяных грамот и граффити по отношению к графике рукописных памятников может объясняться не только особенностями материала, на котором они написаны, но и социальным составом авторов грамот и надписей. В то время как рукописи писали профессиональные писцы, среди авторов граффити и особенно грамот — представители более широких социальных кругов.
- ²⁹ Коновалов А. А. Указ. соч., с. 62.
- ³⁰ Высоцкий С. А. Указ. соч., с. 126; Жуковская Л. П. Палеография, с. 76.
- ³¹ Щепкин В. Н. Указ. соч., с. 118—119.
- ³² Мединцева А. М. Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 440—450.
- ³³ Жуковская Л. П. Палеография, с. 73—74.
- ³⁴ Там же, с. 73.
- ³⁵ Там же, с. 74.
- ³⁶ Там же, с. 75—76.
- ³⁷ Щепкин В. Н. Русская палеография, с. 213.
- ³⁸ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV вв., с. 19.
- ³⁹ Рождественская Т. В. Указ. соч., с. 100.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Местонахождение граффити

же закономерность: численное преобладание граффити в южных помещениях.

Наиболее показательным является расположение надписей на алтарных столбах: по штукатурке северного алтарного столба прочерчено лишь девять надписей, в то время как поверхность соседнего южного алтарного столба испещрена многочисленными надписями и рисунками.

Почти все известные надписи храма Новгородской Софии, об авторах которых можно судить по именам и глагольным формам, написаны мужчинами. Единственная надпись, содержащая женское имя (Елены, № 57), находится на одной из граней северного алтарного столба, но нельзя настаивать на том, что она оставлена женщиной. В Киевской Софии известны лишь три надписи, содержащие женские имена. Одна из них (№ 27) — молитвенная запись Олисавы, «русской княгини» — находится в северной, женской части хоров. По всей вероятности, первые четыре строки надписи написаны самой Олисовой, вдовой князя Изяслава Ярославича (умерла в 1107 г.)². Вторая надпись (№ 46) начерчена на стене апостольского придела и содержит молитву о помощи двум лицам: «рабе своей Елене и рабу своему Фсыпорови»³. Граффити выполнено одним почерком. Это обстоятельство, так же как наличие второго, мужского имени, местонахождение надписи в южной части храма заставляют усомниться в том, что надпись № 46 выполнена рукой самой Елены. Скорее всего автор этой надписи Фсыпор. Третья надпись (№ 60) датируется XIII в. Она начерчена на хорах с северной стороны и содержит молитву о помощи «рабе своей Агафье». Содержание надписи, местоположение указывают на то, что автором этой записи была сама Агафья⁴.

Таким образом, только о двух надписях из ста Софии Киевской мы можем говорить, что они написаны женщинами. Первая из них (XI в.) написана княгиней, о социальной принадлежности Агафьи определенных данных нет, так как в XIII в. в связи с татаро-монгольским нашествием и общим экономическим и политическим упадком Киева доступ на хоры мог быть открыт не только для княжеско-боярской верхушки⁵.

Численное преобладание надписей в южных помещениях и киевского и новгородского храмов Софии, почти полное отсутствие надписей с женскими именами говорят о неграмотности большей части женского населения. Знаменательно, что одна из «женских» надписей Софии Киевской написана княгиней. Отсутствие женщин среди авторов граффити находится в противоречии со свидетельствами новгородских берестяных грамот. В настоящее время известно несколько десятков грамот, авторами или адресатами которых могли быть женщины. Возможно, часть их написана по поручению женщин, например грамота № 28 (рубеж XIV—XV вв.) — завещание Фетинии⁶; другие среди адресатов называют и мужские имена — грамота № 67 (середина XIV в.): «Поклон от Якова к Василию и Васильевой. . .»⁷ Женщины, упомянутые в этих письмах, могли быть и неграмотными. Принадлежность некоторых имен женщинам оспаривается многими исследователями. Так, имя Гостята (грамота № 9, не позже первой половины XII в.) скорее всего мужское⁸. Точно

так же как имя Омросия (автора грамоты № 59 первой половины XIV в. могло принадлежать и мужчине⁹.

Все же есть некоторое количество грамот, из текста которых следует, что они написаны женщинами или адресованы женщинам. Например, знаменитое письмо Бориса к Настасии и Настасии к братьям (№ 43, 49 — вторая половина XIV—начало XV в.)¹⁰ или переписка посадника Онцифора с матерью (№ 354, 358), письмо от Семена к невестке (№ 363)¹¹, письмо от Микиты к Ульянице с брачным предложением (№ 377)¹².

Возможно, что разница в показаниях берестяных грамот и граффити относительно женской грамотности вызвана хронологическими причинами. Большинство граффити из новгородского Софийского собора относится ко второй половине XI—первой половине XII в. (см. табл. I). Берестяных грамот этого времени известно значительно меньше и притом большинство — отрывки. Грамот, написанных женщинами или адресованных им, в XI в. нет. К XII — рубежу XII—XIII вв. относится 5 таких грамот.

Как уже говорилось, автора грамоты № 9 вряд ли правомерно считать женщиной. Грамота № 156 (первая половина XII в.) адресована Завидом к «Мьн. . .», к жене и детям¹³. Из текста ее следует, что письмо Завида является ответом на жалобу об избиении жены адресата. Адресовано оно не только жалобщику, имя которого полностью не читается, но и его жене и детям, что указывает на коллективное выступление семьи в защиту своих интересов¹⁴. При таком толковании из текста письма вовсе не следует, что и жена жалобщика была грамотной.

В письме № 400, датирующемся рубежом XII—XIII вв.¹⁵, идет речь о том, что какая-то женщина «нарекла» — объявила своим принадлежавшего ей когда-то холопа (убежавшего или украденного)¹⁶. Текст сохранился в отрывках, поэтому не ясно, кто является автором и адресатом грамоты.

Только содержание двух грамот, посланных сыновьями матерям, указывает на то, что адресатки грамотны. Одна из них (№ 227) — письмо сына к матери с просьбой отдать подателю грамоты долг в две гривны — датируется рубежом XII—XIII вв.¹⁷ Другая (№ 384) также адресована сыном матери¹⁸ и посвящена разделу имущества умершего человека¹⁹. Стратиграфической даты эта грамота не имеет, по палеографическим показателям она датируется XII в.

Таким образом, первые грамоты, бесспорно адресованные женщинам, появляются лишь в XII—на рубеже XII—XIII вв. Данных о грамотности женщин в более раннее время берестяные грамоты, так же как и новгородские надписи-граффити, не содержат. Конечно, вопрос о грамотности женщин Руси XI—XII вв. можно решать лишь по изучении всего эпиграфического материала этого времени. Но и сейчас ясно, что о широком распространении грамотности в XI—XII вв. можно говорить лишь относительно мужского населения и Новгорода, и Киева.

Далеко не всегда удастся определить социальную принадлежность авторов граффити. Очень редко писавший сам называет свою профессию.

Таких граффити всего 11 (из 253). Но в целом ряде случаев по способу выполнения надписи (граффити, начерченные по сырой цемьянке, или надписи в фресковой технике), по местоположению (например, в тайниках или ризнице, куда доступ имели лишь причт или церковная администрация), изображениям, сопутствующим надписям, азбуке, в которой выполнена надпись, и ряду других косвенных обстоятельств можно определить, хотя бы в общих чертах, профессию писавших. Таким путем определяются авторы 70 надписей (см. табл. II). Из них 20 надписей оставлены восемью художниками, семь — строителями, среди последних могли быть как архитекторы, так и простые каменщики. Большая часть надписей, социальная принадлежность авторов которых поддается определению, оставлена представителями причта, церковной и княжеской администрации, переписчиками. Таких надписей 34. Не всегда удается отличить внутри этой группы надписи, оставленные людьми перечисленных выше категорий, поэтому и приходится объединить их в одну группу. Пять автографов принадлежат княжеским дружинникам, авторы двух — знатные бояре, известные и по летописям, одна надпись могла быть написана холопом (см. табл. II), но уверенности в этом нет, так как слово «холоп» могло быть и именем собственным (см. комментарий к надписи № 189). Вызывает сомнение принадлежность надписи № 210 ремесленнику-шведу (портному или сапожнику) из-за неясности в переводе этого термина.

Следовательно, 68 надписей из 70, о социальной принадлежности авторов которых у нас есть некоторые данные, оставлены клиром, переписчиками, дружинниками, боярами, художниками и строителями. Еще пять надписей XI—XII вв., где авторы называют свое отчество, по всей вероятности также оставлены знатными людьми, так как в летописях в XI—XII вв. отчествами сопровождаются имена лишь представителей высших слоев феодальной иерархии²⁰.

Если учесть, что 94 надписи из 229, местонахождение которых нам известно, находятся на стенах лестницы, хоров, тайников и других помещений, куда имели доступ лишь люди перечисленных выше социальных категорий, то количество надписей, оставленных клиром, знатью и привилегированными ремесленниками, возрастает почти до половины (108 надписей) общего количества (см. табл. III). Вероятно, среди граффити, оставленных в общедоступных нижних помещениях собора, есть автографы, принадлежащие представителям более демократических кругов общества, но выявить их пока не удастся, если не считать упомянутых надписей № 189, 210 (одна из них — № 210 находится на стене Мартирьевской паперти, местонахождение другой неизвестно).

Значительное количество граффити, оставленных церковниками, знатью, привилегированными ремесленниками, возможно, является особенностью надписей храма Софии, являющегося средоточием и олицетворением духовной и светской власти. И это не могло не сказаться на их тематике, языке и графике. К тому же в Новгородской Софии верхние части столбов и стен до сих пор покрыты живописью и недоступны для

исследования. Возможно, на тематике новгородских граффити, известных в настоящее время, сказалось и это обстоятельство.

На таблице IV представлены надписи из Новгородской Софии, разделенные в зависимости от содержания на разные тематические группы.

В первую группу выделены молитвенные записи, обращенные к богу или какому-либо святому.

Во вторую — надписи, по содержанию близкие к вышеозначенным: анонимные отрывки молитвенных фраз и богослужебных текстов. Вряд ли вызывает сомнение богослужебное назначение надписей этих двух групп; как правило, это молитвы, анонимные или подписанные. Количество этих надписей достигает 82.

Наиболее многочисленны (114) надписи-автографы: «писал имярек». Некоторые исследователи склонны видеть в этих надписях «пробу пера» — автографы, оставленные от скуки во время богослужебного обряда. Предполагают также, что многие надписи, находящиеся на небольшой высоте от уровня древнего пола, могли быть начерчены детьми²¹. Отношение церкви к писанию на стенах, зафиксированное в уставе Владимира, где это занятие причислено к церковным преступлениям, как будто подтверждает светский, развлекательный смысл этих автографов.

Внутри этой многочисленной группы надписей выделяются те, где автограф сопровождается некоторыми пояснениями: «в беде писал» или «худой, грешный», «грешною рукою», «аминь», «на преклоненных коленях писал». Последнее дополнение (№ 79, 78) поясняет, почему многие граффити находятся на небольшой высоте от пола. Из 114 надписей-автографов 20 имеют разного рода дополнения, указывающие на благопожелательное назначение этих граффити. Кроме того, часто многие надписи-автографы сопровождаются изображениями крестов, храмов, выполненных с большим или меньшим мастерством, в зависимости от умения писавшего. Таких надписей 26 (см. табл. IV). Изображениями крестов нередко сопровождаются и молитвенные записи первой и второй групп. Таким образом, о 46 из 114 надписей-автографов мы можем говорить, что они имели закликательное назначение. Есть основания и большинство оставшихся автографов причислить к молитвенным записям, тем более что иногда они сопровождаются указанием на церковный праздник, в который была оставлена надпись. Например: «Иван писал на Петров день» (№ 156) или «Стефан писал на страстной неделе, в понедельник» (№ 152). Очевидно, смысл многих записей-автографов объясняет пространный автограф из киевского Софийского собора: «Это я, грешный Никола, написал, моляся господу богу своему. Да избавит меня от бесчисленных грехов моих»²². Надписи, разъясняющие смысл автографов, есть и в Софии Новгородской. Например, граффити № 223: «Тудор молится святой Софии грешною рукою» или «Олисей молится святой Софии» (№ 26). Из них следует, что не только записи, содержащие молитву, но и некоторые автографы приравнивались к молитве, что подтверждают изображения крестов или храмов, часто сопровождающие такой автограф.

Многочисленные изображения крестов без сопроводительных записей, часто встречающиеся на стенах обоих храмов, — это также молитвы людей, скорее всего неграмотных.

Несмотря на запрет церковного устава, обычай писать на стенах широко проник и в церковную среду. Лишь при этом условии станет понятным наличие крупных, красивых надписей с именами епископа Мартирия, Василия (Владимира Мономаха?) в диаконнике Софийского собора в Киеве²³ или «княжеских» и летописных граффити, помещенных на столбах на большой высоте в том же храме²⁴.

Хозяйственные записи, иногда встречающиеся на стенах храмов²⁵, очевидно, не столько вызваны тем, что у писавших не нашлось под рукой другого писчего материала, сколько тем, что верность расчетов или долговых записей удостоверялась церковью и богом. На это указывает граффити — купчая на землю Бояна из киевского Софийского собора, где наряду с послухами — свидетелями юридической сделки называется и святая София: «Купила землю Бояню всю Всеволожая перед святой Софией и перед понами. . .»²⁶ Но эти записи немногочисленны. В Новгородской Софии всего две хозяйственные записи, близки к ним некоторые записи о внутрицерковных событиях, такие, как № 75: «поладил епископ куколь куний» (см. табл. IV).

Служебный характер имеют надписи поминальные, где указан день и месяц «преставления» какого-либо человека, что было необходимо для его поминания. В Софии Новгородской известны три такие записи (см. табл. IV).

Очень немногочисленны граффити Софии Новгородской, связанные с летописными записями. Надписи, в которых говорится о смерти князей и вокняжениях на киевском столе, заключении мира, о погребении известных исторических лиц, составляют один из самых важных разделов эпиграфического материала Софии Киевской. Открытие их в киевском храме Софии подтвердило предположение, высказанное А. А. Шахматовым о том, что при Софийском соборе в XI в. велся княжеский помянник, при составлении которого использовались надписи на крестах и надгробных плитах. С. А. Высоцкий высказал предположение, что при составлении этого помянника использовались и настенные поминальные записи²⁷. Он же выявил интересную закономерность в расположении «княжеских» надписей: в большинстве случаев они располагаются на значительной высоте над уровнем пола XI в. — от 1,75 до 2,15 м. Обычные же надписи начерчены или на уровне глаз человека, или значительно ниже²⁸.

Тем не менее некоторые надписи из новгородского храма Софии содержат сведения, которые можно приравнять к летописным сообщениям. Такова запись о начале строительства Софии, дополненная тремя именами-автографами.

Близка летописным сообщениям надпись № 246, в которой говорится о снегопаде в мае; известия такого характера нередки на страницах русских летописей.

Особенностью эпиграфического материала Софии Новгородской являются надписи, обращенные к «владыке» — новгородскому архиепископу. Известны две такие надписи (см. табл. IV).

Граффити, не связанные с религиозной тематикой, немногочисленны. К ним можно отнести три рабочие пометки, сделанные в процессе строительства (см. табл. IV). Для «бытовых» надписей стена собора была случайным материалом для письма. В первую очередь к таким надписям нужно отнести записи фольклорного характера, среди граффити новгородского Софийского собора три такие надписи. Несколько записей, представляющих упражнения в письме и счете, увеличивают количество «бытовых» записей до десяти (см. табл. IV). Их, возможно, было бы значительно больше, так как на стенах иногда встречаются надписи, тщательно зачеркнутые.

Одну из этих надписей удалось прочесть. Это граффити № 203, представляющее собой невинную детскую песенку. Тем не менее неизвестным цензором, очевидно из церковного причта, она была аккуратно зачеркнута, и добавлена надпись, с его точки зрения более приличествующая на стене церкви: «Усохните те руки».

Множество тщательно зачеркнутых надписей находится на стенах жертвенника киевского Софийского собора, где во время богослужения толпились молодые церковные служки²⁹. Уцелевшие надписи, написанные торопливой рукой, иногда незаконченные, не только развлекательны, но часто непристойны. Больше всего таких надписей на стене, которая не просматривалась из соседнего помещения³⁰. В диаконнике же среди традиционных молитвенных надписей обнаружена только одна бытового характера: «Кузьма — пороса». Прочерченная под шиферным карнизом ниши северной стены, она была целиком закрыта от глаз тех, кто входил в диаконник³¹.

Значительное количество надписей богослужебного характера превращает граффити в исторический источник особого рода, наиболее важный прежде всего для изучения религиозных воззрений и церковно-политической истории древней Руси. Некоторые записи вводят нас в атмосферу богословских споров и антиеретических проповедей, они дополняют наши представления об общественно-политической жизни Новгорода XI—XII вв.

Надпись № 135 содержит запись космогонического спора, тематика которого перекликается с многочисленными поучениями древнерусских авторов, направленными против язычества: о том, кто управляет небом, кто может его «прояснить», «потрясти» облака — бес (языческий Род) или христианский бог. Эта надпись также свидетельствует о распространенности языческих представлений о мироздании.

И другие надписи ясно говорят о живучести языческих обычаев среди новгородского населения. Такова надпись № 145, в которой сообщается о коллективной трапезе на лестнице Софийского собора. Можно лишь предположительно судить о конкретной причине, вызвавшей появление этой надписи. Но вполне ясно, что в основе этого события лежит языче-

ский обычай коллективной братчины, чрезвычайно широко известный в Новгороде по этнографическим и археологическим материалам.

Древнерусские летописи, которые велись при княжеских или монастырских домах, очень неохотно и скупо сообщают о проявлениях классовой борьбы, о еретических движениях, являвшихся в условиях средневековья протестом против феодального угнетения. Надписи-граффити в этом отношении следуют летописной традиции. Тем не менее на тематике некоторых надписей богослужебного характера косвенно отразилась яростная борьба за свое существование, которую вынуждена была вести христианская церковь на Руси. Об этом свидетельствует и вышеупомянутая запись космогонического спора, и антиеретическая надпись (№ 73), призывающая бога помиловать христиан и проклясть еретиков. Хотя в этой надписи не уточняется, какие именно еретики имеются в виду, анализ немногих летописных сведений, данных древнерусских поучений, житий монахов Киево-Печерского монастыря позволяют установить, что под еретиками в этой надписи могли подразумеваться не только последователи волхвов-язычников, но и еретики-богомилы. Эта надпись, относящаяся ко второй половине XI в. — эпохе ожесточенных классовых столкновений, является отголоском проповедей, произносившихся в Софии против различных отступлений в вере.

В надписи № 247, относящейся к более позднему времени (XIII — начало XIV в.), нашло выражение стихийное недовольство своим положением, которое сложилось к концу XIII в. в среде низшего духовенства, подвергавшегося наряду с мирянами жестокой феодальной эксплуатации. Эта запись представляет собой уникальную анонимную челобитную софийских дяконов «владыке» — новгородскому архиепископу с жалобой на «неустройство». Памятники церковной истории того времени указывают на существование демократического антицерковного движения, в котором участвовало и низшее духовенство. Надпись № 247 является конкретным примером проявления этого недовольства низшего духовенства своим положением, реальную жалобу на «неустройство пастушеское». В дальнейшем из этой среды выделились активные сторонники и идеологи антицерковного и антифеодального движения стригольников.

Таким образом, в содержании некоторых граффити косвенно отразились социальные столкновения.

Некоторые записи имеют особую историческую ценность, так как содержат сведения, которые обычно оставались за пределами внимания летописцев. Граффити такого рода по своей исторической значимости превышают важность сообщений «княжеских» надписей, содержащих традиционные данные о начале княжения и смерти князей и епископов, о перенесении их гробниц и т. д. Многие важные для современного историка события не привлекали внимания и летописцев, и авторов «княжеских» граффити. Поэтому интересны надписи, дополняющие летопись. Среди новгородских граффити такие сведения сообщает группа надписей-автографов, оставленных художниками и строителями Софийского собора.

Изучение надписей из Софийского собора в Новгороде позволило установить неизвестные до сих пор имена художников, принимавших участие в росписи собора на протяжении XI—XII вв. Особенности эпиграфического материала — его краткость, фрагментарность — оставляют пока много неясного во взаимоотношениях мастеров внутри артели, о роли, которую играл каждый художник в росписи. Не исключено, что в росписи собора в это же время могли принимать участие и другие художники, надписи-автографы которых не сохранились. Но уже сейчас можно определенно говорить о двух артелях художников, в разное время расписывавших храм Софии. Имена художников, сами надписи, отразившие фонетические особенности русской речи, дают основания считать художников, расписавшихся на стенах Софии, русскими мастерами. Исключение представляет надпись-автограф Георгия, не содержащая определенных данных о его национальности.

Столь же ценны сведения надписей-граффити о строителях собора. Крупная надпись на стене лестничной башни сообщает о начале работ по строительству собора — 21 мая. Есть основания расположенные поблизости надписи-имена, одна из которых сделана в процессе строительства по сырой штукатурке, считать именами тех, кто «почал делати» Софию. Другая надпись позволяет предположить, что некоторые перестройки в Софийском соборе в начале XII в. были произведены известным новгородским зодчим Петром, хотя это предположение нуждается в дополнительной проверке и новых материалах.

Еще одна надпись (№ 82) содержит сведения о существовании церкви Власия уже в XI в., что по летописным данным не было известно. Таким образом, трудно переоценить значение этой группы надписей для истории русского искусства.

Несколько надписей содержат хозяйственные расчеты. В граффити № 146 сообщается о размере денежной руги, которую выдавали дважды в год софийскому причту. Небольшой размер ее позволяет утверждать, что основную часть жалования причт получал натурой. Какие-то хозяйственные записи представлены в надписи № 238, но плохая сохранность ее не позволяет говорить об этом с уверенностью. Перекликается по тематике с берестяными грамотами, содержащими сведения о суде и судопроизводстве, надпись № 253. Сопоставление ее с данными берестяных грамот позволяет истолковать это граффити как краткую запись результата судебного процесса, по которому дворецкому — первому административному лицу в доме Софии был присужден штраф за «бесчестие».

Как говорилось выше, церковные служители уничтожали надписи фольклорного или бытового содержания. Только по недосмотру могли уцелеть записи фольклорного характера. Такие надписи, писавшиеся во время длинных богослужений не слишком ревностными прихожанами и самими церковниками от скуки или из озорства, дают некоторое представление об устном народном творчестве. Среди новгородских граффити встречено несколько надписей подобного рода. Еще В. Н. Щепкиным была опубликована следующая запись, представляющая собой насмешку

над задремавшим богомольцем: «Якиме стоя усне, а рта и о камень не росте». Пословица и детская песня записаны в граффити № 203 (о гридьбе и о перепелке). Эта надпись была зачеркнута.

Но некоторые надписи фольклорного характера все же имели право быть записанными и на церковных стенах. Такова интересная запись-загадка о колоколах Софии, заканчивающаяся благочестивым «аминь!» Записи такого рода чрезвычайно важны для изучения устного народного творчества XI—XIII вв.

Наконец, неоценимый материал граффити имеют для изучения истории письменности. Большое количество надписей XI—XII вв., принадлежащих разным авторам, — свидетельство широкого распространения письменности на Руси уже в это время. Изучение социального состава авторов надписей позволяет утверждать, что по крайней мере половина авторов надписей — представители клира, знати, церковно-княжеской администрации, ремесленников, связанных с церковью. Почти полное отсутствие надписей с женскими именами не позволяет говорить о столь же широком распространении грамотности среди женского населения.

Надписи-граффити представляют обширный материал для сравнения письма эпиграфических памятников с почерками рукописей. Особенно важно, что надписи новгородского Софийского собора, для значительной части которых палеографическая датировка может быть проверена архитектурно-стратиграфической, могут быть сопоставлены с обширным материалом берестяных грамот.

Уже сейчас можно утверждать, что эволюция буквенных начертаний в грамотах и граффити имеет много общего. Так же как и берестяным грамотам, надписям-граффити свойственно «запаздывание» буквенных начертаний, большая традиционность графики по сравнению с памятниками, написанными чернилами. Эта особенность становится заметной на рубеже XII—XIII вв. Пока не вполне ясны причины этого явления. Материала софийских граффити этого времени пока недостаточно для того, чтобы делать окончательные выводы, но уже сейчас эту особенность нужно учитывать при датировке.

Часть новгородских граффити орнаментального характера имеет мало общего с письмом берестяных грамот и обнаруживает большее сходство с надписями такого рода на различных предметах прикладного искусства.

Среди большого количества кирилловских надписей на стенах Софийского собора обнаружен десяток глаголических. В свое время публикация В. Н. Щепкиным двух глаголических граффити вызвала большой интерес и послужила причиной неоправданного преувеличения некоторыми исследователями роли глаголической письменности среди новгородских словен. До сих пор еще много неясного в вопросе о соотношении этих двух алфавитов. И если материала новгородских глаголических надписей недостаточно, чтобы решить вопрос о первенстве глаголицы или кириллицы, о том, какой из алфавитов на Руси XI в. назывался «куриловицей», то глаголические граффити дают дополнительные данные о степени распространения и роли глаголической письменности на Руси.

Незначительность количества глаголических надписей, обнаруженных к настоящему времени лишь на стенах зданий церковного характера и в приписках к богослужебным книгам, свидетельствует о том, что глаголица как специфически церковная письменность не нашла широкого распространения на Руси.

Таким образом, граффити из новгородского Софийского собора содержат важные сведения по самым различным областям истории, культуры, истории письменности. Их показания особенно ценны, так как многие из них содержат важные сведения, отсутствующие в других источниках. Даже те надписи, которые в настоящее время представляют лишь случайный набор имен и отрывочных сведений, при дальнейшем накоплении материала и комплексном их изучении могут представить источник большой исторической важности.

- ¹ *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. 1, Киев, 1966, с. 133—134.
- ² *Высоцкий С. А.* Указ. соч., с. 73—80.
- ³ Там же, с. 90—91.
- ⁴ Там же, с. 100—101.
- ⁵ Там же, с. 101. Во втором томе С. А. Высоцкий предположительно относит женщинам авторство еще двух надписей. См. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976, с. 262.
- ⁶ НГБ (1952), с. 28.
- ⁷ Там же, с. 66—68.
- ⁸ НГБ (1951), с. 40—42; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 102—106.
- ⁹ НГБ (1952), с. 60—61; *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 256—257.
- ¹⁰ НГБ (1952), с. 44—45, 50—52.
- ¹¹ НГБ (1958—1961), с. 43—47, 50—52.
- ¹² Там же, с. 58—59.
- ¹³ НГБ (1953—1954), с. 36—38.
- ¹⁴ *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 42—44.
- ¹⁵ НГБ (1958—1961), с. 100.
- ¹⁶ *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 64.
- ¹⁷ НГБ (1956—1957), с. 49.
- ¹⁸ НГБ (1958—1961), с. 84.
- ¹⁹ *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 96.
- ²⁰ *Тупиков Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен, с. 79—80.
- ²¹ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М., 1965, с. 48.
- ²² *Высоцкий С. А.* Указ. соч., с. 100, надпись № 59.
- ²³ *Рибалов Б. А.* Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі.
- ²⁴ *Высоцкий С. А.* Указ. соч., с. 137.
- ²⁵ *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 48.
- ²⁶ *Высоцкий С. А.* Указ. соч., с. 60—71.
- ²⁷ Там же, с. 129—130.
- ²⁸ Там же, с. 137.
- ²⁹ *Рибалов Б. А.* Указ. соч., с. 55—56.
- ³⁰ Там же, с. 55.
- ³¹ Там же, прим. 6 на с. 56.

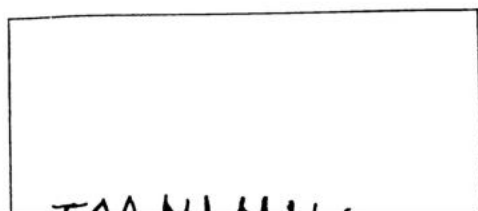
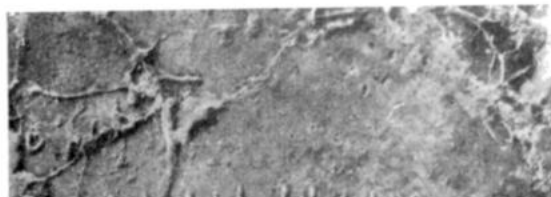
ИЛЛЮСТРАЦИИ

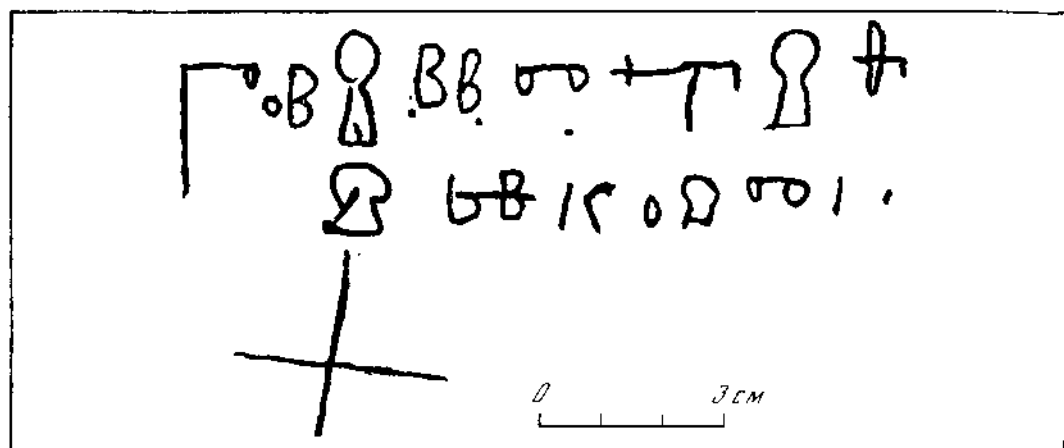

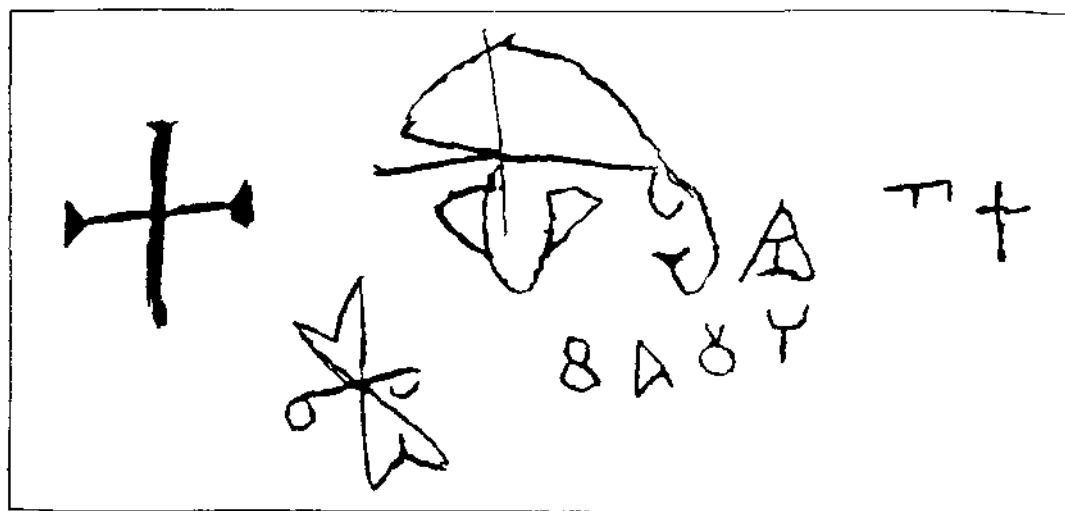

5840
A48L

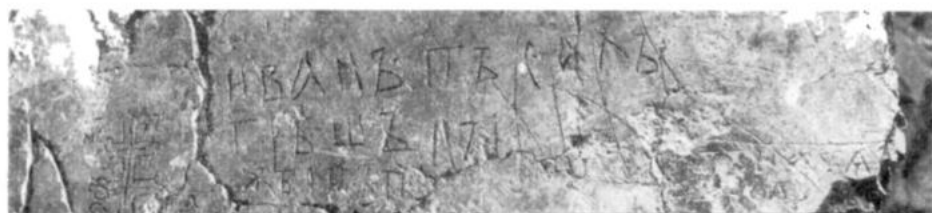

7. Надпись № 9. Фото с кальки

8. Надпись № 10. Фото с кальки

TEΦANδΨΔΕΤΑΔ
CAXXCTXHO60ΦHHA

МНКСУУΛΑ
ΣΑΦΤΑ
ΚΑΔΑΠΟΥΝ
ΚΑΔΑΠΟΥΝ

ΧΟΤΕΥ
ΒΔΔ
ΣΟΠΔΕΗ
385

ΓΑΓΑ(Δ
(G XHPZM

ΔΔ+
BHNIAJδ

НІВАННОК
ПІСНІ
ПІСНІ
ПІСНІ

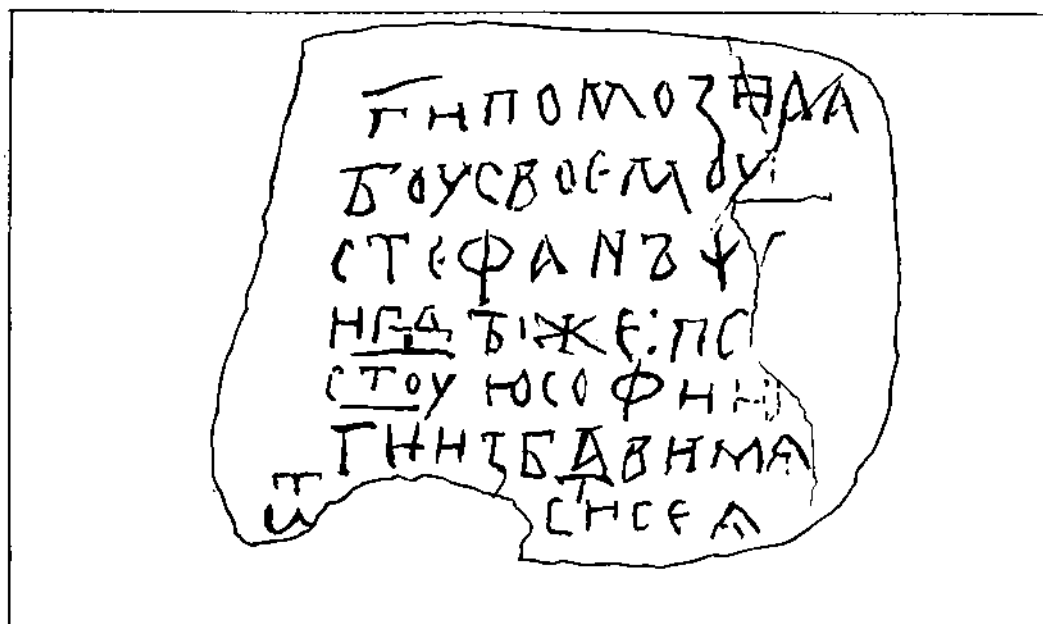
ПІСНІ
ПІСНІ
ПІСНІ

НІВАН

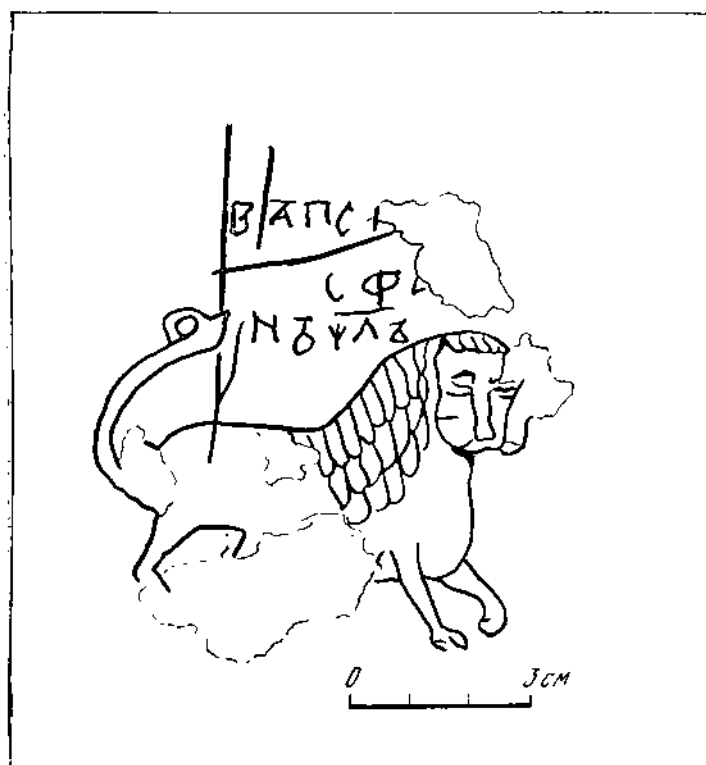
К/Н
Г/Н
Б/Н
М

ΔΔ+
BHNIAJδ

10. Надписи № 11, 16, 17, 22, 200, 219, 220, 240. Фото, прорись

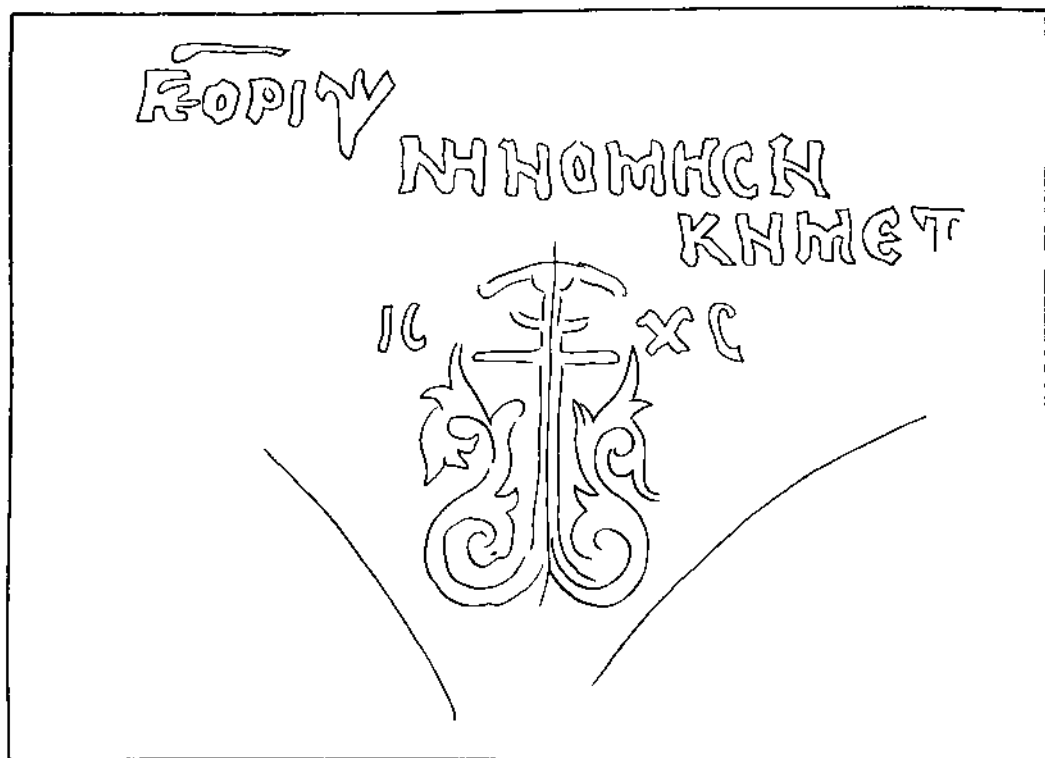
11. Надпись № 12.
Прорись

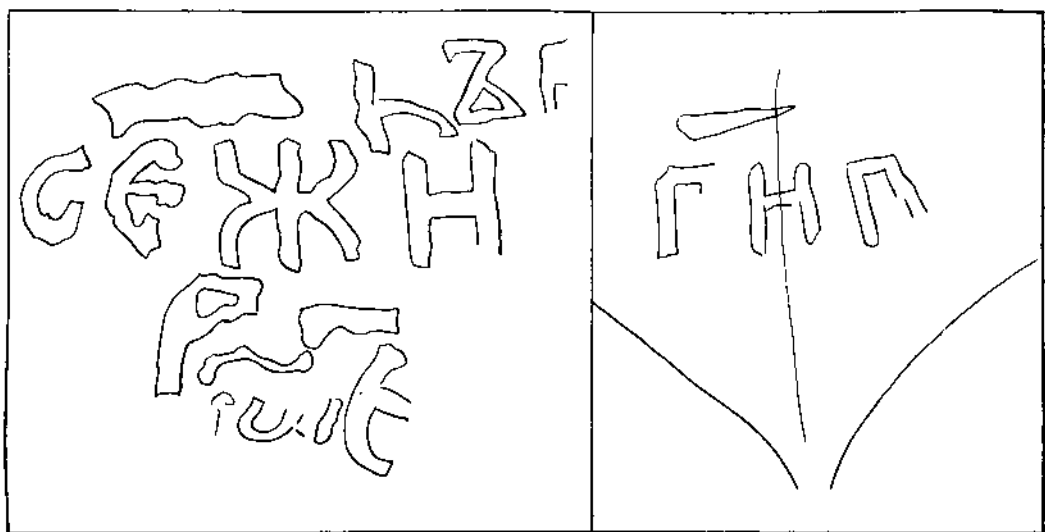
12. Надпись № 13.
Прорись

13–14. Голосник с рисун-
ками и надписью
№ 15. Фото, прорись

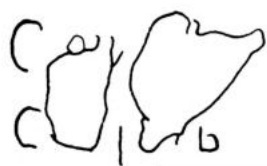
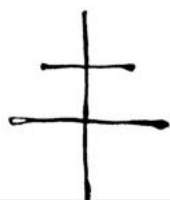
15. Надпись № 18. Прорись

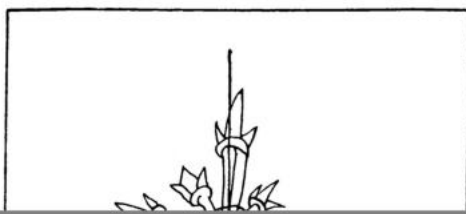
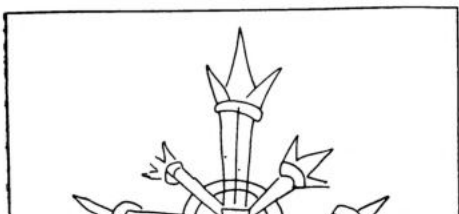

16. Надписи № 19 и 20. Прорись

~~Х~~ ПОРЯСАЛНАХ / ВЗГОРЖ
НО НЕ ДАТОНН БД А
ЛУНАТОВА ЛБТА

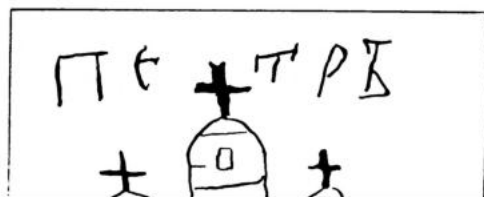

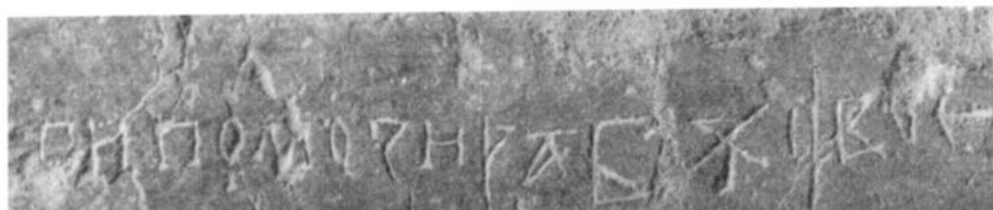

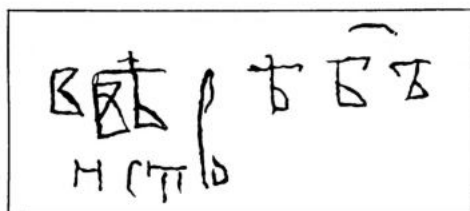

CROATA

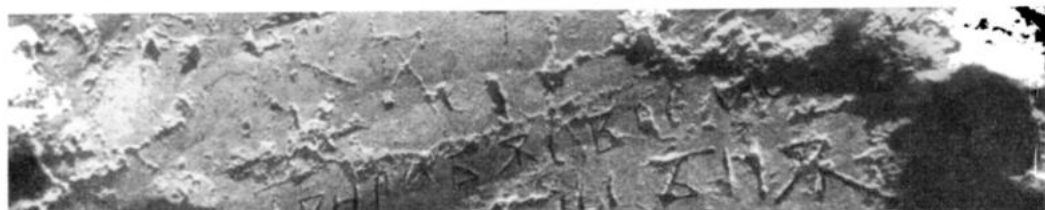
СТУДЕНТЫ

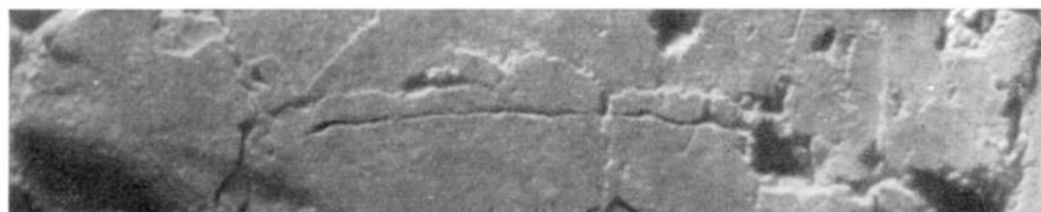

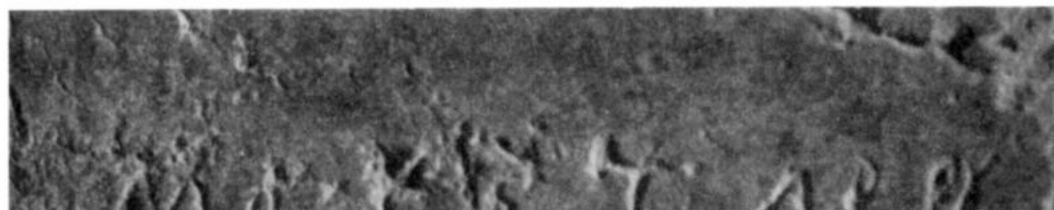

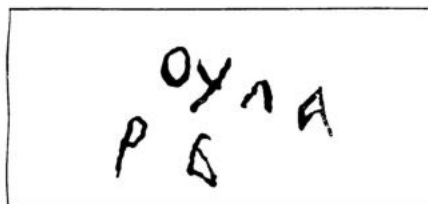
0 TH RZ
TZ PH MA

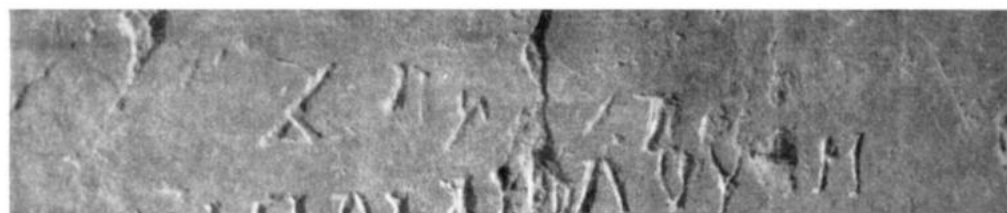

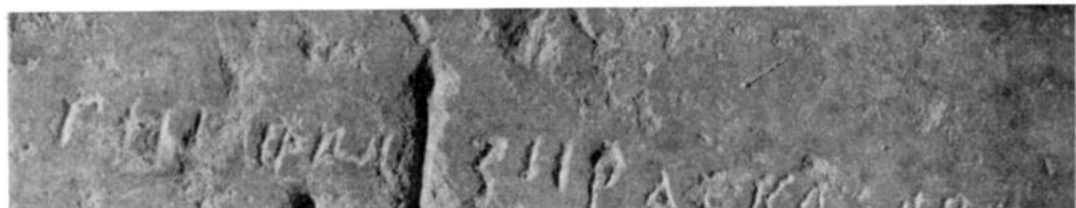

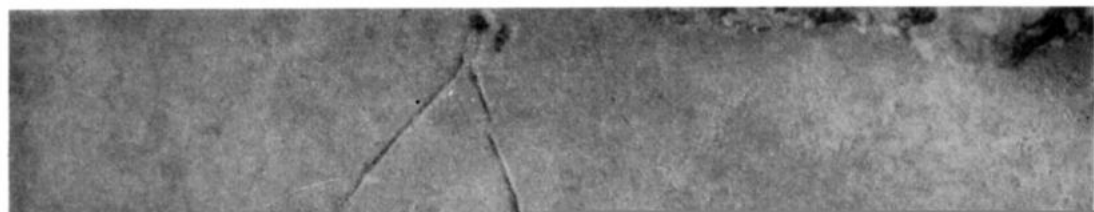

НА ПРМ
КТО НР

ΠΧΕΤΩ...
ΗΘΤΕΡΕΒΕ...ΟΥΤΟ...ΗΚΟΥ...ΗΣΟΥ

Ἰ. ρ. τ. π. ε. α. λ. τ.

РАДЖКЕХОТ ЗКЕ
СНОВНА РЕВНТОМНРЕ

HB Δ N 2

Г РѢ Ш З Н О Н Р О У К О Н

Г Д Т Ж Б Е У З
Г РѢ Ш З Н О Н

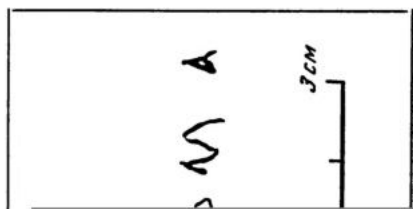

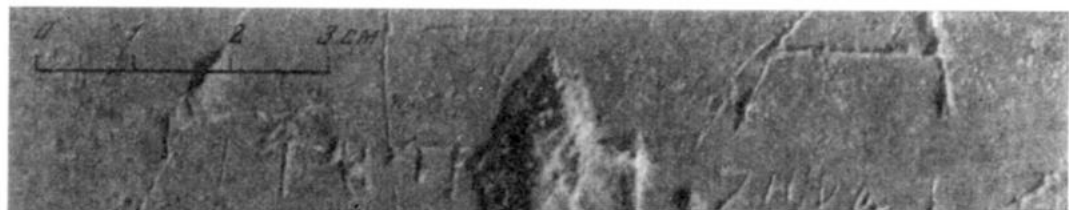
ⲕⲁⲕⲟⲃⲫⲁⲗⲁ
ⲓⲛⲁⲗⲁⲓⲛⲁⲗⲁ
ⲕⲁⲗⲁⲓⲛⲁⲗⲁ
ⲕⲁⲗⲁⲓⲛⲁⲗⲁ

ОГНМОИПОР ПАУН: ОУБОГАГО:НОДОСТОИНАГО
РАБАТЬЕГОПРНПАДАЮШТАГОКЪТЪБЪ

ГНПОМОЗНАБУСОГМУЧВАНУ

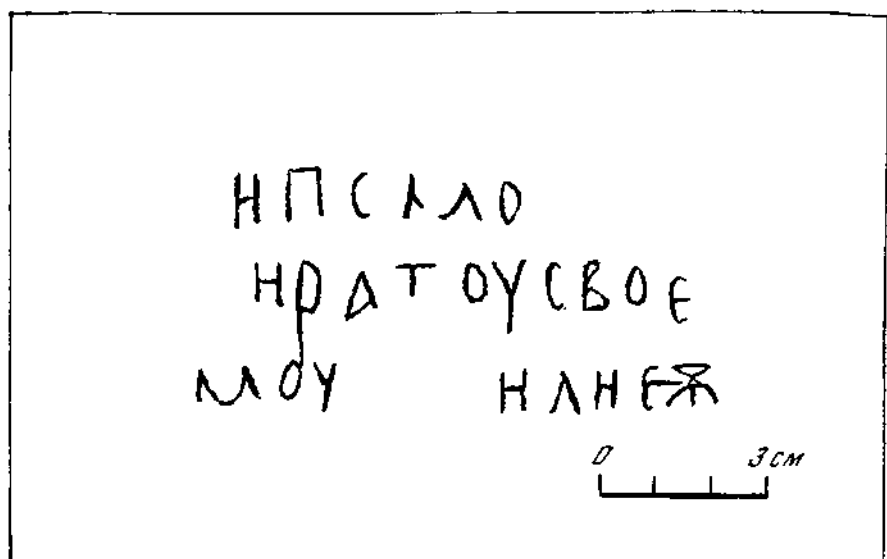

0 3cm

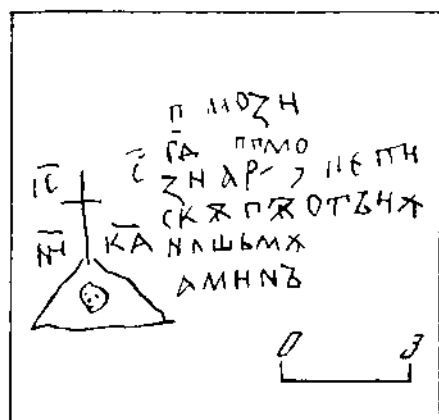
НУЕН' БОС'АК'ЕМКАГ'А - ГРЪШНА

100. Надпись № 172. Фото с кальки
102. Надпись № 174. Фото с кальки

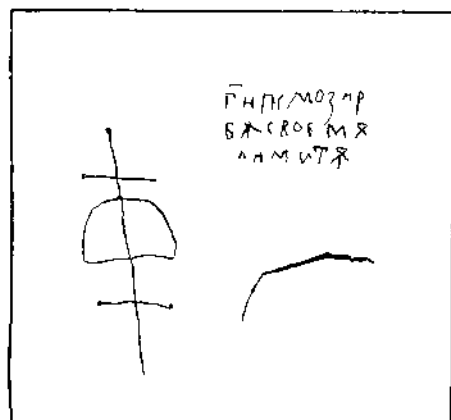
104. Надпись № 176. Фото с кальки

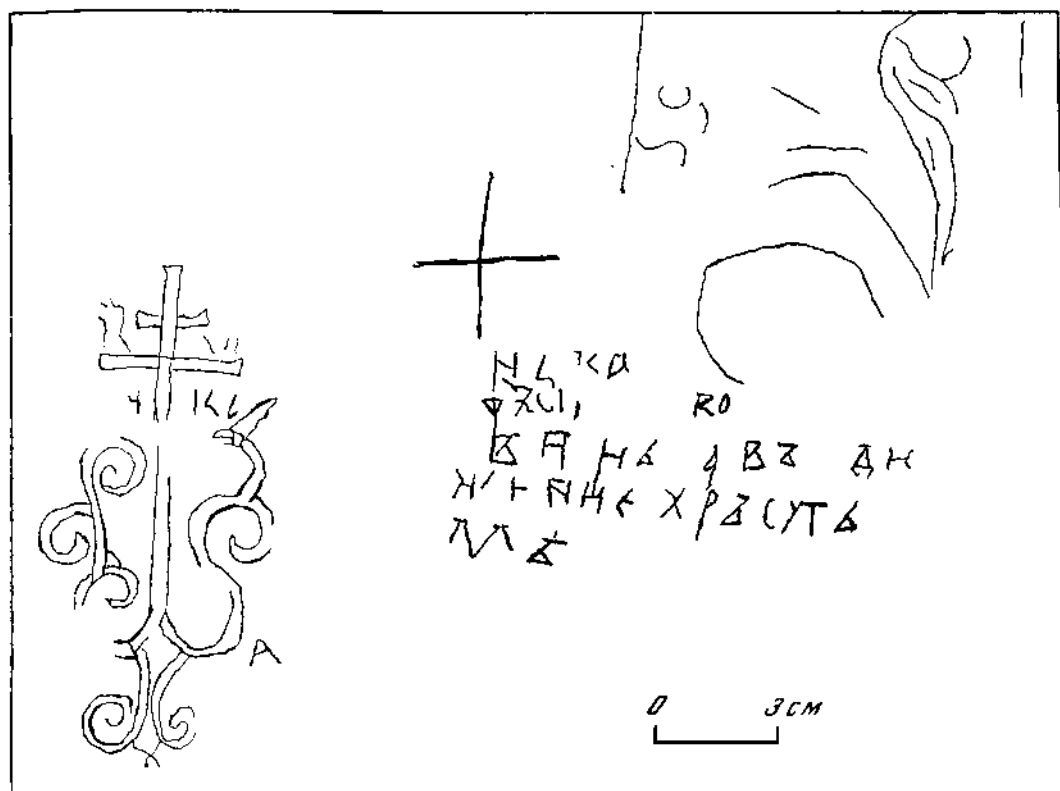
101. Надпись № 173. Фото с кальки

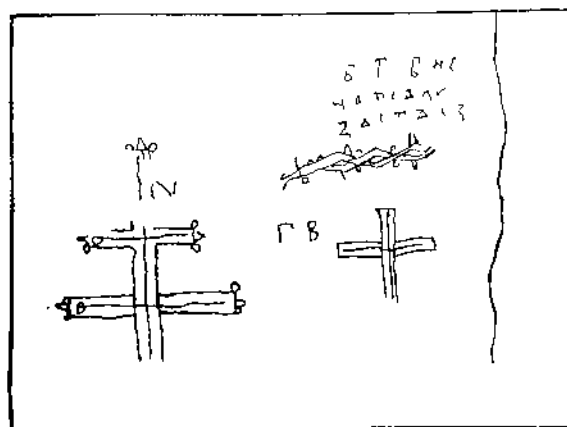
103. Надпись № 175.
Фото с кальки

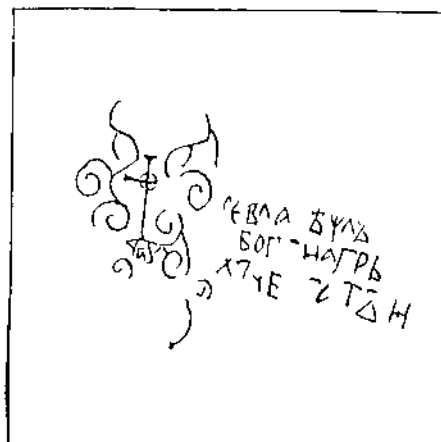
105. Надпись № 177.
Фото с кальки

106. Надпись № 178. Фото с кальки

107. Надпись № 179. Фото с кальки

108. Надпись № 180. Прорись

0 A 5 W X T A I I 3 T H W B

I I 2 T X M O Y P A T O A T X H H R

N B B I M 3 - O M Y U X V A T I C A

ПТО СРПТ - 2, 6 A O C D I I A

I I 5 I 1 8 U P A

F O

W A O T , , y o H X W B A A O Y

A I F - H

0 K A 3 N A Z O -

0 3 1 X T I H B

A A . 3

K Z : 2 I

, 6 A A
6 K 6 K (X B

+

4

+

+

+

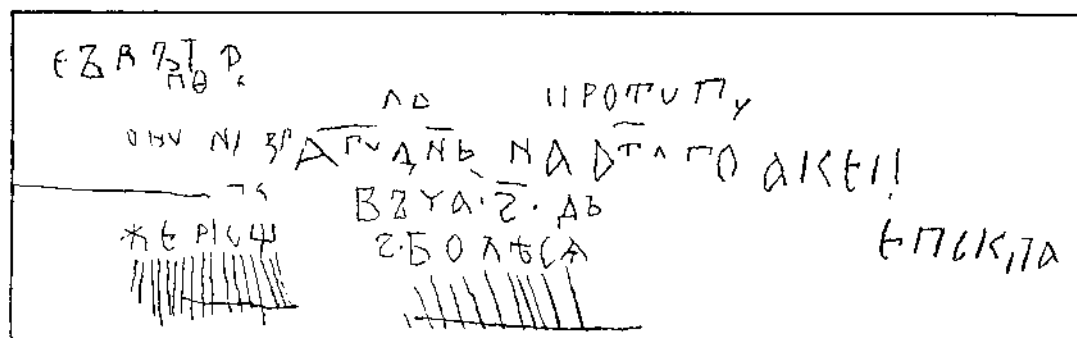
0 X 6 O X X T Z W B A O B A K O
M P A A A A T B H L J A
T P A B B P K Z Z A I I
X T K H T A B A

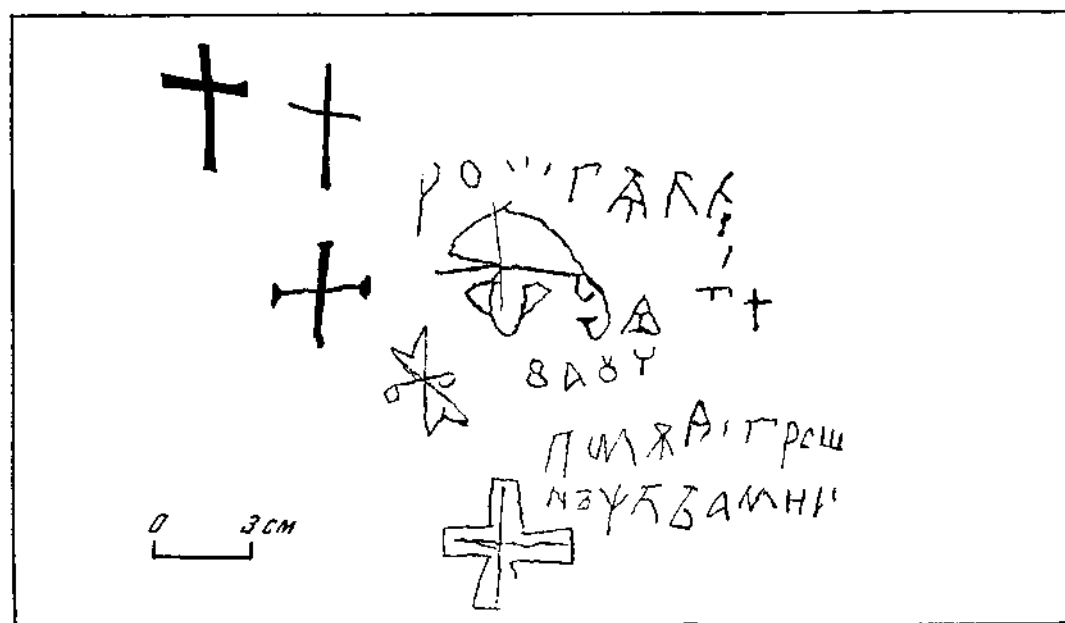
САТАВ АНГЕПМ ОУН. АБАСВОЕ. ИННО
 ХАПРІШЗКЪЧА. НСКЫ ЗАРАА. БОЕГОКЪНА ЗАБЛОЛАДЪА.
 АИ ІРВІКЪВІ СВАТ ОУА СЗМЪ ЗАВНІКЪ
 7. ДО ВОРЪ КОЗЪ ИТЪМІАНА.

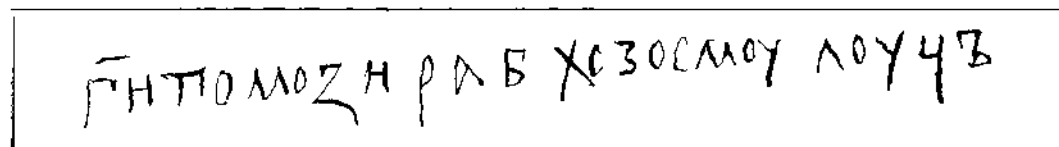
САТАФ: ОФНПОМНУН: АБАСВОЕ: ИНИКОУ
 ПРИЗЛУЧА: ИСКУЗАГРАА: ОБОЕГОКВНАЗА: БУСЛАВА
 АМБ: РЫСВ: СВА: Т: ОУЖ: СЗ: МЪ: ЗА: БНИКОУ
 ПОВ: АД: Т: ВОР: ИНИКО: З: МНИ: А: НА

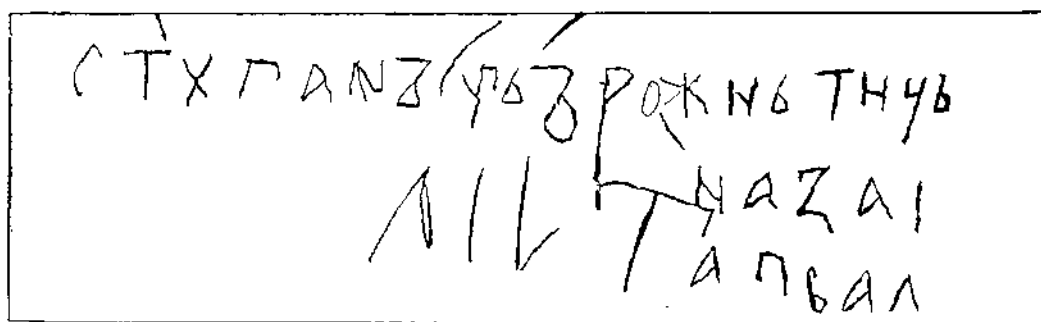
111. Надпись № 184. Фото с кальки

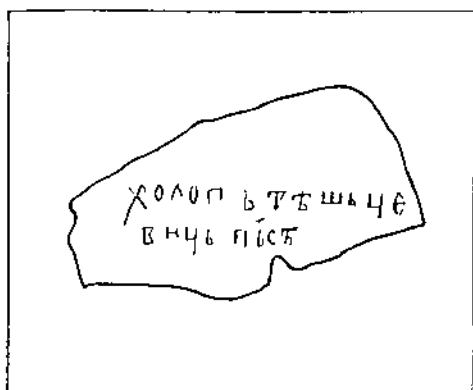
112. Надпись № 185. Фото с кальки

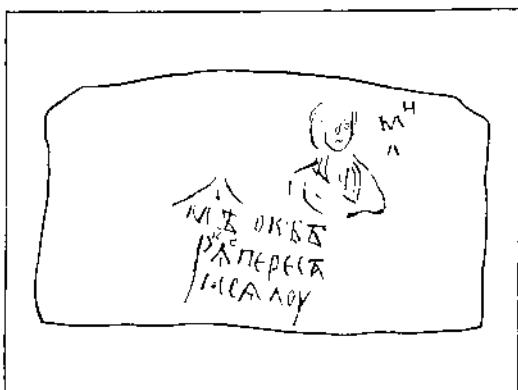
113. Надпись № 186. Фото с кальки

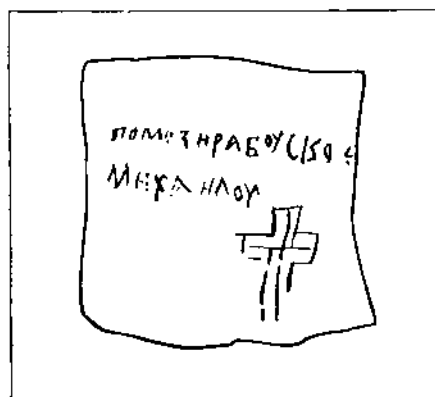
114. Надписи № 187, 188. Фото с кальки

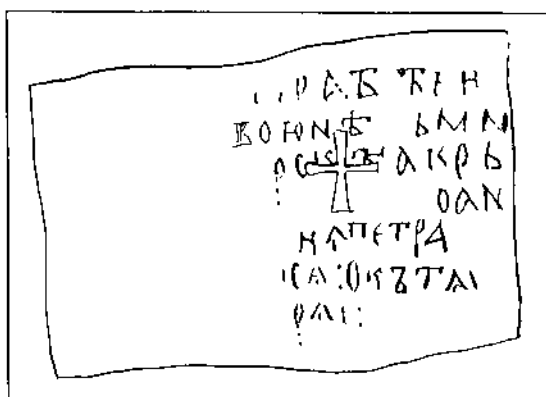
115. Надпись № 189. Прорись

116. Надпись № 190. Прорись

117. Надпись № 191. Прорись

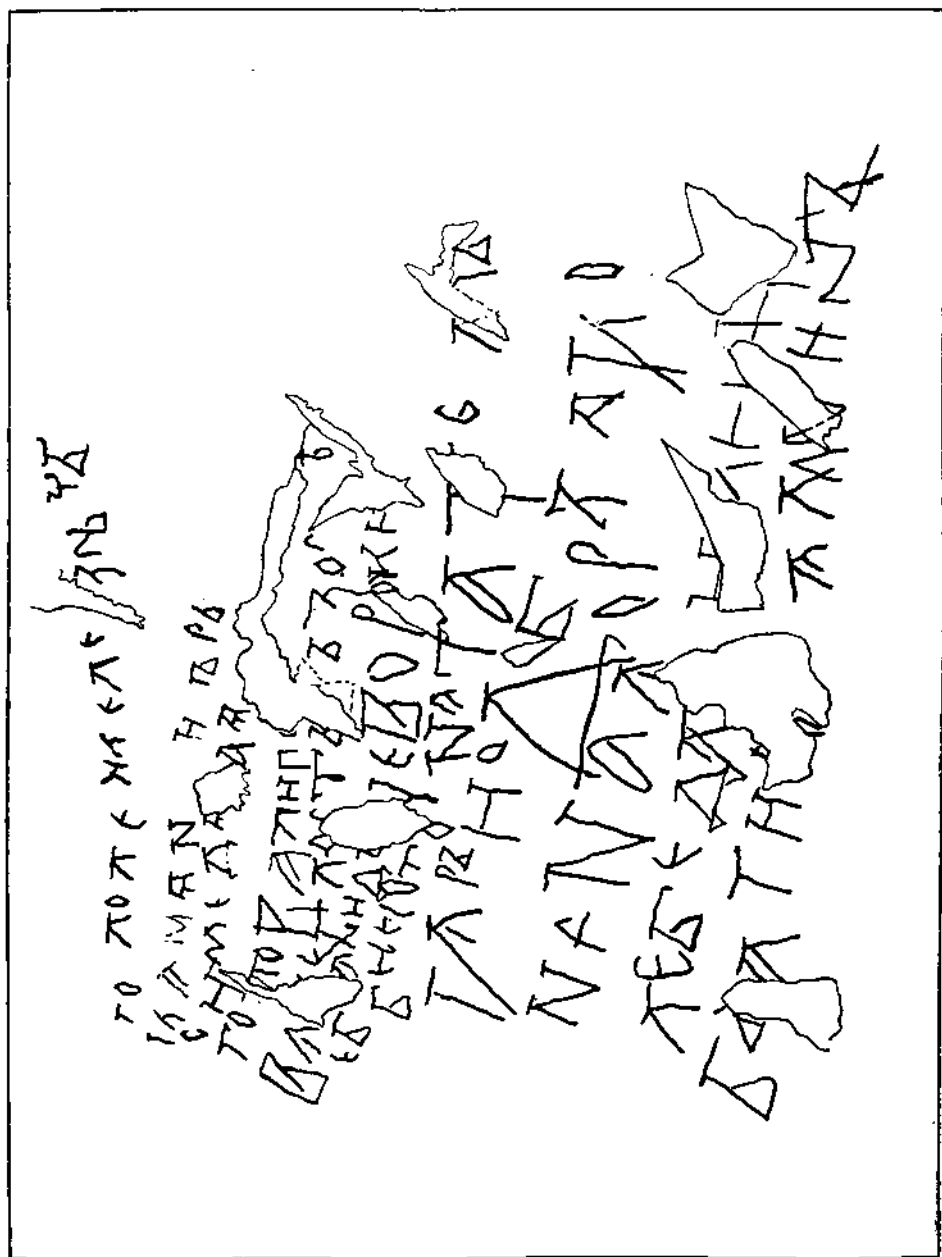

118. Надпись № 192. Прорись

НРАКМЪ ТА ДКА БРА
КОМА БЗЛТЛХАААААА

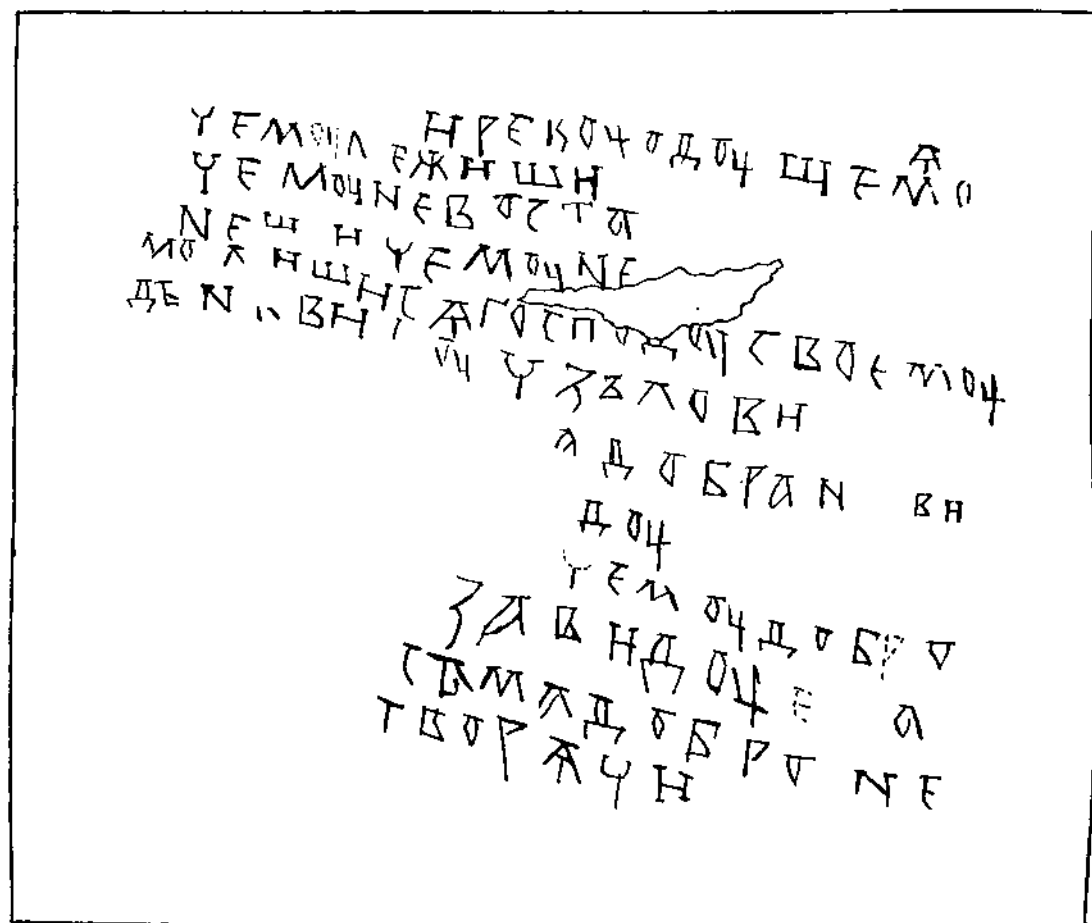

122. Надпись № 199. Фото, прорис

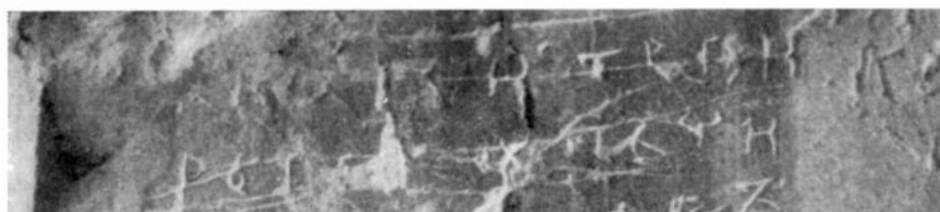

125. Надпись № 206. Прорись

← 123. Надпись № 201. Фото, прорись

124. Надпись № 202. Фото, прорись

126. Надписи № 203, 204, 205. →
Фото, прориси

І С Н Т Е П Н
 Р О Г Е В П П Е Ч Н
 Г Р Н Д Д Ф А В В
 К О Р А Б П Н

П Е Р Е П Е А Д К А
 П А Р А Д О У Б Р О
 В Е П О С Т К А
 Ш О У П О Д В И П Н
 Г О Г Е Ч О У Н Д Н

О У С А Х У Н Т Е
 Т Н Р О У К И

О Х Ъ
 А Ш Е
 Г Р Ъ

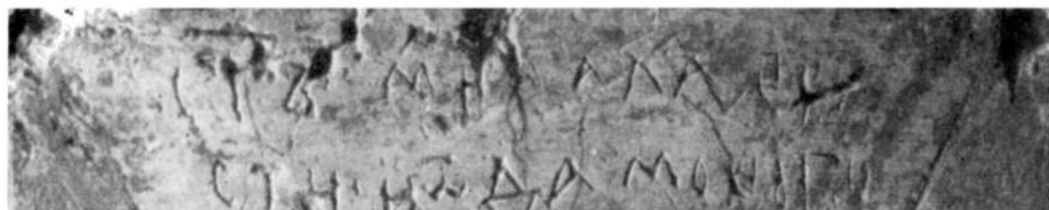

О С Т В
Петр

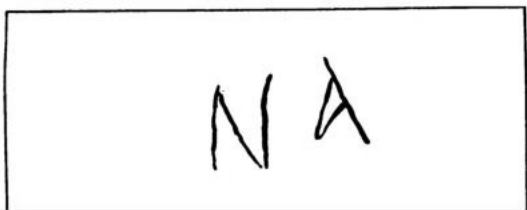

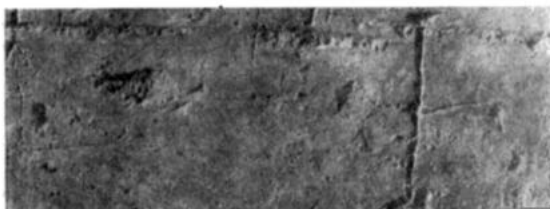
ОСѢ ПЕ ТРЕ
ПРОВОТННѢ
ААЖЪ В
ЕЛНКОТН
ІЗТРЪШ
ХЗРА ОУ
СВОЕЛЛОУ
МНКАН
ЛОУА МНЪ

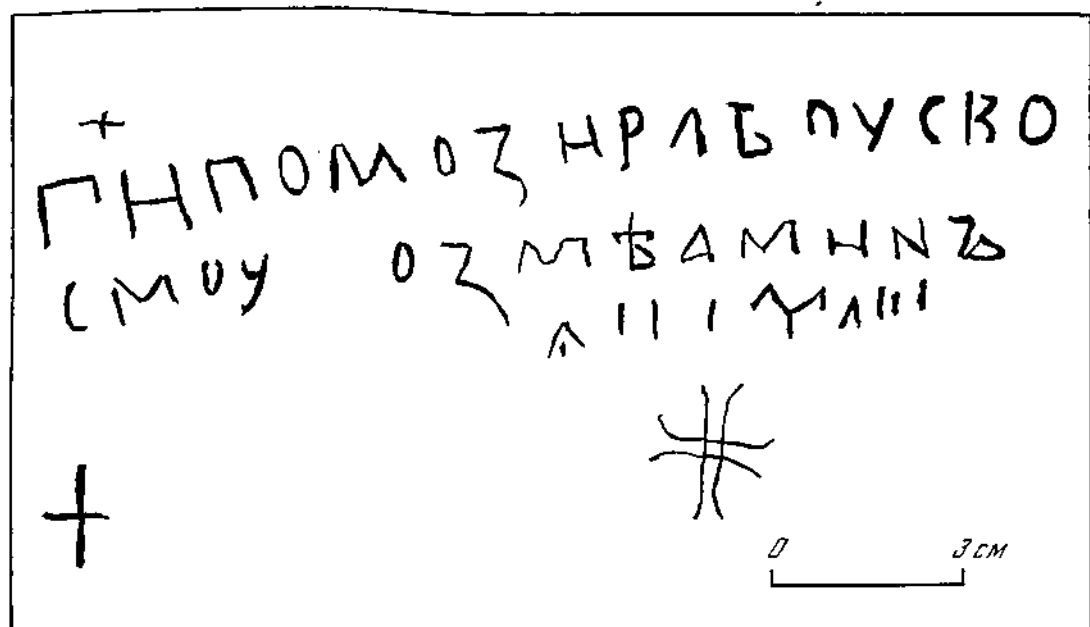

Добр
шъкхно

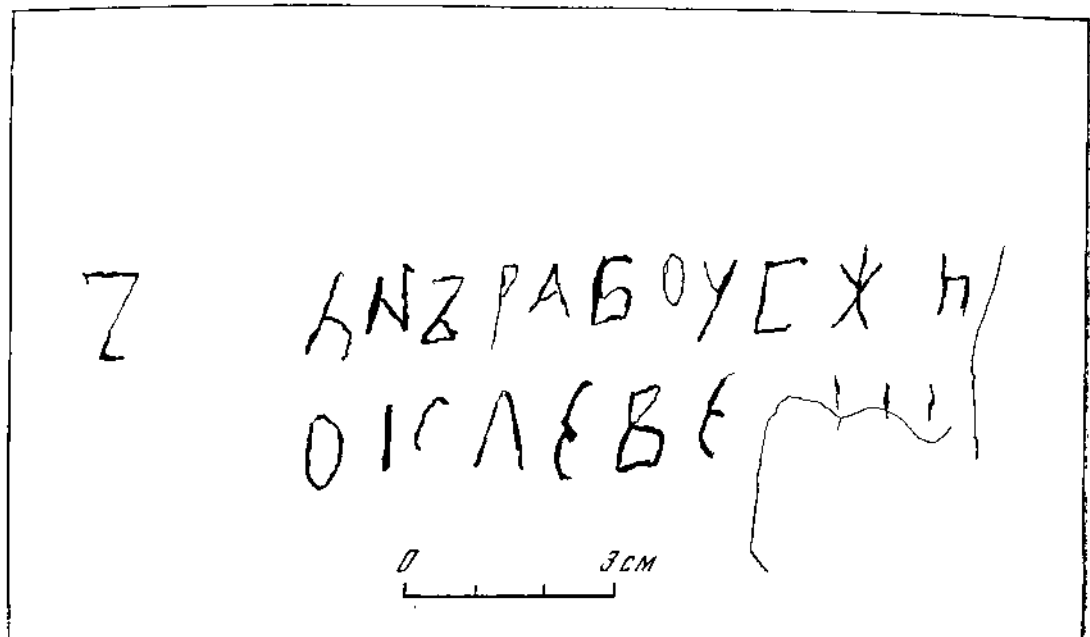

0Y 0P1 8
MOLFAE TA ET 6. CO
HBONTPIH YS
ΓΡΑΛΛΗΡΟΝΤΕ,

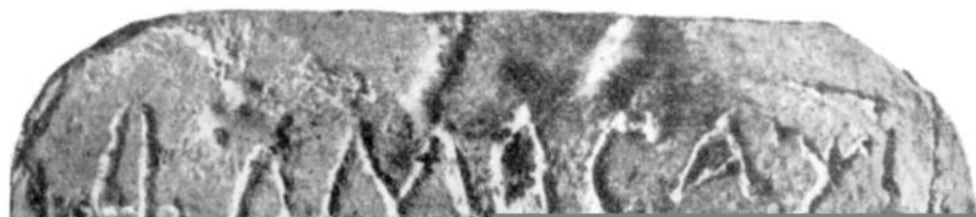

140. Надпись № 228. Фото с кальки

141. Надпись № 229. Фото с кальки

0N0YΦ, .πH
NA / a a

ГН 0013 НРА БОУСПОСНОУ 'УМОНУ

СВЯТЫЙ
ПИСЬМО

HBANZ P-6 TT KE

СТАВУ О СЛУХИ
ГРЕШНОМУ ПОНА
А ПОНА СЛАВУ СЛАВУ

ТАБЛИЦА I

Количественное соотношение сохранившихся и утраченных надписей в разных хронологических группах

Датировка	Написи, сохранившиеся до сих пор	Сохранившиеся в фото или слепках	Написи, известные только по описанию
XI—первая половина XII в.	Точно датированные	17 № 13—15, 24, 26—35, 143, 144, 167	5 № 11, 12, 16, 17*, 22 7 № 18—21, 23, 25, 182
	Архитектурно- эпиграфические	51 1**, 2**, 3**, 4**, 5**, 36—46, 53—59, 62—70, 72—90	59 № 47—52, 60—61, 71, 91—132, 134—141 1 № 133
	Только палеографи- ческие	20 № 6**, 142, 145—148, 152—154, 157, 159— 166, 170—171	12 № 7**, 8**, 149—151, 158, 168—169, 189—192 20 № 9**, 10**, 155— 156, 172—181, 183—188
	Точно датированные	3 № 193*, 194*, 197	
XII—первая половина XIII в.	Архитектурно- эпиграфические	10 № 201—210	
	Палеографические	4 № 195—196, 198—199	8 № 200, 211—217 1 № 218
XI—XIII вв.	Палеографические	1 № 222	6 № 219—221, 231, 233— 234 12 № 223—230, 232, 235— 237
	Палеографические	5 № 238, 241—242, 244, 253	10 № 239—240, 245—252 1 № 243

* — отмечены надписи, имеющие дату в тексте, ** — глагольные надписи

ТАБЛИЦА II
Количественное распределение авторов, оставшихся надписи,
по принципу социальной принадлежности

Дата	Художники	Строители	Приты, птерис- чики, церковно- княжеская админи- страция	Дружин- ники	Бояре	Холоп?	Швец?	Надписи с отчествами
XI— XII вв.	20 № 141*, 12*, 13*, 14*, 15*, 27***], 16*, 17*, [18*, 22***, 23***, 50***, 51***], [19*, 21**], 20*, 28*, 26***] 25**	7 № 29**, 30**, 31**, 32**, 33**, 34**, 35**	20 № 1**, 2**, 3**, 4**, 5**, 6**, 8**, 9**, 10**, 143*, 144*, 146**, [157**, 158**, 160**], 159**, 161**, [168, 169]***, 179**	3 № 7*, 155**, 167*	1 № 182**	1 № 189***		5 № 47, 59, [68, 87], 153
XII— XIII вв.			8 № 196*, 211***, 213***, 214***, 215***, 216***, 217***, 218*	1 № 197*	1 № 207**		1 № 210***	
XI— XIII вв.			2 № 223***, 233***	1 № 225*				
XIII— XIV вв.			4 № 247*, 248***, 249***, 250***					

* — автор сам называет свою профессию, ** — о профессии автора можно судить по косвенным данным, *** — профессия автора определяется предположительно. В квадратных скобках даны номера надписей, оставленных одним и тем же автором

ТАБЛИЦА III

Количественное соотношение надписей в верхних и нижних помещениях собора

Дата	Нижние помещения	Лестница	Хоры, помещения 2-го этажа	Тайники	Верхние части зданий, вспулинные со строит. лесов	Надписи, местопо- ложение которых неизвестно
XI— XII вв.	123 № 1 **, 2 **, 3 **, 4 **, 5 **, 6 **, 12 **, 28 **, 33 **, 35 **, 36—49 **, 50 **, 51 **, 52—141, 162—166, 167 *, 184	26 № 11 **, 13 **, 14 **, 16 **, 17 **, 22 **, 26 **, 29 **, 30 **, 31 **, 32 **, 34 **, 142, 143 **, 145, 146 **, 147—154, 155 **, 156	18 № 9 **, 25 **, 144 *, 158 **, 168 **, 169 **, 170—178, 180—181	4 № 157 **, 159 **, 160 **, 161 **	6 № 15 **, 18 **, 19 **, 20 **, 21 **, 24 **	15 № 7 *, 8 **, 10 **, 23 **, 27 **, 182 **, 183, 185—188, 189 **, 190—192
XII— XIII вв.	10 № 201—206, 207 **, 208—209, 210 ***, 217 **	8 № 193—195, 196 *, 197 *, 198—200	7 № 214 **, 212, 213 **, 214 **, 215 **, 216 **, 217 **			1 № 218 *
XI— XIII вв.		3 № 219—221	12 № 222, 223 **, 224, 225 *, 226—232, 233 **			4 № 234—237
XIII— XIV вв.	2 № 252—253	7 № 238—244	3 № 248 **, 249 **, 250 **			4 № 245—246, 247 *, 251

* — автор надписи сам называет свою профессию, ** — профессию автора можно определить по косвенным данным; *** — профессия автора определяется предположительно

ТАБЛИЦА IV
Количественное соотношение надписей по тематическим группам

Дата	I Материальные записи	II Отрывки словес. фраз и бо- лее раз- нообраз- ные тексты	III Полно- ценные тексты	IV Лето- писные	V Хозяй- ствен- ные	VI Обра- щенные в гла- голы	VII Надписи-автографы			VIII Рабо- чие по- метки	IX Бюро- вые	X Некото- рые со- держа- ния
							с полнотой текста	с рисун- ками	без сопровод. текста и рисун- ков			
XI— XII вв.	39 № 1, 2, 3, 6, 12, 20, 26, 45, 46, 48, 59, 62, 63, 64, 67, 73, 81, 84, 89, 118, 132—134, 145, 161—163, 167—169, 172—177, 182, 186, 196	19 № 49, 77, 92, 94— 100, 105, 128—131, 135, 138, 150, 183	3 № 82, 137, 190	4 № 29—32, 146, 184	4 № 71, 75, 146, 184		17 № 7, 8, 11, 21, 22, 52, 60, 79, 80, 112, 35, 142, 143, 41, 147, 153, 72, 154, 180, 185	25 № 9, 10, 15, 19, 37, 24, 25, 27, 35, 36, 39, 41, 50, 66, 72, 85, 88, 90, 93, 101, 109, 119, 149, 170, 178	53 № 13, 14, 16, 17, 37, 38, 40, 43, 44, 53—58, 61, 65, 74, 76, 83, 102—105, 108, 110, 111, 113— 117, 123, 126, 127, 139, 144, 148, 151, 152, 156, 157, 159, 161—166, 171, 181, 187—189	3 № 28, 33, 34	6 № 5, 124, 136, 158, 160, 179	19 № 4, 23, 42, 51, 68—70, 78, 86, 91, 107, 120—122, 125, 140, 141, 155, 192
XII— XIII вв.	7 № 200, 207—211, 218	3 № 201, 205, 206			2 № 215, 216				9 № 193, 194, 196—198, 212— 214, 217		3 № 199, 203, 204	2 № 202, 195
XI— XIII вв.	7 № 220, 223, 224, 228, 229, 235, 236	1 № 222				1 № 237	1 № 230		5 № 219, 226, 227, 231, 233		1 № 234	3 № 221, 225, 232
XIII— XIV вв.	2 № 243, 250	4 № 244, 248, 249, 251		1 № 246	2 № 238, 253	1 № 247	2 № 240, 245	1 № 241	1 № 242			2 № 230, 252
Общие ком- плексы	55	27	3	5	8	2	20	26	68	3	10	26

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
АФЗХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.
ЗОРСА РАО	— Записки Отделения русской и славянской филологии Русского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАО	— Московское археологическое общество
МАР	— Материалы по археологии России
Н1Л	— Новгородская первая летопись
Н2Л	— Новгородская вторая летопись
Н3Л	— Новгородская третья летопись
НГБ (1951)	— А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1951 г. М., 1953
НГБ (1952)	— А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954
НГБ (1953—1954)	— А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958
НГБ (1955)	— А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М., 1958
НГБ (1956—1957)	— А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963
НГБ (1958—1961)	— А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958—1961 гг. М., 1963

ИВЛ	— Повесть временных лет. М.—Л., 1950—1955
ПРП	— Памятники русского права, т. I. М., 1952
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РИБ	— Русская историческая библиотека
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
Труды АС	— Труды Археологического съезда
ЭСФ	— Энциклопедия славянской филологии

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

** Раздел первый **

НАДПИСИ

XI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

23

Глава первая

ГРАФФИТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XII в.

25

1. Глаголические надписи

25

2. Автографы художников и строителей

32

3. Надписи

с архитектурно-стратиграфической датой
1050—1108(12) гг.

61

4. Надписи, не имеющие архитектурно-стратиграфической даты

93

Глава вторая

НАДПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в.

139

1. Граффити, прочерченные по первоначальной цемяночной штукатурке лестничной башни

139

310

2. Надписи из Мартирьевской паперти,
процарапанные по фресковой живописи
145

3. Надписи из ризницы
153

Глава третья
НАДПИСИ С ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДАТОЙ
XI—XIII вв.
159

** Раздел второй **
НАДПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—XIV в.
ПАЛЕОГРАФИЯ
167

Глава четвертая
НАДПИСИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII—XIV в.
ЛЕСТНИЧНОЙ БАШНИ И РИЗНИЦЫ
169

Глава пятая
ПАЛЕОГРАФИЯ НАДПИСЕЙ-ГРАФИТИ
179

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
190

ИЛЛЮСТРАЦИИ
201

ТАБЛИЦЫ
КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СООТНОШЕНИЙ НАДПИСЕЙ
304

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
308

Альбина Александровна
МЕДЫНЦЕВА

ДРЕВНЕРУССКИЕ
НАДПИСИ
НОВГОРОДСКОГО
СОФИЙСКОГО СОБОРА

Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства
С. Н. Васильченко

Художник
Н. А. Седельников

Художественный редактор
Ю. П. Трапезов

Технический редактор
Ю. В. Рылина

ИБ № 4350

Сдано в набор 25/II 1977 г.
Подписано к печати 1/XII 1977 г.
Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 22,9. Уч.-изд. л. 22,3.
Тираж 9000. Т-20314.
Тип. зак. 199.
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12